

Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева)

Сборник материалов
Всероссийской научной конференции
с международным участием

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Филиал Российского общества «Знание» в Чувашской Республике
Общественная палата Чувашской Республики

**Парадигмы российской истории
сквозь призму биографистики
(к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева)**

Сборник трудов
Всероссийской научной конференции
с международным участием

Чебоксары 2019

УДК 94(470+571)(082)

ББК 63.3(2)Я43

П18

Рецензенты: **Агеева Наталья Николаевна**, канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»

Идрисов Рустем Анатольевич, канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»

Краснова Марина Николаевна, канд. филос. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»

Липатова Ирина Алексеевна, канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»

Редакционная

коллегия:

Широков Олег Николаевич, главный редактор, д-р ист. наук,
профессор, декан историко-географического факультета, член
Общественной палаты Чувашской Республики

Иванова Татьяна Николаевна, д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»

Дизайн

обложки:

Фирсова Надежда Васильевна, дизайнер

П18 «Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики
(к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева)»: материалы Всерос.
науч. конф. с межд. участ. (Чебоксары, 18 апр. 2019 г.) / редкол.:
О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ИД «Среда», 2019. – 216 с.

ISBN 978-5-6042436-6-4

В сборнике представлены статьи участников Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященные 140-летию Алексея Ивановича Яковлева. В материалах сборника приведены результаты теоретических и прикладных изысканий представителей научного и образовательного сообщества в области просвещения, истории и культуры России.

ISBN 978-5-6042436-6-4

DOI 10.31483/a-49

УДК 94(470+571)(082)

ББК 63.3(2)Я43

© ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова», 2019

Предисловие

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» совместно с Филиалом Российского общества «Знание» в Чувашской Республике и Общественной палатой Чувашской Республики представляют сборник трудов по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием **«Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева)»**.

В публикациях участников Всероссийской научной конференции с международным участием нашли отражение результаты теоретических и прикладных изысканий представителей научного и образовательного сообщества в области про-

свещения, истории и культуры России.

По содержанию публикации разделены на основные направления:

1. Биографистика как средство исторического познания.
2. Семья Яковлевых и проблемы просвещения.
3. Личность в истории и история в личности
4. Проблемы российской истории: интерпретация источников в свете новейших дискуссий
5. Геополитика: ретроспектива, перспектива, проблемы изучения и преподавания.

Авторский коллектив сборника представлен широкой географией: городами России (Москва, Арзамас, Вологда, Елец, Казань, Мытищи, Нижний Новгород, Пятигорск, Таганрог, Чебоксары, Челябинск), Китайской Народной Республики (Хэфэй), Республики Казахстан (Кокшетау) и Украины.

Среди образовательных учреждений выделяются следующие группы: университеты и институты России (Вологодский институт права и экономики ФСИН, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), Казанский национальный исследовательский технологический университет, Московский государственный областной университет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Пятигорский государственный университет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российский университет дружбы народов, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Челябинский государственный университет, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова), Китайской Народной Республики (Аньхойский университет), Республики Казахстан (Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова) и Украины (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова).

Небольшая группа образовательных организаций представлена научными учреждениями.

Участники конференции представляют собой разные уровни образования и науки от докторов и кандидатов наук ведущих вузов страны, профессоров и доцентов, аспирантов, магистрантов и студентов до преподавателей вузов, а также научных сотрудников.

Редакционная коллегия выражает глубокую признательность нашим уважаемым авторам за активную жизненную позицию, желание поделиться уникальными разработками и проектами, участие во Всероссийской научной конференции с международным участием **«Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева)»**, содержание которой не может быть исчерпано. Ждем Ваши публикации и надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Главный редактор – д-р ист. наук, проф.
Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова,
декан историко-географического факультета
Широков О.Н.

ОГЛАВЛЕНИЕ

БИОГРАФИСТИКА КАК СРЕДСТВО
ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

<i>Попова Т.Н.</i> Биографистика: к проблеме дисциплинарного статуса .. 8	8
<i>Репина Л.П.</i> Биография в контексте «глобальной микроистории» ... 12	12
<i>Идрисов Р.А.</i> Есть ли будущее у биографистики в историческом образовании российской высшей школы?	18
<i>Мухаметшина Л.Т.</i> Биографические исследования как составляющая научной деятельности Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Татарстана.....	22
<i>Мязков Г.П., Иванова Т.Н.</i> Биографика: этапы дисциплинарного становления	25
<i>Чиглинцев Е.А.</i> Personalia как биография историка.....	32

СЕМЬЯ ЯКОВЛЕВЫХ И ПРОБЛЕМЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

<i>Селиванова О.В., Цыпкина А.Г.</i> Эпистолярное наследие А.И. Яковлева: материалы к биографии (по документам личного фонда в Архиве РАН)... 38	38
<i>Гришина Н.В., Алеврас Н.Н.</i> Алексей Иванович Яковлев и его диссертационные диспуты	44
<i>Дмитриева О.О.</i> Алексей Иванович Яковлев как инициатор реализации коммеморативных практик Отечественной войны 1812 года в первой половине XX века.....	52
<i>Зыкина А.П.</i> Двухклассные училища Министерства народного просвещения на территории Чувашского края.....	55
<i>Иванова Т.Н., Пушина А.П.</i> Новые источники об организаторско-преподавательской деятельности Алексея Ивановича Яковлева в Симбирске (к публикации письма И.С. Степанова).....	58
<i>Колесник Н.Т.</i> Трудовое воспитание в истории педагогической мысли: К.Д. Ушинский	63
<i>Кочемасова Т.В., Жуликова С.Н., Курникова И.А., Павличенко Л.А., Виверос М., Хукери Р., Веланги П.</i> Поддержание просветительских традиций прошлого – основа сохранения и развития культурного наследия в будущем.....	66
<i>Ласточкин В.Б.</i> Трудовое обучение и воспитание в педагогической системе И.Я. Яковлева	73
<i>Павлова А.Н.</i> И.Я. Яковлев в письмах к А.И. Яковлеву	76
<i>Пупышев И.В.</i> О роли Н.И. Ильминского в просвещении народов Поволжья в конце XIX – начале XX века	80

Удалова И.В. Духовное наследие Иакинфа Бичурина в сокровищнице культурных, нравственных и мировоззренческих ценностей народа 84

Шумилова О.В. Деятельность И.Я. Яковлева в трудах Н.Г. Краснова .92

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ И ИСТОРИЯ В ЛИЧНОСТИ

Кузнецов А.А., Селиванова О.В. «Очень жаль, что Вы не поехали»: к истории несостоявшегося участия С.И. Архангельского в работе Международного конгресса историков в Риме (1955 г.) 95

Агеева Н.Н. М.И. Ростовцев и Санкт-Петербургский университет ..100

Агеева Н.Н. Михаил Алексеевич Фортунатов: штрихи к биографии .. 105

Бараматов А.И., Минеева Е.К. От пожарного до начальника управления: исторический портрет М.А. Шарко 108

Боголюбов С.А. Олег Степанович Колобасов – ученый мирового уровня 1 10

Васильева О.Н. Политическая элита Чувашской автономной области (1920–1925 гг.) сквозь призму историко-биографических исследований..... 115

Галошева О.Н. С.Ф. Сайкин – первый ректор Чувашского государственного университета..... 124

Гринченко Н.А. Жизненный путь святителя Луки 129

Гуров М.И., Качевский П.С. Владимир Петрович Литвиненко – жизнь, отданная людям и науке 135

Данилова А.П. Научно-педагогическое наследие кафедры всеобщей истории Чувашского государственного университета: Вайнер Иосиф Семенович..... 139

Захарченко О.В. Семейный аспект биографии С.А. Котляревского 144

Митрофанова А.И. Матвей Иванович Платов: к вопросу о военной биографии донского атамана..... 148

Хоруженко В.К. Историк на переломе эпох: личностное измерение событий 1917–1920 гг. Ю.В. Готье..... 152

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ДИСКУССИЙ

Павлушков А.Р. Петровское законодательство как исторический источник изучения государственно-церковных отношений в карательной сфере..... 157

Вязова О.Г., Недвигина О.М. Локальные особенности детских игр жителей г. Чебоксары (1940-1980-е гг.) 160

Гаврилов О.Е., Карягин Ф.А., Гаврилов А.О. В.Д. Дмитриев о природе Чувашского края..... 165

Евдокимова А.Н., Лянкина А.Л. Формы антирелигиозной деятельности Союза воинствующих безбожников в Чувашской Республике в 20–30-е годы... 172

Иванова Т.Н., Андреева В.А. Проблемы создания источников устной истории и память о 1990-х гг. (на примере воспоминаний чебоксарцев)... 177

<i>Кадыров Р.В.</i> Методологические подходы к рассмотрению понятий «служилые татары» и «служилые чувашки» в отечественной историографии. 182	
<i>Касимов Е.В.</i> Деятельность Чувашского фотокинематографического управления «Чувашкино» и И.С. Максимова-Кошкинского во второй половине 1920-х годов глазами Чувашского отдела ОГПУ 186	186
<i>Пакшина Н.А.</i> Именины. Традиции дореволюционной России..... 192	192
<i>Пономарева В.В.</i> Биографические заметки для истории закрытых женских институтов российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) 197	197
<i>Цзюань Л., Краснова М.Н.</i> Отражение ценностей в русских и китайских сказках 201	201

ГЕОПОЛИТИКА: РЕТРОСПЕКТИВА, ПЕРСПЕКТИВА, ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ

<i>Коровина Е.В., Трофимова Ю.В.</i> Геополитические аспекты во внешней политике американских президентов 204	204
<i>Глотов А.А., Адамова М.А.</i> Миграционный кризис в Германии и поиски пути его преодоления 207	207
<i>Идрисов Р.А.</i> Современный этап институционализации политических режимов постсоветских республик..... 210	210
<i>Каконова М.М., Оразалы Т.Ж.</i> План нации – путь к казахстанской мечте 214	214

БИОГРАФИСТИКА КАК СРЕДСТВО ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Попова Татьяна Николаевна

канд. ист. наук, доцент
Одесский национальный
университет им. И.И. Мечникова
г. Одесса, Украина

БИОГРАФИСТИКА: К ПРОБЛЕМЕ ДИСЦИПЛИНАРНОГО СТАТУСА

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы статуса научной области знаний, сфокусированной на изучении биографий; анализируются формы историко-биографической рефлексии и самоназвания современного биографизма; предложена авторская интерпретация системы биографических исследований.

Ключевые слова: биографистика, биографика, новая биографика, биоисториография, биографизм.

Новый этап биографического поворота – ренессанс биографизма в наши дни – обусловил и новый виток рефлексии: самоанализ представителей этого жанра связан не только с поисками оптимально-методологического инструментария, но и с необходимостью самоидентификации в дисциплинарном пространстве науки. Тезис о *расдисциплинировании* науки еще «вчера» считался аксиоматичным, «сегодня» «...пришло время «собирать камни» – дисциплинарная матрица обнаружила способность к восстановлению...» [12, с. 550]; обращение к проблемам дисциплинарности, анализ специфики дисциплинаризации отдельных областей знания [6], интерес к дуэту дисциплинарность/междисциплинарность заявили о себе в контексте акцентуализации дисциплинарной истории. В этом плане все отчетливее звучат идеи о самостоятельном статусе био-письма (как синтеза подходов и жанрового многообразия) в системе социогуманитаристики. Ученые оценивают *биографический поворот* как выход биографических исследований из маргинальной зоны – обретение этим жанром дисциплинарных границ. Одновременно сформулированы и диаметрально противоположные суждения: биография не обладает самостоятельностью, но «манifestирует» *научную биографию* как тип гуманитарного знания и *биографию* как социокультурный феномен культурной традиции [3; 4; 5; 8]. Вероятно, следует разграничивать эти два лика биографии, с одной стороны, и формы биографической рефлексии на «внешнем», дисциплинарном уровне – с другой.

Биографика и *биографистика* (иногда – *биографоведение*) – «дисциплинарные наименования», возникшие в советскую эпоху, – в современной российской и украинской историографии имеют неоднозначную трактовку. Ведущие российские «биографоведы» определяют *биографи-*

ку (появившуюся как *дисциплинарное понятие* в работах И.Т. Филиппова еще в 1920-е гг.), во-первых, как систему философско-методологических, историографических, историко-культурных, рецептурных знаний и представлений о биографии [1], во-вторых, как специальную историческую дисциплину, предмет которой – человек в истории и собственное биографическое знание [9, с. 12]. В современных российских словарно-энциклопедических изданиях *биографика* – вспомогательная историческая дисциплина, разрабатывающая теоретические, методические, историографические, источниковедческие проблемы биографий, ее задачи – изучение типов биографического письма и биографического сознания. *Биографистику*, которая употреблялась в советской историографии 1970–1980-х гг. в рамках рефлексии над *биографикой* (совокупностью научных и научно-популярных трудов и художественных произведений), трактуют в качестве блока кратких биографических сведений о представителях различных социальных и профессиональных групп [13, с. 33–35]. Появление очередного понятия *новая биографика* связывают с антропологическим поворотом в исторической науке и наделяют его самоназванием – *новая биографическая история*. Эклектизм, проблема соотношения микро- и макроанализа как ведущая методологическая проблема, известная схема Д. Уокера (в качестве типологии биографического жанра) – основные черты *новой биографики*. Принципиальное ее отличие от традиционной исторической биографии в том, что личная жизнь и судьба индивидов используются для прояснения социального контекста, а не наоборот, как это практиковалось ранее [13, с. 324–325].

В Украине значительная роль в становлении проекта «философской биографики» принадлежит А.Л. Валевскому, для которого *биографика* – наука о биографии, «дисциплина гуманитарного цикла», разрабатывающая «теорию и методологию биографического письма» [3; 4, с. 32–33]. *Биографистика* в украинских изданиях – научная дисциплина (институционализация которой проходит в Украине приблизительно с рубежа 1980–1990-х гг.), изучающая теорию, методологию, методику, историографию, практику и терминологический аппарат историко-биографических исследований, источниковедческие проблемы биографий и разнообразные виды биографической продукции. Термин *биографика* в качестве заместителя термина *биографистика* употребляется в широком смысле для обозначения литературно-биографического жанра, искусства описания жизни [7, с. 268; 14, с. 295–296]. В реальной практике как в российской, так и в украинской историографии понятие *биографика* в большей степени – сфера философии и филологии; историки предпочитают термин *биографистика* [2]. Вместе с тем термин *биографистика* достаточно часто используется украинскими философами, при этом констатируется факт отставания в оформлении *философской биографистики* по сравнению с *биографистикой исторической* [5; 8]. Историки исторической науки оперируют термином *биоисториография* (понятием, заявленным в советской литературе приблизительно с 1970–1980-х гг.), означающим составляющую историографических исследований, объект которых – личность историка (профессионала и аматора) и его творческое наследие. Имея давнюю традицию и являясь одной из основ (наряду

с проблемно-тематической историографией) формирования самой дисциплины историографии, биоисториография претерпела различные модификации, колеблясь в поисках оптимальных исследовательских решений вместе с колебаниями своей родовой – исторической и видовой – историографической науками. Сегодня *биоисториография* предстает в форме институционального таксона – проблемного поля/направления историографических исследований, относительно автономной сферы в дисциплинарном ландшафте историографии; ее контуры не имеют жесткой демаркации и тесно соприкасаются с историей науки и исторической биографией, биографистикой в целом и иными социогуманитарными областями [11].

Историческая биографистика, на мой взгляд, это – рефлексивная дисциплина исторического профиля, объект которой – историческая биография как социокультурный феномен и тип исторического знания, предмет – история, теория и методология историко-биографических исследований/познания. Укрепление статуса этой дисциплины – в вовлечении в свою орбиту новых эвристически значимых подходов, эпистемологических и категориальных образцов, в расширении содержательного диапазона, в ориентации на исследовательские приемы иных социогуманитарных сфер, в приобщении к новациям современного биографизма, не забывая одновременно традиционного наследия.

Дисциплинарные размежевания *биографистики/биографики* свидетельствуют о сложности дисциплинарного синтеза этой области социогуманитарного знания, о различиях в дисциплинарном фокусе и подходах к трансляции общетеоретических постулатов в конкретную дисциплинарную практику. Следует учитывать не только «дисциплинарные разногласия», но и дисциплинарно-региональную специфику, например, отличия в традициях *biographical research* в границах национально-государственных образований или более масштабных научных ареалов (евроатлантического и восточноевропейского). Пожалуй, в качестве отправных моментов для последующего осмысления проблемы можно предложить, во-первых, конструирование конвенциональной модели научной дисциплины [10, с. 375–402], а во-вторых, анализ самосознания *научного сообщества* «биографоведов» (коллективного субъекта биографических исследований). Дисциплинарность, как известно, транснациональна, однако, поскольку дисциплинарный мир включен в социокультурный контекст, постольку одна и та же область знания в разных традициях имеет институциональную специфику: свое наименование как выражение социализации когнитивного образования, систему институтов, научный статус и пр. Дисциплинарное сообщество неоднородно, это – гранулированная среда, в которой важно выявить коммуникативные механизмы, способствующие выработке парадигмальных основ научной дисциплины.

Образ *биографизма* как междисциплинарной системы биографических научных исследований, или «биографоведения» как социокогнитивного образования, вписанного в социокультурный контекст («фолк-биописьмо» – отдельная тема), можно представить в виде двухуровневой конструкции: нижний уровень – биографическая составляющая каждой конкретной дисциплины – истории, философии, социологии и т. п., –

имеющая свой таксономический эквивалент (от проблемного поля / направления до дисциплины) с соответствующим самоназванием. Верхний уровень – *биографический подход* как фокусная ориентация, пронизывающая дисциплинарные поля наук, изменяющая свой теоретико-методологический аппарат в зависимости от конкретной модели биографического анализа, регионально-темпоральной специфики своего проявления, ситуационных запросов, багажа традиций и конкретнодисциплинарных особенностей. Обращение к биографическому подходу – как к инструменту для прояснения идей / открытий / эпохи / социального контекста через личность – происходит в соответствии с «персональным маршрутом» (П. Бурдье) каждой дисциплины.

Список литературы

1. Беленький И.Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции / И.Л. Беленький // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2005. – С. 37–54.
2. Биографістика в контексті сучасних історичних та історіографічних досліджень: Харківський історіографічний збірник. – Харків: НМЦ «СД», 2003. – Вип. 6. – 192 с.
3. Валуевский А.Л. Основания биографики / А.Л. Валуевский. – Киев: Наукова думка, 1993. – 110 с.
4. Валуевский А.Л. Биографика как дисциплина гуманитарного цикла / А.Л. Валуевский // Лица. Биографический альманах. – СПб., 1995. – Вип. 6. – С. 32–49.
5. Голубович И.В. Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): монография / И.В. Голубович. – Одесса: ФЛП Фридман А.С., 2008. – 372 с.
6. Дмитриев А. Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках / А. Дмитриев // Науки о человеке: история дисциплин: коллективная монография / сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»). – М.: ИД Высшей школы экономики, 2015. – С. 7–38.
7. Ляшко С.М. Українські біографічні довідкові видання XIX–XX століття: історичні та теоретико-методичні засади / С.М. Ляшко. – Запоріжжя: Дике Поле, 2010. – 288 с.
8. Менжулін В.І. Біографічний підхід в історико-філософському пізнанні: монографія / В.І. Менжулін. – Київ: НаУКМА, Аграр Медіа груп, 2010. – 455 с.
9. Петровская И.Ф. Биографика. Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов / И.Ф. Петровская. – СПб.: Петрополис, 2010. – 384 с.
10. Попова Т.Н. Образ истории в современном историографическом пространстве // Человек в истории и культуре: мемориальный сборник научных работ в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук Владимира Никифоровича Станко / отв. ред. А.А. Пригарин. – Одесса: Ирбис, 2017. – С. 375–402.
11. Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика / Т.Н. Попова. – Одесса: Бондаренко М.А., 2017. – 456 с.
12. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
13. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. – 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – М.: Аквилон, 2016. – 544 с.
14. Ясь О.В. Біографістика / О.В. Ясь // Енциклопедія історії України: в 5 т. / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. – Київ: Наукова думка, 2003. – С. 295–296.

Репина Лорина Петровна

д-р ист. наук, профессор, член-корреспондент
Российской академии наук (РАН), руководитель

Центр интеллектуальной истории
Института всеобщей истории РАН

г. Москва

БИОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ «ГЛОБАЛЬНОЙ МИКРОИСТОРИИ»

***Аннотация:** биографические исследования являются неотъемлемой частью микроистории. В статье проблемы и методы современной биографии рассматриваются именно в контексте новейших тенденций развития и нового осмысления эвристического потенциала микроисторических подходов. В фокусе внимания автора находятся биографические исторические исследования, в которых динамика внутреннего мира индивида и перипетии его личной судьбы соотносятся с изменениями во включающей его конфигурации социальных взаимосвязей, реализуя в духе «глобальной микроистории» установку на выявление полного спектра и пределов тех возможностей, которыми располагает индивид в рамках данного культурно-исторического контекста.*

***Ключевые слова:** историческая биография, индивид, микроистория, социокультурный подход, глобальная история.*

Анализируя новейшие тенденции в мировой историографии последнего десятилетия, нельзя не заметить, что энтузиазм в отношении микроанализа и микроистории, характерный для 1990-х годов, получил дальнейшее логическое развитие в направлении, связанном с теоретическими поисками новых интегративных подходов, с интересом к микроистории в версии «новой глобальной», или «новой мировой истории» [4; 5]. Несмотря на очевидный контраст между «историей одной жизни» и изучением крупных социально-исторических процессов, именно в истории индивидов видится возможность найти путеводную нить между микро- и макромиром в их историческом измерении, «очеловечить» глобальную историю, введя в нее конкретных одушевленных и действующих субъектов. Этот методологический тренд некоторые аналитики назвали внешне парадоксальным термином «глобальная микроистория» [18]. Способы включения микроисторических исследований в более масштабные полотна региональной и мировой истории представляются историкам по-разному [18; 22; 24], но результаты такой комбинации точно сходятся в одном – в приближении макронарративов к «людям в истории», а, следовательно, и к читателям.

В течение многих веков, начиная со времен Плутарха, историческая биография, подразумевающая описание жизни выдающейся исторической личности, является самым популярным жанром европейской историографии, и это несмотря на критические оценки ее познавательного потенциала со стороны многих представителей исторической науки Нового и Новейшего времени. В основе исследовательской процедуры ле-

жит анализ разнообразных источников, в первую очередь эго-документов. Профессиональный историк, следуя научным стандартам, рассматривает и пытается понять своего героя (или, допустим, антигероя) в контексте той эпохи, в которой данный исторический персонаж жил. Однако недаром главной среди обсуждаемых методологических проблем биографии как жанра исторического исследования была и остается именно проблема взаимодействия этих двух субъектов: с одной стороны, герой биографии, неразрывно связанный со своим временем, с другой – автор, биограф, испытывающий столь же глубокую зависимость от собственной эпохи. Это диалектическое противоречие и определяет особенности жанра биографии.

В XIX–XX вв. под «биографией в полном смысле слова», в соответствии с исторически сложившимся каноном, понималось главным образом исследование и описание жизни выдающейся личности, политических и государственных деятелей, представителей науки, культуры, искусства – не просто действующих лиц истории, а ее героев [17]. Однако уже в последней четверти прошлого века пространство применения биографического метода существенно расширилось: резко возросло число жизнеописаний людей, которых никак не назовешь выдающимися историческими деятелями, что объяснялось изменением отношения к человеческой индивидуальности и тенденцией к персонализации предмета истории. Биографический элемент в истории обрел новое качество: не забывая о «внешней», «публичной», «профессиональной», или «карьерной», биографии, историки стали все больше внимания уделять изучению частной жизни своих персонажей [11]. Анализ индивидуального сознания и индивидуальной деятельности стал важнейшей составляющей многочисленных микроисторических исследований, максимально приближенных и непосредственно обращенных к человеку. При этом обнаружилось, что биографии, казалось бы, ничем не примечательных, «рядовых» людей могут пролить свет на многие неизученные аспекты прошлого.

Что значит понять историю через личность, через биографию? Историческая биография сегодня не ограничивается повествованием о жизненном пути исторического персонажа, а представляет собой историческое *исследование*, это, собственно *биографическая история*, то есть *история*, показанная через личность, которая предстает перед нами не изолированной, а взаимодействующей с другими личностями, со своей социальной средой, с окружающим миром в самых разных его проявлениях, с культурными и интеллектуальными традициями. Предметом анализа становится «история одной жизни» не только во всей ее уникальности, но и в достижимой полноте. При этом *биографическая история*, поставив во главу угла индивида, его сознание и самосознание, личный интерес и целеполагание, помогает, в конечном счете, ответить на вопрос, каким образом и в какой степени унаследованные культурные традиции, обычаи, представления определяли поведение людей со всеми их индивидуальными, социальными, гендерными характеристиками [7; 14] и в специфических исторических обстоятельствах, и какую роль играли

в этих границах личный выбор и инициатива. Речь идет о концентрации внимания на частном, индивидуальном, уникальном в конкретных человеческих судьбах и, одновременно, – об изначально заданной установке на выявление полного спектра и пределов тех возможностей, которыми располагает индивид в рамках данного культурно-исторического контекста [12].

Иными словами, в контексте развития микроисторического подхода, обращения к конструированию социального посредством «смены масштабов» [10] и последовавших теоретических поисков в направлении «новой глобальной истории» устоявшаяся форма исторической биографии наполняется новым содержанием. Реконструкция личной жизни исторических индивидов, рассматриваемая одновременно и как главная цель исследования, и как необходимая предпосылка познания включавшего их исторического социума, превращает историю индивида в своего рода «глобальную микроисторию», концептуально и методологически отличную от того понимания «глобальной», или «тотальной» истории, которую связывали с идеей «человека в истории» еще отцы-основатели «школы «Анналов» и «новой исторической науки» [1], но по своему антропологическому пафосу, несомненно, ей близкую. Несмотря на определенный методологический эклектизм, ориентацию на принципиально различные исследовательские стратегии (от моделей рационального выбора до теорий культурной и гендерной идентичности или до психоистории), общая установка этого направления состоит в том, что реконструкция личной жизни и неповторимых судеб отдельных исторических индивидов, изучение формирования и развития их внутреннего мира рассматриваются *одновременно* – и как главная цель исследования, и как одно из эффективных средств познания того исторического социума, в котором они жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали.

Нельзя не признать, что, несмотря на свои естественные ограничения и эпистемологические трудности, обновленный и обогащенный принципами микроистории биографический метод может быть очень продуктивным именно в связи с необходимостью отвечать на ключевые вопросы, требующие выхода на другие уровни социокультурного анализа: чем обуславливался, ограничивался, направлялся выбор решений, каковы были его мотивы и обоснования, как соотносились массовые стереотипы и реальные действия индивида, как воспринималось расхождение между ними, насколько сильны и устойчивы были внешние факторы и внутренние импульсы.

В идеальном варианте мысль исследователя начинает свое движение от единичного и уникального факта, от индивида. Но индивид имеет не только настоящее и будущее, но и свое собственное прошлое, более того, он, по существу, сформирован этим прошлым: как своим индивидуальным опытом, так и опытом коллективным, социально-исторической памятью, запечатленной в культуре. Изъятие социокультурной составляющей из истории индивида неизбежно нанесло бы непоправимый ущерб пониманию последнего. Динамика внутреннего мира индивида соотносится – причем самым последовательным образом – с его жизненными обстоятельствами, перипетиями личной судьбы, с его собственной

деятельностью, наконец, с существенными изменениями во включающей его конфигурации социальных взаимосвязей. Социальное измерение биологического времени человеческой жизни (время биографии) не совпадает со временем истории, ритмы которого по-разному накладываются на отдельные стадии его жизненного цикла. Их сложное переплетение охватывается категорией *индивидуального прошлого*, или *индивидуально-го опыта* – всего непосредственно пережитого индивидом и отложившегося в его сознании [19, р. 23–24]. В связи со сказанным уместно вспомнить исключительно точное определение объекта и предмета биографии, данное в свое время Э.Ю. Соловьевым: «Непосредственным объектом биографии является жизнь отдельного человека от момента рождения до момента смерти. Однако предметом, на который направлено основное исследовательское усилие биографа, каждый раз оказывается *социальная и культурная ситуация*. Только по отношению к последней описываемая жизнь приобретает значение истории, особой смысло-временной целостности, к которой применимы понятия уникальности, событийности, развития, самоосуществления» [16, с. 132–143]. Стоит, однако, добавить, что было бы неверно идентифицировать биографические микроисследования (как и сам микроисторический анализ) с *размером* изучаемого «объекта»: речь идет как раз о его *крупном плане*, о максимальном приближении его к наблюдателю и, таким образом, о сокращении метафорической дистанции между ними [24, с. 387].

Для создания развернутой биографии личности необходимо знание эмоционально-психологического, социального и интеллектуального опыта индивида, т.е. предшествовавшей истории его жизни, его прошлого, из которого складывается состояние, обуславливающее его мысли и действия в текущий момент времени, на данной стадии его жизненного цикла, в определенной конфигурации межличностного взаимодействия. Основная идея состоит в погружении как в жизнь героя, так и в конкретную ситуацию. Историк должен найти ответ на вопрос: «Если бы я был этой другой личностью с соответствующим индивидуальным жизненным опытом и культурной памятью, взглядами и убеждениями, представлениями и ценностями, желаниями и слабостями, как бы мог я себя чувствовать, рассуждать и действовать при таких же обстоятельствах, в том же пространстве времени и места?».

Однако разные типы биографического анализа отличаются своими исследовательскими задачами. Особое положение занимает биографический подход в интеллектуальной истории, краеугольным камнем которого является понимание неразрывности связи между жизнью и творчеством личности, между фактами психологической и интеллектуальной биографии. Без биографического измерения интеллектуальной жизни понимание самих идей оказывается неполным [13]. И, добавим, это понимание оказывается неполным – даже, более того, существенно искаженным – и без так называемых фигур «второго плана», тех, кто делает свое дело, пребывая «в тени гениев»: без них невозможно – ни в статике, ни в исторической динамике – представить себе само пространство интеллектуальной жизни, пронизанное множеством связей и опосредований [15].

Биография может по праву называться исторической, только будучи помещена в исторический контекст, взятый во всех его пересекающихся аспектах, и поэтому обстоятельный анализ интеллектуального контекста является всего лишь необходимым, но отнюдь не достаточным для создания полноценной интеллектуальной биографии, в том числе в ее историко-историографической версии [3; 9]. Такая биография требует более глубокого погружения в социокультурную среду и выяснения динамики изменений на всех ее тесно взаимосвязанных уровнях и направлениях, поскольку формирование в обществе новых ценностных ориентиров и нравственных идеалов не только отражается на исходных предпосылках и постановке проблем, но во многом определяет и результаты когнитивной и рефлексивной деятельности.

Действительно, «история индивидуальности *неуловимо и неизбежно переходит в историю вообще* (курсив мой – Л.Р.)» [6, с. 86]. Можно, конечно, продолжать спорить по этому вопросу. Однако такое сопоставление вовсе не кажется парадоксальным, особенно при общей постановке и конкретных решениях проблемы влияния разнообразных внешних факторов на процессы мышления, и шире – в разработке принципов соотношения творческого потенциала личности с социокультурными условиями, которые определяют саму возможность, ресурсы и полноту реализации этого потенциала. На пути осознания и репрезентации взаимосвязанности условий, поступков, идей, интеллектуальных задач и способов их разрешения исследователя-биографа ждут немалые трудности, однако знание контекста позволяет все же понять действующие силы, управлявшие индивидом в конкретной ситуации и формировавшие его поведение. В связи с этим стоит, в частности, упомянуть книгу о Франсуа Пулен де ла Барре, в которой С. Стуурман блестяще реализует охарактеризованную выше исследовательскую установку на последовательное вписывание интеллектуальной траектории мыслителя в многообразные макроисторические контексты разной временной протяженности – социальные, политические, духовные [23].

К этому надо добавить проблемы, связанные с выходом из границ пантеона «канонических фигур», вниманием к авторам «второго и третьего плана», к практической стороне интеллектуальной деятельности и повседневной жизни конкретных интеллектуальных сообществ, что требует особой осторожности в социальных характеристиках [2; 8]. Трехуровневый комплекс «индивидуальное – социальное – всеобщее» требует адекватной интерпретации как в биографиях выдающихся исторических деятелей, так и в жизненных историях тех, кто играл в драме истории отнюдь не главную роль. Но именно в последних он проявляется, пожалуй, наиболее рельефно. Благодаря контекстуальному подходу к исторической биографии, который использует общий культурно-исторический контекст для реконструкции по имеющимся параллелям утраченных фрагментов биографии своего героя, большей частью удастся сохранить равновесие между специфичностью каждой судьбы и совокупностью общественных условий [20]. Историческая биография в ее современных формах, пожалуй, как никакой другой жанр, эффективно

реализует свой потенциал «истории для всех», или «публичной истории», как ее чаще всего называют в зарубежной историографии.

Возвращаясь к более общим проблемам биографической истории, было бы целесообразно для оптимального использования ее возможностей сосредоточить внимание именно на интерпретации поступков, всех форм деятельности человека. Центральное место следовало бы, на мой взгляд, отвести ситуациям выбора, принятия решений, в которых наиболее ярко проявляется как свобода и креативность индивида, так и давление материальных условий, общественных норм, правил и стереотипов, рутинных поведенческих моделей, шаблонов мышления, груз предрассудков, известных прецедентов, накопленного жизненного опыта и сети межличностных связей, растрченных сил, несбывшихся желаний и надежд. Интерпретация подобных ситуаций выбора требует сложной цепочки рассуждений, учитывающих и внешние ограничения, и рациональную стратегию индивида, и его эмоциональную составляющую, и другие – более скрытые, не эксплицированные и не до конца осознанные цели.

Само явление «глобальной микроистории» является свидетельством последствий «историографической революции» последней трети XX – начала XXI в., третий этап которой пришелся на рубеж столетий и был отмечен как мультиперспективизмом и разнообразием методологических подходов, так и движением к их интеграции и взаимной коррекции.

Список литературы

1. Гуревич А.Я. Новая историческая наука во Франции: достижения и трудности (критические заметки медиевиста) // История и историки: историографический ежегодник. 1981. – М.: Наука, 1985. – С. 99–127.
2. Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2014. – 848 с.
3. Иванова Т.Н. Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях // Историческое познание историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / Т.Н. Иванова, Г.П. Мягков; отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 167–176.
4. Ионов И.Н. Проблемы современной макроистории. Статья 1: Шаг вперед, два шага назад? // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 50. – С. 34–58.
5. Ионов И.Н. Проблемы современной макроистории. Статья 2: Память, идентификация и предпосылочное знание // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 50. – С. 32–53.
6. Карсавин Л.П. Философия истории. – СПб.: Комплект, 1993. – 351 с.
7. Креленко Н.С. Судьба мистрис Афры Бен // Диалог с временем. – 2002. Вып. 8. – С. 168–186.
8. Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе / отв. ред. Л.П. Репина, Л.А. Фадеева. – М.: ИВИ РАН, 2007. – 316 с.
9. Попова Т.Н. Биоисториописание в контексте научных традиций: концепты и модели // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 53. – С. 30–53.
10. Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей: Человек в истории. 1996. Ремесло историка на исходе XX века. – М.: Coda, 1996. – С. 110–127.
11. Репина Л.П. Выделение сферы частной жизни как методологическая и историографическая проблема // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / под ред. Ю.Л. Бессмертного. – М.: Наука, 1996. – С. 20–32.

12. Репина Л.П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы / отв. ред. Л.П. Репина. – СПб.: Алетей, 2010. – С. 5–18.
13. Репина Л.П. Персональная история и интеллектуальная биография // Диалог со временем. – 2002. – Вып. 8. – С. 5–10.
14. Сагалаев В.А. «Труден удел одаренных женщин...», или О том, как «читали» биографию Гарриет Тейлор Милль последние сто пятьдесят лет // В тени великих: образы и судьбы / отв. ред. Л.П. Репина. – СПб.: Алетей, 2010. – С. 237–256.
15. Слава и забвение: парадоксы биографики / отв. ред. Л.П. Репина. – СПб.: Алетей, 2014. – 544 с.
16. Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования. Статья вторая // Вопросы философии. – 1981. – №9. – С. 132–143.
17. Caine B. *Biography and History*. – Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2010. – 152 p.
18. Gamsa M. *Biography and (Global) Microhistory* // *New Global Studies*. – 2017. – Vol. 11. – №3. – P. 231–241.
19. Le Goff J. *Saint Louis*. – Paris: Gallimard, 1996. – 956 p.
20. Levi G. *Les usages de la biographie* // *Annales E.S.C.* – 1989. – А. 44. – №6. – P. 1325–1336.
21. Loriga S. *The Role of the Individual in History: Biographical and Historical Writing in the Nineteenth and the Twentieth Century* // *Theoretical Discussions of Biography: Approaches from History, Microhistory and Life Writing* / ed. by Hans Renders and Binne de Haan. Leiden; Boston: Brill, 2014. – P. 75–93.
22. Magnusson, Sigurður Gylfi. *Far-reaching Microhistory: The Use of Microhistorical Perspective in a Globalized World* // *Rethinking History*. – 2017. – Vol. 21. – №3. – P. 312–341.
23. Stuurman S. *Francois Poulain de la Barre and the Invention of Modern Equality*. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2004. – 361 p.
24. Vivo F. *Prospect or Refuge? Microhistory, History on the Large Scale* // *Cultural and Social History*. – 2010. – Vol. 7. – №3. – P. 387–397.

Идрисов Рустем Анатольевич

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У БИОГРАФИСТИКИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ?

***Аннотация:** статья посвящена противоречиям современного высшего образования в области исторического знания. Указанные противоречия, по мнению автора, не способствуют развитию биографического направления в преподавании и изучении истории.*

***Ключевые слова:** биографистика, методика высшего образования, личность, воспитательный процесс.*

Современная научная историческая биографистика в России имеет относительно недавний возраст. При этом сама традиция изучения биографий, а вернее жизнеописаний выдающихся персоналий, конечно,

имеет давний характер. Однако большая часть подобных биографий имела ярко выраженную официальную окраску, не выходя за определенные, жестко установленные рамки. Это общая черта биографических изданий прошлого, восходящая не сколько к идеологическим канонам прошлого, сколько к монархическим жизнеописаниям и житиям святых.

Наиболее интересные изменения в этом направлении произошли, как подчеркивает большинство специалистов в данной области, в 80–90-е годы XX в., когда исследователи стали уделять все большее внимание микроистории. Это позволило сделать объектом изучения жизнь «типичного» человека своей эпохи, или так называемого человека «второго плана». В результате была разработана новая методология исследований, сделавшая объектом изучения целую плеяду мало известных ранее имен [1, с. 8; 2, с. 288].

Тем не менее, следует отметить, что данная категория исторических персонажей обязательно обладает яркими личностно выраженными качествами: «это – фигура такого калибра, которая как минимум выделяется из толпы» [3, с. 25] Запомним для себя эту особенность в понимании современной биографистики.

Теперь, собственно, следует задаться вопросом, вынесенным в заглавие данной статьи. Вопрос этот возник в связи с явно возникшим диссонансом между требуемым содержанием современной биографистики и пропагандируемой новой методикой высшего образования.

Этот диссонанс явно прослеживается в трех аспектах. Первый и наиболее явный из них – активное внедрение различных форм электронного обучения. Озаботившиеся результатами этого процесса коллеги выделяют в качестве его негативных последствий следующие: «обезличивание преподавателя, обезличивание студента, обезличивание процесса обучения» [4, с. 454]. Не считая что позиция критиков онлайн курсов единственно правильная, отметим тем не менее, что явный повод для тревоги есть. При этом теряется не только возможность живого общения преподавателя и студента, но и студентов между собой. Теперь представьте себе, что подобный характер обучения мы будем наблюдать не по одной или двум дисциплинам, а по всем. Как мы тогда сможем по выходу получать выпускников, обладающих навыками работы в коллективе, организаторскими способностями, то есть теми личностно ориентированными качествами, которые составляют предмет изучения современной биографистики.

Обезличивание без сомнения пагубно скажется на эффективности воспитательной работы. Этот вид работы сам по себе имеет определенные сложности в вузе. В этом отношении историческое образование отличается в выгодную сторону, так как с одной стороны именно на него возлагается особая ответственность, с другой – оно способно использовать более широкий арсенал методик и непосредственного воздействия. Достаточно привести примеры деятельности военно-патриотических клубов, обществ, кружков, существующих в ряде высших учебных заведений именно при исторических факультетах. Успех их работы состоит именно в соединении теоретических знаний в области исторической

науки и практической работы поисковика, когда студенты получают возможность живого ознакомления с трагическими сторонами великой истории великой страны. При этом вполне естественно, что формы кружковой работы или волонтерской деятельности не могут охватывать всех обучающихся в вузе, за ее бортом остается еще значительная масса студентов, имеющая свои личные предпочтения. Что остается на их долю? Видимо воспитательная работа с использованием видеосвязи. В связи с этим не могу отказать себе в удовольствии задать еще один риторический вопрос: имеет ли кто-то из нас многолетний опыт (не разового общения) воспитания собственных детей по скайпу? Хотелось бы познакомиться с оценками степени эффективности подобной формы воспитания.

Второй аспект выше указанного диссонанса – содержание самого учебного процесса на современных исторических факультетах. Современные учебные планы бакалавриата содержат в себе массу, мягко говоря, не очень значительных учебных дисциплин, удельный вес каждой из которых в количестве часов не велик. Однако каждая из них требует значительной трудоемкости на стадии разработки. Преподавание их также представляется не слишком продуктивным, так как в результате учебный день преподавателя превращается в калейдоскоп дисциплин, часто весьма разнообразных по содержанию. Постоянное появление все новых спецдисциплин и спецкурсов обусловлено необходимостью внедрения новых специализаций и специальностей, конкурентной борьбой за контингент обучающихся и в конечном итоге за учебную нагрузку. В современной методике высшего образования это считается чертой, присущей индивидуализации обучения, ориентации на потребности обучающихся, расширения рынка образовательных услуг.

Позитивные примеры подобной структуры учебных планов, конечно, тоже есть. Если спецдисциплина является прямым результатом научных исследований преподавателей, сферой его научных разработок, то по выходу мы получаем авторский продукт, вызывающий в том числе живой интерес обучающихся к личности самого преподавателя, его методологии и практическому вкладу в науку. Сколько таких спецкурсов, имеющих прямое отношение к сфере исследований преподавателя, может быть им разработано? Возможно 5–6, возможно больше. А если 10 или 15? Как тогда? Где заканчивается профессиональный подход преподавателя-исследователя, которого так хочет иметь современная высшая школа, и начинается формальное выполнение профессиональных обязанностей декламатора чужих текстов?

С точки зрения подхода к роли преподавателя как медиатора в учебном процессе такое возможно, однако ожидать высокого качества подготовки специалистов-выпускников вряд ли придется. Подобное формальное преподавание, не связанное со специализацией самого педагога-историка, не может служить позитивным примером личностной значимости преподавателя. При этом речь идет о современных студентах, которого они наблюдают практически ежедневно. Но мы-то хотим вызвать интерес к личностям ученых, преподавателей, интеллектуалов прошлого, о которых современные студенты часто имеют очень смутное представление. Может ли возникнуть интерес к биографистике, если в

своим непосредственным восприятием обучающиеся наблюдают совсем другое – механическое воспроизведение педагогом чужого набора штампов.

И, наконец, третий, возможно наиболее важный аспект, на который указывают социологи и психологи. Обезличенное обучение обезличенными преподавателями приводит к общественному обезличиванию, следствием которого является дегуманизация. Между тем изначальной целью реформы образования был как раз обратный процесс. Психологи, например, хорошо знают об эффекте эксперимента Милгрэма, проведенного в Йельском университете в 1963 г. Испытуемые наказывали током своих якобы «учеников» за неправильные ответы. Было замечено, что это гораздо легче делать, если «ученики» находятся в другой комнате и испытуемый не может непосредственно наблюдать его страдания. При этом ударам током в «ученики» в действительности не подвергались, о чем испытуемые, конечно, не знали.

Не могу в связи с этим обойтись без цитаты из пособия по управлению конфликтами известного психолога В. Шейнова: «Именно обезличивание врага облегчает для летчиков бомбежки (летчики не видят людей, а лишь объекты), а для артиллеристов – стрельбу по наблюдаемому противнику... известно, что в нацистских концлагерях охрана относилась к узникам снисходительнее, если знала их по именам» [5, с. 318].

А вот теперь нам остается закончить статью ее заголовком: вы еще ждете успехов биографистики в историческом образовании российской высшей школы?

Список литературы

1. Агеева Н.Н. Ф.Н. Фортунатов – выдающийся представитель учительской династии // Патриотизм в России: история и современность (к 400-летию воцарения династии Романовых). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары: Изд-во ЧГУ им. И.Н. Ульянова, 2013. С. 7–15.
2. Агеева Н.Н. Портрет интеллектуала: к 165-летию С.Ф. Фортунатова / Н.Н. Агеева, Т.Н. Иванова // Диалог со временем. – 2015. – №50. – С. 287–306.
3. Мининков Н.А. Человек «второго плана» в контексте современной историографии: пять лет спустя / Н.А. Мининков, А.В. Корневский, А.Е. Иванеско // В тени великих: образы и судьбы. Сборник научных статей. Серия «Человек второго плана в истории» / отв. ред. Л.П. Репина. – СПб.: Алетей, 2010. – С. 19–29.
4. Ченушкина С.В. Проблема обезличивания в условиях электронного обучения // Наука. Информатизация. Технологии. Образование: материалы XI междунар. науч.-практ. конф. «Новые информационные технологии в образовании и науке. НИТО-2018», Екатеринбург, 26 февраля – 2 марта 2018 г. // ФГАОУ ВО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т». – Екатеринбург, 2018. – С. 453–457.
5. Шейнов В.П. Управление конфликтами. – СПб.: Питер, 2014. – 576 с.

Мухаметшина Лилия Талгатовна

старший научный сотрудник

ОП ГНБУ «Академия наук РТ»

«Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ»

г. Казань, Республика Татарстан

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА ТАТАРСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК ТАТАРСТАНА

***Аннотация:** в статье проанализированы публикации сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ за 2015–2018 гг., посвященные изучению биографий видных исторических личностей и общественных деятелей. Научная деятельность института наглядно демонстрирует, что историческая персоналистика является самостоятельным направлением исторических исследований, позволяющим оценить роль личности в целостной системе социальных отношений.*

***Ключевые слова:** биография, биографистика, биографические исследования, научная деятельность, регионоведение, Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ.*

Основные направления научно-исследовательской работы института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (ИТЭР АН РТ), в 2019 г. отмечающего 25-летие со дня основания, связаны с изучением социокультурного и историко-научного наследия Республики Татарстан и населяющих ее народов с целью подготовки национально-региональных и тематических энциклопедий, справочных изданий, призванных способствовать сохранению научной информации и ее инновационному внедрению в культурно-образовательное пространство РТ и РФ. Биографические исследования, не становясь отдельным направлением, всегда присутствовали в сфере научных интересов сотрудников института: и при разработке основного издания ИТЭР – многотомной «Татарской энциклопедии» (ТЭ) [4] на русском и татарском языках, и на современном этапе развития учреждения, когда наряду с энциклопедистикой возникла необходимость в проведении регионоведческих исследований. Проведенный нами тематический анализ публикаций сотрудников ИТЭР за 2015–2018 гг. (учитывались статьи, опубликованные в изданиях, включенных в базу РИНЦ и Scopus, в Перечень ВАК, а также размещенные в сборниках проведенных институтом конференций) показал, что ежегодно около 5% от их общего количества были посвящены исследованию биографий: в 2015 г. – 11 статей; в 2016-м – 11 статей и монография; в 2017-м – 8; в 2018 г. – 12 статей.

В 2014 г. был издан последний, шестой том «Татарской энциклопедии» на русском языке, поэтому закономерно предположить, что рас-

смагриваемые нами публикации сотрудников ИТЭР до 2015 г. были в основном посвящены изучению биографий персоналий, включенных в ТЭ. Необходимо отметить, что из более чем 20 тысяч энциклопедических статей, вошедших в шеститомник, 9 тысяч составили именно биографические. В 2015 г. эта работа получила продолжение. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне были приурочены публикации Р.И. Валиуллина о восстановленной по наградным листам военной биографии Г.К. Загитова, первым водрузившего Знамя Победы над куполом Рейхстага; Ф.Г. Калимуллиной об уроженце Казани, дважды Герое Советского Союза Н.Г. Столярове. Включенным в «Татарскую энциклопедию» персоналиям посвящены также исследования Р.А. Асрутдиновой (об ученом-селекционере З.Х. Шарафе), Ф.Р. Бадрутдиновой (об исследователе жизни и творческого пути поэта-героя М. Джалиля Р.А. Мустафине), Р.М. Валеева (о монголоведе О.М. Ковалевском) и др.

В 2016 г. сотрудники института активно включились в работу по подготовке энциклопедий «Татары Казахстана» [5], «Казань», «Природа и природные ресурсы Республики Татарстан» [3]. Это и определило изучение Г.Х. Галимуллиной и А.Б. Насибуллиной биографии государственного деятеля С.Х. Гафиатуллина, внесшего большой вклад в строительство народного хозяйства в ТАССР и Казахской ССР. В рамках разработки материалов для энциклопедии «Казань» были исследованы биографии профессоров Казанского университета с мировым именем – Николая Ивановича и Вальтера Николаевича Андерсонов (авторы – Г.Э. Рафикова и Ф. Ибрагимова), преподавателя Казанской духовной академии, переводчика и просветителя П.К. Жузе (М.З. Хабибуллин) и др. Статьи об ученом-агрехимике Ф.В. Чирикове и ученом-селекционере И.И. Штуцере (обе – Р.А. Асрутдинова), организаторе советской нефтяной промышленности А.Т. Шмареве (Ф.Г. Бурганов) стали закономерным продолжением работы над энциклопедией «Природа и природные ресурсы Республики Татарстан», увидевшей свет в 2017 г.

Отдельного внимания заслуживает монография руководителя структурного подразделения ИТЭР – Камского научного центра – Н.М. Валеева «Константин Чеботарев, Александра Платунова. В поисках пути в искусство» [1], в которой воссоздана жизненная и творческая судьба оригинальных художников, выпускников Казанской художественной школы К.К. Чеботарева (1892–1974) и А.Г. Платуновой (1896–1966), а через них – широкая панорама движения советского и казанского искусства 1910–1970-х гг.

Также в 2016 г. сотрудниками центра изучения татарской диаспоры был подготовлен справочник «Регионы компактного проживания татар в Российской Федерации», работа над которым предполагала в том числе изучение биографий видных представителей татарской диаспоры. Итогом этих исследований стала, в частности, опубликованная в 2017 г. статья Г.М. Габдулхаковой и Л.К. Галиевой об организаторе национально-культурной жизни татар Челябинской области Л.М. Алмаевой.

В 2017 г. многие публикации сотрудников ИТЭР были посвящены исследованию жизни и деятельности казанских ученых. Так, в статье А.Ф. Закирова подробным образом анализируется научно-педагогическая и общественная деятельность выдающегося химика, академика Казанского университета А.Е. Арбузова, 140-летие которого отмечалось в 2017 г. Своеобразный «цикл» статей Г.Э. Рафиковой о казанских деятелях науки также пополнился в рассматриваемом году новыми публикациями: об ученом кузнеце (как отмечает автор, слово «ученый» в словосочетании не имело отношения к ученой степени преподавателя, а означало: владеющий теоретическими, научными основами ковки и имеющий право преподавать) Казанского ветеринарного института К.И. Кальнинге (1846–1920) и о ранней биографии одного из лидеров финского национального движения довоенного периода, члена правления Карельского академического общества Юрьё Вуориоки (1899–1970). Сведения о нем были получены из его писем к профессору Казанского императорского университета Вальтеру Андерсону, сохранившихся в фондах отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. В 2017 г. значимым событием в жизни научной общественности Татарстана стало 80-летие доктора исторических наук, профессора, в 1995–2004 гг. декана исторического факультета Казанского университета Р.К. Валеева. Вкладу Рамзи Калимовича в развитие исторического образования в республике, его научной и педагогической деятельности посвящены публикации руководителя центра энциклопедистики ИТЭР, доктора исторических наук, профессора Р.В. Шайдуллина.

В 2018 г. завершалась начатая еще в 2015 г. работа над 1-м томом трехтомной иллюстрированной энциклопедии «Населенные пункты Республики Татарстан» [2]. Сотрудники центра регионоведения и социокультурных исследований собрали много материалов об известных уроженцах районов республики, что, безусловно, обусловило их интерес к этой теме и публикационную активность. Среди биографических исследований этого периода – статьи об уроженце Мензелинского района, композиторе А.Х. Абдуллине (автор – Л.Р. Аскарова), общественном и политическом деятеле Галимзяне Шарафе (Л.К. Галиева), уроженце Чистопольского района, видном ученом-аграрнике А.А. Зиганшине (Р.А. Асрутдинова), уроженце Верхнеуслонского района, Герое Советского Союза С.В. Коновалове (А.С. Файзуллин), уроженце Агрызского района, полном кавалере ордена Славы Р.Х. Гайнуллине (Г.М. Габдуллахакова) и др. В рамках подготовки издания «Политические деятели Татарстана: биографические очерки (1920–2020-е гг.)», приуроченного к 100-летию образования ТАССР, отмечаемому в 2020 г., Ф.Г. Калимуллина исследовала жизнь и общественно-политическую деятельность узника ГУЛАГа Махмуда Будайли и академика, государственного и общественного деятеля М.И. Махмутова. Первым итогом изучения биографий представителей татарской диаспоры в Узбекистане в ходе подготовки энциклопедии «Татары Узбекистана» стала статья Л.Р. Халиловой об активистке татарского женского движения в Туркестанском крае Захиде Бурнашевой.

Таким образом, проведенный нами анализ публикаций сотрудников ИТЭР АН РТ за 2015–2018 гг. показал, что решение стоящих перед институтом научно-исследовательских задач обуславливает изучение биографий исторических личностей, видных деятелей науки и культуры, в которых лучше всего фокусируются основные проблемы времени, что позволяет воссоздать объективную историческую картину происходивших в том или ином регионе событий.

Список литературы

1. Валеев Н.М. Константин Чеботарев, Александра Платунова. В поисках пути в искусстве. – Казань: Заман, 2016. – 440 с.
2. Населенные пункты Республики Татарстан: иллюстрированная энциклопедия: в 3 т. – Казань: Ин-т татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2018. – Т. 1. – 712 с.
3. Природа и природные ресурсы Республики Татарстан: иллюстрированная энциклопедия. – Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2017. – 584 с.
4. Татарская энциклопедия: в 6 т. – Т. 1–6. – Казань, 2002–2014.
5. Татары Казахстана: краткая иллюстрированная энциклопедия. – Казань: ОП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», 2017. – 524 с.

Мяжков Герман Пантелеймонович

д-р ист. наук, профессор
ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)»
г. Казань, Республика Татарстан

Иванова Татьяна Николаевна

д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

БИОГРАФИКА: ЭТАПЫ ДИСЦИПЛИНАРНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

Аннотация: в статье предметом изучения является более чем вековой процесс складывания в России биографики как научной дисциплины. Выделены его этапы, показана связь оформления дисциплинарности биографики с основными тенденциями развития гуманитарного знания.

Ключевые слова: биография, биографика, биографистика, биографический поворот, биографический метод, новая биографика.

В современном науковедении одной из ведущих тем является дисциплинарный принцип организации знания [10, с. 12]. Развитие жанра биографии, отвечавшее возраставшему интересу общества к биографическому изучению всех сфер жизни общества [30, с. 123–131; 2, с. 234], выдвинуло в повестку дня создание соответствующей научной дисциплины со специальным понятийным аппаратом, исследовательским инструментарием, сложившейся системой междисциплинарных взаимодей-

ствий. Обращение к историографии вопроса позволяет выделить и описать, по меньшей мере, три этапа теоретико-методологического поиска в отечественной социогуманитарной мысли, приведшего к конституированию биографии.

Первый этап биографики, дореволюционный: происходит формирование биографического сознания, появляются первые опыты теоретико-методологического осмысления биографоведения, практически сегодня не известный [3, с. 39]. Опираясь на предложенный И.Л. Беленьким метод обращения к энциклопедическим изданиям, можно наметить реперные точки.

Характерное определение биографии как специфического жанра уже содержится в увидевшем свет в 1863 г. «Настольном словаре», составленном под ред. Ф. Толля. Читаем:

«Биография (греч.), жизнеописание, изображение жизни какого-либо лица с внешней и внутренней, умственной и нравственной стороны. Она отлична от внешнего изложения гл. моментов жизни, равно и от некролога, в коем еще более внешним образом излагаются годы рождения, важнейших событий жизни и кончины)». Биографу, «лицу, написавшему одну или несколько биографий», продолжает далее автор «Словаря...», «необходимы: знания человеческого сердца, короткое знакомство с обстоятельствами жизни описываемого лица, любовь к истине и полное беспристрастие, а при изображении всемирно-исторических личностей – глубокое знание той эпохи, в коей жили они. Особый род биографий суть автобиографии, к разряду коих относятся мемуары» [17, с. 263].

Суть подобного понимания предмета и черт деятельности биографа, на наш взгляд, выражена, и в «первой, – по определению И.Л. Беленького, – специальной статье энциклопедического характера о биографических жанрах», опубликованной на страницах «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» в 1891 г.:

*«Биографией называется изображение жизни данной личности, удовлетворяющее требованиям исторической науки. Как произведение научное, биография не ограничивается изложением внешних фактов из жизни избранного лица, а стремится проследить ход духовно-нравственного развития этого лица; как произведение художественное, она должна уловить сущность его характера и представить его в ярком образе». И далее биография отделяется от «*curriculum vitae*, дающего голый перечень главнейших фактов из жизни данного лица», от некролога и автобиографии [1, с. 33].*

Нетрудно заметить, что фактически автор статьи в «Энциклопедическом словаре» 1891 г. более развернуто и красочно повторил идеи статьи 1863 г. Обращает на себя сделанный в обеих статьях акцент на «знании человеческого сердца», на изучении «хода духовно-нравственного развития» героя биографии. Статья 1863 года оригинальна тем, что выдвигает важный принцип «глубокого знания той эпохи», в которую жил герой.

Духовная и научная жизнь России XIX в. отмечена тем, что биографическим изучением были охвачены все сферы жизни страны: политическая, социально-экономическая, культурная, духовная (включая религиозную) [2, с. 234]. Впечатляют масштабы создаваемых биографических

изданий. Укажем подготовленные С.А. Венгеровым «Критико-биографический словарь русских писателей и учёных» (т. 1–5. СПб., 1889–1904; не окончен), библиографический свод «Русские книги. С биографическими данными об авторах и переводчиках» (т. 1–3. СПб., 1895–1899, не окончен), «Источники словаря русских писателей» (т. 1–4. СПб., 1900–1917) и др. Популярны были словари, содержащие биографии ученых (например: «Биографический словарь профессоров Московского университета 1755–1855» (т. 1–2. М., 1856; включает 256 биографий); «Биографический словарь профессоров университета св. Владимира 1834–1884» (Киев, 1884); «Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904)» (Ч. 1 и 2. Казань, 1904) и др. Широко известен «Русский биографический словарь» (т. 1–25. СПб., 1896–1918), справедливо считающийся лучшим академическим справочником по русской истории.

Закономерно, что в осмысление «биографического элемента» включались известные специалисты. По сути, к определению предметной области биографики подошел Н.И. Кареев. Ученый, которому было свойственно улавливать новые веяния в развитии социогуманитарного знания, своим признанием, что «альфой и омегой изучения общества и его истории», а равно «центром группировки всех элементов культуры» является человеческая личность, заступал дорогу фактически изгонявшей личность из истории позитивистской доктрине. В своей «Теории исторического знания» (1913), выясняя «место» в исторической науке «биографического элемента», и критикует как сторонников «старой позиции», привыкших «персонифицировать общественные процессы», так и тех «наиболее крайних представителей нового взгляда», которые под влиянием возникновения социологии «отрицали всякое научное значение за биографическими исследованиями в исторической литературе» [14, с. 305]. Кареев предлагает классифицировать интересы к личности, порождавшие разные жанры исследований (так, «профессиональный интерес» у военных обнаруживается к биографиям полководцев, у музыкантов – композиторов, у философов – к биографиям философов, у историков – к биографиям историков и т. д.); он «особо настаивает» на разнообразии интересов, «какие могут существовать у нас к жившим раньше, как и к ныне живущим людям...». Для историка, полагает Кареев, руководящими должны быть «две точки зрения» на личность: первая – ее можно полагать прокламирующей проблемный подход – использование «биографического материала» для характеристики общественного строя, общественных движений и т. п. Вторая – собственно изучение «биографического элемента» – жизни и деятельности участников событий, деятелей истории. Диалектический смысл реализации этих двух подходов не только в том, что преодолевался «стремление создать «историю без собственных имен» – это «останется навсегда утопией», но решалась задача «научного понимания эпохи»: «Чем больше автор ставил себе индивидуально-психологическую задачу, тем менее он думал об истории, и, наоборот, чем более интересовался «временем» и ввиду этого чем больше разрабатывал вопросы коллективно-

психологического и социологического характера, тем больше из биографа превращался в историка» [14, с. 312].

Второй этап биографики, относимый исследователями к 1910–1920-м гг., когда усилиями Н.А. Рыбникова (1880–1961), И.Т. Филиппова (1888–1927), Г.О. Винокура (1896–1947) входит в науку и сам термин «биографика». В это время выдвигается программа организации Биографического института как междисциплинарного научного центра массовой биографической документации и исследований, ставятся принципиально важные теоретические вопросы изучения биографии в контексте изучения гуманитарного знания [3, с. 41–40; 7]. И.Л. Беленький сожалеет, что опыты разработки теории биографии с феноменологических позиций так и остались нереализованными [3, с. 41].

Закономерно, что, фиксируя состояние научной рефлексии в означенной области к рубежу 90-х годов XX в., Э.Ю. Соловьев так оценит ситуацию: *«Биография как жанр исторической литературы существует уже в течение семи веков. Однако я затрудняюсь назвать хотя бы одно монографическое исследование, в котором прослеживалась бы долгая эволюция этого жанра и ставился бы вопрос о методологическом своеобразии работы биографа»* [31].

В известном смысле отставание теоретической разработки проблем биографики не было случайным. Вызов социологии был столь силен, что историки перенесли акцент на изучение истории масс, социальных групп. В годы становления «Анналов» Люсьен Февр, констатируя, что историки продолжают находиться в плену двухчленной формулы «личность – общество», подверг критике «историю, аристократку по рождению», за то, что она «столетиями взирала – а нередко взирает и по сей день – лишь на Королей, Князей, Вождей и Полководцев – словом, на людей, которые «творят историю» [32, с. 98]. Провозглашая задачу выявить, «кем являются эти чарующие личности, эти «исторические фигуры», уже основатели «Анналов» переворачивают «пирамиду»: изменяя объект исторического исследования, они провозглашают таковым не личность, а все общество в целом: «Да и можно ли представить себе человека – в том числе историческую личность, – восклицал Л. Февр, – в качестве некой самостоятельной, независимой и обособленной силы, в качестве первоисточника и непосредственного источника творческой энергии, если каждый человек подвержен столь сильным влияниям, дошедшим из глубины веков или порожденных теперешней средой...» [32, с. 98]. Эта позиция замечена в постсоветской историографии. А.Я. Гуревич в число «уроков Люсьена Февра» относит то, что «Интеллектуальная биография личности, по Февру, не что иное, как история общества, достижения его героев коллективно обусловлены... Не герой творит эпоху, а эпоха делает героя, и ее нужно «прочитать» в текстах, им составленных. «Круг определяет центр», и те же Рабле и Лютер не «герои эпохи», а ее «герольды» (9, с. 506–507).

Тенденция умаления роли индивида взяла верх, «субъект» фактически изгоняется ради изучения структур. Отмечен парадокс, что «в то самое время, когда в социальных науках происходила «субъективистская революция», история все больше переключалась на изучение структур,

систем и институтов, формаций, способов производства, идеологических систем и религий, – «словом, чем угодно, но только не историей человека как индивида и общественного существа. Исторический субъект был выведен за рамки исследования или, по меньшей мере, нейтрализован, что на практике привело к усилившемуся безразличию по отношению к сознанию и воле действующих лиц» [30, с. 128].

В литературе достаточно единодушно называют 70–80-е годы прошлого века временем, когда на самосознание профессиональной историографии стали оказывать разветвлявшиеся в условиях современной методологической революции «повороты» – «лингвистический», «антропологический», «культурный», «прагматический», «мемориальный», «визуальный», «пространственный» и др. Исследователи фиксируют «возвращение субъекта истории», «новый «синтез» человеческих действий, опыта и структур», а равно возрождение «биографического подхода» [25; 26; 27; 30, с. 128–130]. Л.П. Репина справедливо видит причины разворота историков к последнему, «общий импульс» к «возрождению «персонального» подхода» в «неудовлетворенности... тенденцией к дегуманизации и деперсонализации исторических субъектов не только в социологизированной, но и антропологизированной истории» [26, с. 56]. Но это, как показывает исследователь, не было возвратом к старому, а рождение, по сути, нового, обогащенного и существенно обновленного жанра [26, с. 57–66]. Преодолевая господствовавшие прежде марксистскую и структуралистскую парадигмы, историки, прежде всего в признанных выдающимися примерами книгах, отходят от традиций прямолинейных биографий, превозносящих или порицающих «Menschen, die Geschichte machen», используют достижения многих гуманитарных дисциплин. Особо примечательно, что авторы стремятся представить различные точки зрения на своих героев, демонстрируют сам процесс «рождения» их образов через столкновение взглядов «Pro et Contra» – сторонников и противников.

В результате к рубежу столетий резко активизировались два взаимосвязанных процесса: *первый* – нарастающий буквально по экспоненте объем исследований биографического жанра; *второй* – активное стремление исследователей осмыслить происходящие процессы, не только приводя в соответствие теоретическую мысль с практикой, но и посредством создания соответствующего теоретического, методологического, концептуального арсенала давать ответы на вызовы времени. Результатом стало наименование первого процесса такими понятиями, как «биографический бум», «ренессанс персональной истории». Исследователями признан как успешно разветвляющийся «биографический поворот» и формирование «новой биографики», которая, подобно другим «методологическим поворотам», призвана порождать новые варианты изучения прошлого. О содержании текущего этапа историографической революции см.: [28; 15].

Итак, можно говорить о *третьем этапе* – *этапе «новой биографики»*. Его характерная черта – появление исследований, в которых она сама выступает предметом осмысления. Признанным стало определение био-

графики, данное авторитетнейшим исследователем, одним из ее создателей И.Л. Беленьким. Биографика – это «система философско-методологических, историографических, историко-культурных, рецептурных знаний и представлений об отдельных биографических жанрах, о смысле, задачах и возможностях биографического мышления и познания, о методах биографической реконструкции» [3, с. 38].

Подводя итоги обзора истории становления биографики как научной дисциплины, можно констатировать, что задача преодоления отставания теоретической мысли от практики биографописательства успешно решается. Созданы труды, в рамках которых биографика выступала специальным предметом изучения [3; 4; 6; 8; 13; 19], а главное, определяются пути – «траектории» обновления «старого» биографизма» [12; 16; 20–23]. Новая биографика, прокламируя новые принципы выбора персоналий, приращение проблемного поля, заботясь о повышении трансдисциплинарности, вводя в исследовательскую практику интерпретативные методы, выделяя модели, типы биографических исследований и т. д. и т. п., одним словом, совершенствуя инструментарий историка, становится своеобразным алгоритмом в реконструкции и изучении биографий, нацеливая оптику исследователя на выявление и осмысление «человеческой индивидуальности» [19; ср. 18; 11; 20, с. 68–69]. Можно фактически говорить о столетнем пути российской отечественной биографистики, прошедшей сложный путь от кареевских идей до признания, что прогресс современного биографического жанра связан с искусством реализации идеи-концепта: создание биографии «исторических индивидов» должно рассматриваться *одновременно* «и как главную цель исследования, и как одно из эффективных средств познания того исторического социума, в котором они жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали» [24, с. 301–302].

Список литературы

1. А.Я. Биография и биографические сборники // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. IV. Полут. 7. – СПб., 1891. – С. 33–36.
2. Беленький И.Л. Биографика // Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. – Т. I: А–Д. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – С. 211–212, 234.
3. Беленький И.Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: Историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Круг, 2005. – С. 37–54.
4. Валевский А.Л. Биографика как дисциплина гуманитарного цикла // Лица. Биографический альманах. – Вып. 6. – СПб., 1995. – С. 32–49.
5. Валевский А.Л. Основания биографики. – Киев: Наукова думка, 1993. – 110 с.
6. Вахромеева О.Б. Биографика. Методика написания биографий: учебник. – СПб.: ЛЕМА, 2013. – 180 с.
7. Винокур Г.О. Биография и культура. –2-е изд. – М., 2007.
8. Голубович И.В. Биография: силуэт на фоне Humanities (методология анализа биографии в социогуманитарном знании). – Одесса: СПД Фридман, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zavantag.com/docs/1064/index-20557.html?page=13>
9. Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – С. 501–541.

10. Дмитриев А. Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках // Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 7–38.
11. Добровольский Д.А. Биографистика / Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, Н.В. Некрасова // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. – 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – М.: Аквилон, 2016. – С. 34–35.
12. Иванова Т.Н. Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях / Т.Н. Иванова, Г.П. Мягков // Историческое познание историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 167–176.
13. Иконникова С.Н. Биографика как часть исторической культурологии // Вестник СПбГУ-КИ. – 2012. – №2.
14. Кареев Н.И. Теория исторического знания (историка) (из лекций по общей теории истории. Ч. I). – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 320 с.
15. Лубский А.В. Интеллектуальная ситуация в исторической науке после постмодернизма // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 7–22.
16. Медведева Е.В. Классификация биографий как один из методов биографики в контексте исследований библиотечной отрасли // Вестник Томского государственного университета Культурология и искусствоведение. – 2016. – №2 (22).
17. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания / под ред. Ф. Толля: в 3 т. – Т. I. (А–Дви). – СПб.: Издание Ф. Толля, 1863. – 952 с.
18. Некрасова Н.В. Биографика // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аквилон, 2016. – С. 33–34.
19. Некрасова Н.В. Новая биографика // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аквилон, 2016. – С. 324–325.
20. Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. – Одесса: Бондаренко М.А., 2017. – 456 с.
21. Попова Т.Н. Биоисториописание в контексте научных традиций: концепты и модели // Диалог со временем. – 2015. – №53. – С. 30–53.
22. Попова Т.Н. В поисках азимута, или Новые траектории «старого» биографизма // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной) / отв. ред. О.В. Воробьева. – М.: Аквилон, 2017. – С. 46–68.
23. Рейтблат А.Н. Этапы и источники построения биографического нарратива // Писать поперек: статьи по биофике, социологии и истории литературы. – М., 2014. – С. 211–226.
24. Репина Л.П. Историографическая наука на рубеже XX–XXI вв.: Социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
25. Репина Л.П. Личность и общество, или история в биографиях // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Круг, 2005. – С. 5–16.
26. Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Круг, 2005. – С. 55–74.
27. Репина Л.П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы / отв. ред. Л.П. Репина. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 5–18.
28. Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 32 с.

29. Репина Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение истории. Человек – Память – Текст. – Казань: Изд-во КГУ, 2001. – С. 344–360.

30. Савельева И.М. Теория исторического знания / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – СПб.: Алетейя; М.: ГУ ВШЭ, 2008. – 523 с.

31. Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Прошлое толкует нас (очерки по истории философии и культуры). – М.: Политиздат, 1991.

32. Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – 630 с.

Чиглинец Евгений Александрович
д-р ист. наук, профессор
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

PERSONALIA КАК БИОГРАФИЯ ИСТОРИКА

***Аннотация:** в рамках возобновившейся в историографии научной полемики вокруг историко-биографических штудий автор статьи обращается к анализу актуального состояния биографического изучения историографии. Опираясь на многолетний опыт историографической школы Казанского университета и принимая во внимание произошедшие в социогуманитарном знании культурные повороты, значительно расширившие возможности биографической историографии, автор предлагает обозначить пласт исследований, посвященных биографиям ученых-историков, термином «Personalia», который корреспондируется с «персональной историей», но имеет и некоторые особенности, позволяя совместить микро- и макроуровни социокультурного анализа истории исторической науки.*

***Ключевые слова:** история, биография, биографика, персональная история, Personalia историка, историография, социокультурный аспект.*

Четверть века тому назад выдающийся французский историк Марк Ферро начал свою статью в известном сборнике «Споры о главном» [15], посвященном школе «Анналов», с сакраментального вопроса: «...почему биография была вытеснена из так называемой научной историографии»? Он пытался разобраться, почему так трудно и противоречиво развивался жанр биографии во второй половине XX в., и нашел причины этого в политической и научной сферах. В первом случае (еще с XIX века) препятствием стало усилившееся внимание к изучению больших социальных групп и недоверчивое отношение к отдельным личностям, во втором – недостаточное использование способов научной проверки данных и неверное понимание задач биографии, поскольку «...традиционная история всегда отстранялась от рассмотрения частной жизни, допуская лишь глобальное изучение частной жизни людей» [15, с. 165].

Между тем смею утверждать, именно во второй половине XX в. в нашей стране стала активно развиваться историографическая биография, когда в рамках историографических штудий исследователь неизбежно обращался к истории жизни того или иного историка, внесшего значительный вклад в историю исторической науки или исторического знания. И если верно утверждение, что историческая биография есть «сама история, показанная через историческую личность» [10, с. 7], то историографическая биография есть не что иное, как история исторической науки, показанная через личность историка-исследователя. И интерес к подобному рода исследованиям «биографии человека науки» среди историков исторической науки С.О. Шмидт констатирует уже в середине 70-х годов прошлого века [17, с. 266]. О подобном же интересе говорится тогда же и в отношении биографических исследований в истории любой другой науки. И воспринимается эта ситуация как проблема науковедения [20, с. 29].

В отечественной историографии классической работой в биографическом осмыслении личности и творчества крупнейшего историка стала монография М.В. Нечкиной о В.О. Ключевском [9]. Начало изучения темы М.В. Нечкина относит ко времени работы в Казанском университете, т. е. к 1921 году. В Москву, в Институт красной профессуры в 1924 году она поехала, уже подготовив книжку о Ключевском. И тогда эта работа воспринималась как своеобразная визитная карточка историка-профессионала [5, с. 94]. Но работа над книгой продолжалась более пятидесяти лет. М.В. Нечкина писала при публикации монографии: «Исподволь я непрерывно собирала материалы о Ключевском, рассказы его учеников и близких знакомых; существенные данные были получены мною от сына Ключевского Бориса Васильевича в многочасовой беседе об отце. ...Я получила возможность изучения неопубликованных документов. Когда в советские архивы поступили после смерти сына Ключевского архивные материалы, я смогла вернуться к теме...» [9, с. 6]. И вновь автор подчеркивает неисчерпаемость и источникового материала, и самой темы, обозначив свою скромную задачу – лишь наметить место В.О. Ключевского в истории исторической науки.

Здесь мы имеем пример развернутой научной биографии историка, при написании которой были соблюдены некоторые общие требования, а именно – прослеживается поэтапно вся жизнь историка от начала и до самого конца; творчество историка представляется читателю максимально полно, т. е. как историографический факт проанализированы все труды, и опубликованные, и неопубликованные; источниковедческая база исследования содержит всё без малейшего исключения, что может содержать необходимую автору для реализации грандиозного замысла информацию о жизни, личности и творчестве историка. Если еще более сжато охарактеризовать подход, реализуемый в такого рода монографиях, то в них личность историка выступает как явление равное по значимости любому иному событию или явлению его эпохи, т.е. эпохальной становится сама личность историка.

Такой вид историографического сочинения принято называть *Personalia*. Появление в историографическом обиходе этого понятия для обозначения биографии историка связано с Казанской школой историографии античности и деятельностью её основателя А.С. Шофмана.

Само понятие *Personalia* пришло из справочно-информационной среды. Так изначально обозначали и сейчас обозначают в библиографических указателях, в библиотечных каталогах специальные разделы, в которых собирается информация о публикациях, посвященных тем или иным личностям. В нашем случае – профессиональным историкам. Позже этим термином стали обозначать и энциклопедические статьи или публикации в специализированных периодических изданиях, посвященные жизни и деятельности выдающихся деятелей, в частности, историков-исследователей. А в 70-е гг. с легкой руки А.С. Шофмана казанские историографы стали обозначать так диссертационные исследования по историографии, в центре которых находился один историк как ярчайшая фигура своего времени или своего научного направления.

Правда, то самое «недоверчивое отношение к личностям», о котором писал Марк Ферро [15, с. 165], привело к тому, что вскоре появилось мнение, что диссертации должны защищаться не по персоналиям, а по проблемам, школам, национальным историографиям и т. п. исследовательским объектам.

Однако там, где речь не шла о квалификационной работе, *Personalia* продолжали выходить. Пример тому – сам А.С. Шофман с его работами о Ф.М. Мищенко [19] или М.М. Хвостове [18], монография А.В. Сергеева [14] и даже ряд диссертаций, правда, имеющих в заголовке специальное упоминание исторической концепции изучаемого автора [2; 3].

Сегодня, на мой взгляд, настало время теоретически осмыслить ту историографическую практику, которая связана с понятием *Personalia*, тем более что работы, явно подпадающие под это понятие, продолжали выходить на всем протяжении трех прошедших десятилетий [4; 8; 11], а в научном обиходе историков и историографов появилось понятие «персональная история»? Однако среди нескольких десятков лексических единиц, обозначающих биографические исследования, термина *Personalia* просто нет [12, с. 12–13]. Вообще выявление типологической принадлежности *Personalia* само по себе уже является интересной научной задачей, особенно на фоне тех попыток, которые предлагают типологию исторической биографии вообще. Как же с этих позиций выглядит биография историка? Если последовать, например, за итальянцем Джованни Леви [7, с. 4], то биографию историка скорее можно отнести к «герменевтическому» типу, ориентирующему исследователя на понимание жизни личности, особенностей черт характера, мотивов поведения, намерений и замыслов, степени их реализации, предполагается внимание к духовному миру личности, отношению к другим людям, исследование коммуникаций между людьми и культурами. Особое внимание при исследовании творческой личности историка требуется уделить выявлению индивидуальных стратегий и практик, которые проявляются как внутренние причины происходящих в науке перемен. Но при этом биография историка вполне может быть отнесена и к выделенному тем же автором

типу «контекстуальной биографии», ибо внимание к конкретной общественной эпохе, в которой реализует себя личность историка, к реконструкции социального контекста, в который и вписываются творческие достижения личности, позволяют сохранить равновесие между специфической частной судьбы и совокупностью общественных условий, в которых творит историк.

Появившиеся в ходе осмысления профессиональным историческим сообществом последствий целого ряда познавательных и культурных поворотов, произошедших в междисциплинарном поле мировой гуманитаристики [1, с. 7–8], в том числе и поворот биографический [12, с. 8–9], породили и новые подходы к биографии вообще и биографии историка в частности – «интеллектуальная биография», «новая биографическая история», «индивидуальная история», «персональная история». Последняя и позволяет «представить роль биографии как социокультурного измерения исторического процесса» [7, с. 3]. В очередной раз перефразируя высказывание, относящееся к исторической биографии, отмечу, что социокультурное измерение становится характерным и для биографии историка-профессионала. В этом отношении новаторской стала монография Т.Н. Ивановой [6], посвященная В.И. Герье, в которой автору удалось, обратившись к традиционному для предшествующих десятилетий рассмотрению личности в привязке к школе, все-таки выделить достойное место и для биографического рассмотрения выдающегося русского историка.

С персональной историей *Personalia* как биографию историка роднит то, что основным исследовательским объектом и там, и там являются персональные тексты, а предметом исследования выступает «история одной жизни» во всей ее уникальности и полноте [13, с. 8]; эти персональные тексты, или источники личного происхождения, дают нам материал для характеристики индивидуального опыта героя, но персональная история, как и *Personalia* историка использует в качестве источников не только материалы, содержащие прямые высказывания личного характера (письма, дневники, мемуары, автобиографии), но и иные свидетельства, фиксирующие объективный взгляд со стороны [13, с. 10] (конечно, речь идет опять о некотором конструкте, создаваемом биографом); наконец, обязательный коммуникативный аспект, т.е. взаимодействие с другими личностями и окружающим миром в самом широком его понимании, без анализа этого невозможна никакая «персональная история» [13, с. 11] и невозможна *Personalia* историка.

Конечно, главным персональными текстами для любого профессионального историка являются его труды. И именно к ним и обращено внимание автора *Personalia* историка. Здесь то и возникает, на мой взгляд, то, что отличает *Personalia* историка от любого исследования в рамках «персональной истории».

Это глубина проникновения автора в профессиональную жизнь своего героя. Профессиональный историк выступает как профессиональный биограф. Но здесь же таится и очень большая опасность. При оценке творчества героя биографии профессиональный историк может впасть в

альтернативную историю, пытаясь показать свое видение исторического процесса, вместо досконального воспроизведения и оценки взглядов своего персонажа. Обязательное при написании любой биографии вживание, вчувствование в образ историка не должно превратиться в описание самого себя. Замечу, кстати, известную всем, кто профессионально занимался изучением отдельных известных историков, закономерность: автор-историограф становится очень похожим во взглядах, мироощущении, многих реакциях на своего персонажа. Этой проблемой никто специально не занимался, но на уровне ощущений это есть. И что здесь главенствует – подбор ли героя *Personalia* происходит на уровне интуитивного ощущения близости или автор *Personalia* просто конструирует образ своего героя на основе собственного «я», пока неизвестно.

Каков же выход из такого неизбежного субъективизма что в оценке творчества, что в репрезентации личности историка? На мой взгляд, в использовании наиболее широкого круга источников самого разного происхождения. Именно забавные детали, курьезы или, напротив, трагические и неприятные факты из жизни историка, пришедшие к нам из источников личного происхождения, делают биографию историка *Personalia*.

Попытка классификации исчерпывающего набора источников для написания *Personalia* уже предпринималась автором этой статьи [16, с. 138–140]. Однако новые исследования, появившиеся именно как *Personalia* в последние два десятилетия, обогатили источниковую базу историографического биографического исследования новыми материалами, которые вновь требуют осмысления и классификации. Это, безусловно, является одной из актуальных задач современной отечественной биографики.

Список литературы

1. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Д. Бахманн-Медик. – М.: НЛЮ, 2006. – 504 с.
2. Безгубенко А.А. Историческая концепция Мозеса Финли / А.А. Безгубенко: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1989. – 16 с.
3. Бухараева М.А. Эдуард Мейер и его историческая концепция / М.А. Бухараева: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1978. – 24 с.
4. Габдуллина Н.М.-Н. И.Н. Смирнов – профессор Императорского Казанского университета / Н.М.-Н. Габдуллина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2011. – 23 с.
5. Гребенкина А. Сколько живет историк? Казанские тайны Милицы Нечкиной / А. Гребенкина // Казань. – 1999. – №7–8. – С. 93–94.
6. Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века) / Т.Н. Иванова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. – 382 с.
7. Иконникова С.Н. Биография как социокультурное измерение истории / С.Н. Иконникова // Культурологический журнал. – 2011. – №4 (6). – С. 2–6.
8. Крапошина Н.В. Академик Н.К. Никольский (1863–1936): этапы научной биографии / Н.В. Крапошина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2010. – 25 с.
9. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества / М.В. Нечкина. – М., 1974. – 640 с.

10. Павлова Т.А. Методологические проблемы. Биографистика в СССР / Т.А. Павлова // Историческая биография: сб. обзоров к XVII Международному конгрессу исторических наук (Мадрид, август 1990). – М., 1990. – С. 5–32.
11. Пахомов Ю.В. Иван Николаевич Смирнов (1856–1904) – историк, этнограф, общественный деятель / Ю.В. Пахомов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1994. – 19 с.
12. Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика / Т.Н. Попова. – Одесса: Бондаренко М.А., 2017. – 456 с.
13. Репина Л.П. Личность и общество, или История в биографиях. Вместо предисловия / Л.П. Репина // История через личность: историческая биография сегодня. – 2-е изд. – М.: Квадрига, 2010. – С. 5–16.
14. Сергеев А.В. Исторические взгляды В.И. Григоровича / А.В. Сергеев. – Казань, 1978. – 136 с.
15. Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». – М.: Наука, 1993.
16. Чиглинецв Е.А. Биография историка в историографическом сочинении / Е.А. Чиглинецв // Античность: эпоха и люди. – Казань, 2000. – С. 132–141.
17. Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии / С.О. Шмидт // Проблемы истории общественной мысли и историографии. – М.: Наука, 1976. – С. 264–275.
18. Шофман А.С. Михаил Михайлович Хвостов / А.С. Шофман. – Казань, 1979. – 111 с.
19. Шофман А.С. Федор Герасимович Мищенко / А.С. Шофман. – Казань, 1974. – 111 с.
20. Ярошевский М.Г. Биография ученого как науковедческая проблема / М.Г. Ярошевский // Человек науки. – М.: Наука, 1974. – С. 22–29.

СЕМЬЯ ЯКОВЛЕВЫХ И ПРОБЛЕМЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Селиванова Ольга Владимировна

канд. ист. наук, и.о. старшего научного сотрудника,
руководитель группы

Цыпкина Анна Георгиевна

младший научный сотрудник

ФГБУН «Архив Российской академии наук»

г. Москва

DOI 10.31483/r-32591

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ А.И. ЯКОВЛЕВА: МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ (ПО ДОКУМЕНТАМ ЛИЧНОГО ФОНДА В АРХИВЕ РАН)

Аннотация: в настоящей статье представлен обзор эпистолярного наследия А.И. Яковлева из его личного фонда, хранящегося в Архиве РАН, дана краткая характеристика научных и социальных контактов учёного.

Ключевые слова: Яковлев А., Архив РАН, личные фонды, документы, эпистолярное наследие, история науки, социальные контакты, коммуникативное пространство.

Яковлев Алексей Иванович (1878–1951), член-корреспондент АН СССР, принадлежал к известной московской школе историков, был учеником В.О. Ключевского, в 1918–1924 гг. занимал должности экстраординарного и ординарного профессора по кафедре русской истории Московского университета. Несмотря на заслуги в своей области, о его личной биографии известно немного. В фокусе немногочисленных исследователей творчества А.И. Яковлева прежде всего был вклад учёного в историографию [2]; в отношении биографии, как правило, они ограничивались сжатым описанием жизненного пути. Похожим образом, с акцентом на характеристику документов о научных трудах и деятельности, а не на историю жизни учёного и науки того периода, в 1981 г. С.М. Душиновым был опубликован краткий обзор фонда историка [3], а сравнительно недавняя биографическая статья Г.А. Александрова написана в первую очередь по документам из Центрального государственного архива Чувашской республики [1]. В.В. Тихонов, опубликовавший воспоминания А.И. Яковлева о В.О. Ключевском [12], в своих работах и, в частности, книге «Московские историки первой половины XX в.» писал в основном о его научном становлении и творческом развитии [11; 13]. В последнее время всё больше историков интересуются фондом учёного, но прежде всего их привлекают его книжные коллекции [5].

Между тем в хранящемся в Архиве РАН личном фонде ученого со-
держится немало документов, необходимых для комплексного изучения

биографии историка, проливающих свет не только на научную деятельность, но и на мировоззрение. Наряду с личными и биографическими документами, материалами о научно-организационной и педагогической деятельности в Архиве РАН хранится обширный корпус переписки, составляющий примерно половину фонда (дела №276–522). Эпистолярное наследие, безусловно, является важнейшим источником, позволяющим не только очертить круг общения ученого, но и характеризующим обстановку исторического периода; оно выявляет личные качества, особенности творческого процесса и зачастую восполняет лакуны в биографии как фондообразователя, так и его корреспондентов.

Стоит отметить, что XX век, в частности, советский период, стал эпохой широкого распространения научных знаний и создания научных центров и высших учебных заведений не только в Москве и Ленинграде, но и по всей стране. С этой точки зрения фигуры Яковлева и его корреспондентов представляются весьма интересными, не только в контексте существующего спора о московской и петербургской школах историков (большинство корреспондентов Яковлева А.И. – москвичи), но и в контексте развития науки и образования на периферии, прежде всего, в Чувашии.

Переписка Яковлева сформирована в дела по корреспондентскому признаку; они упорядочены по алфавиту и подразделяются на две части – письма фондообразователя (9 дел) и письма, ему адресованные (234 дела). В отдельные дела сформированы письма от солдат с фронтов Первой мировой войны, письма А.И. Яковлеву от ученых с благодарностями за поздравления по случаю их юбилеев и других памятных дат, а также дело с письмами неустановленных корреспондентов; 16 дел – это письма различных корреспондентов родственникам А.И. Яковлева (Следует отметить, что в фонде вообще нет писем от иностранных корреспондентов).

Безусловно, большая часть корреспондентов Яковлева – это историки, например, С.К. Богоявленский, Р.Ю. Виппер, В.И. Герье, Б.Д. Греков, С.А. Жебелев, Д.М. Петрушевский, М.А. Дьяконов, С.И. Соболевский, Л.В. Ошанин; ученики Яковлева Л.В. Черепнин, В.И. Авдиев, Б.Б. Кафенгауз, А.А. Новосельский.

Как известно, в 1930 г. Яковлев был осужден по «академическому» делу (в августе 1930 г. был арестован по «академическому делу», отправлен в ссылку в Минусинск, где работал библиотекарем и сотрудником Мартыановского музея; также подрабатывал преподаванием иностранных языков, переводами научной литературы по химии, геологии и пр.); многие ученые в то время, даже не подвергшиеся репрессиям, чистили свои архивы, однако в фонде Алексея Ивановича сохранилась ценнейшая переписка со многими фигурантами этого дела. Так, это 126 писем С.Ф. Платонова (готовятся к публикации А.В. Мельниковым), (а также письма от сына и дочери Платонова), 9 писем от Е.В. Тарле [АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 479], 20 писем от В.Н. Бенешевича [АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 288], 27 писем от Ю.В. Готье [АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 299], 10 писем от М.К. Любавского [7]. Интересно, что в фонде не

сохранилось писем М.М. Богословского, хотя тот уважительно относился к молодому историку и высоко ценил его талант. Свидетельством их общения (конечно, помимо дневников М.М. Богословского) может служить дело №238 (Приглашения А.И. Яковлева в гости М.М. Богословским, Н.А. Рожковым, П. Сакулиным и др.).

Безусловно, заслуживают внимания письма С.В. Бахрушина (36 шт.) [АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 295], с которым Яковлева связывали дружеские отношения на протяжении долгих лет (отношения между двумя историками испортились после выступления Бахрушина с критикой монографии А.И. Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве XVII вв.», когда автор был обвинен в немарксистском подходе); но, к сожалению, не представляется возможным реконструировать диалог двух историков, так как ответных писем в фонде Бахрушина нет – тот, после горького опыта репрессий, основательно почистил свой архив.

Ещё в юности А.И. Яковлев проявил сочувствие к революционным идеям. Так, в феврале 1899 г., когда по России «прокатилась волна студенческих волнений», Яковлев был исключён из университета за оскорбление студента, порицавшего забастовки, и выслан в Симбирск к родителям [1, с. 151]. В 1905 г. Яковлев даже навещал Ленина в Женеве, а в 1918 г. был принят в Кремле Лениным, когда обратился с просьбой о ходатайстве за коллег по Румянцевскому музею. Ленин предложил ему активно заняться политической работой и на отказ неудовольствия не выказал [1, с. 154]. Контакты у Яковлева были и с другими революционно настроенными представителями интеллигенции: сохранились письма от его одноклассника А.Я. Гречкина [АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 339], участника революции 1905 г., и политкаторжанина, писателя и правозащитника В.Г. Короленко [АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 385]. Некоторое внимание учёного к событиям революционного периода заметно и по другим документам, отложившимся в Архиве РАН [АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 23. Стенограмма собрания Отделения истории и философии АН СССР, выступление А.И. Яковлева на обсуждении доклада Н.Г. Войтинского «Двадцатилетие тезисов Ленина по национальному и колониальному вопросам на 2-ом конгрессе Коминтерна»].

Между тем Яковлев, находясь у истоков развития советской науки, являлся также наследником традиций века XIX, недаром же В.О. Ключевский оставил о нём воспоминания как о «благовоспитанном и образованном молодом человеке, даровитом и вдумчивом, с живой научной любознательностью» [1, с. 151]. В 1921–1922 гг. Яковлев был организатором Чувашского университета и первым его ректором. Несмотря на то, что в 1930 г. историк был репрессирован (вероятнее всего, арест также оставил след на архиве историка и многие документы были безвозвратно утеряны), несколько лет спустя, в 1943 г., он уже стал лауреатом Сталинской премии за монографию «Холопы и холопство в Московском государстве в XVII веке». Безусловно, огромную роль в этом сыграла возраставшая А.И. Яковлева благодатная среда наставников и учителей, – среди которых были историки В.О. Ключевский, И.В. Цветаев, С.Ф. Платонов, С.Б. Веселовский, – коллег и близкого

окружения. По этой причине не вызывает сомнения роль переписки в реконструкции научных и дружеских контактов учёного.

Большую роль в становлении Яковлева как учёного и человека сыграл давний друг отца историка – искусствовед и организатор будущего ГМИИ им. А.С. Пушкина (тогда – Музея изящных искусств имени императора Александра III) Иван Владимирович Цветаев. Письма Цветаева Яковлеву только начинают изучаться [15], содержат интересную информацию о поездках Цветаева за рубеж в поисках будущих экспонатов для музея и других организационных вопросах, но при этом достаточно откровенны и эмоциональны, что позволяет составить психологический портрет отправителя.

Среди адресатов А.И. Яковлева – видные специалисты в разных областях: палеонтолог Д.И. Иловайский, геолог и палеонтолог Н.Н. Яковлев, член-корр. АН СССР и первый председатель Русского палеонтологического общества; близкий друг Яковлева минеролог, геолог В.И. Вернадский; художник М.В. Нестеров; писательница А.Ф. Гринберг; филологи Ф.Е. Корш и М.Н. Сперанский; географ и океанограф, председатель Русского географического общества Ю.М. Шокальский, внук небезызвестной Анны Петровны Керн. Поддерживал А.И. Яковлев и контакты с княгиней Екатериной Урусовой, начальницей женского института. Письма многих корреспондентов носят тёплый дружеский характер (часто встречается обращение «Леля», «дорогой Леля») и достаточно откровенны. Так, в одном из писем Шокальский признавался: «Да, нечего делать, заболел довольно серьёзно, что я не привык делать. Конечно, виноват сам, но поводы заболевания – добропорядочные вполне. Что значит переработал, то есть использовал свои силы сверх сил – для пользы Союза» [АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 512. Л. 9].

Круг интересов А.И. Яковлева не ограничивался русской историей нового времени, он был в гуще не только научной, но и социальной жизни своей эпохи, умел располагать к себе собеседника, по-видимому, в общении был скромным, деликатным и отзывчивым. Алексей Иванович был «сыном педагога из крестьян Симбирской губернии Ивана Яковлевича Яковлева, известного в Поволжье просветителя и деятеля по возрождению чувашской национальной культуры и языка» [АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 74. Личное дело А.И. Яковлева. С. 15], и при всей своей активной деятельности в столице А.И. Яковлев не терял связи с коллегами с малой родины. Отдельного упоминания заслуживают его чувашские корреспонденты: И.М. Максимов, математик, доцент Чувашского педагогического университета, князь Ю.С. Хованский (один из авторов идеи об открытии в Симбирске памятника Н.М. Карамзину, на что он пожертвовал деньги), писатель Я.Г. Ухсай. Письма последнего интересны тем, что написаны с фронта, хотя и нет подробного описания военной обстановки, больше внимания автор уделяет своим творческим замыслам: «Бои были и летом и осенью, писать о них сейчас нет никакой возможности, как-нибудь расскажу после войны. Я жив и здоров, но не располагаю временем для своей творческой работы.

С родины идут письма – земляки готовятся к 25 годовщине Чувашской республики. В репертуар Чувашского Академического театра включили мою пьесу «Тудимер». Дорогой Алексей Иванович, у меня созревает в голове мысль написать пьесу историческую, где должны выступить Иван Яковлевич и Илья Николаевич... конечно, сейчас не могу я заняться вплотную этой серьезной работой, но благородные мысли так и бродят в голове» [АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 486. Л. 4–4 об.].

В фонде отложился список товарищей А.И. Яковлева по классу Симбирской мужской гимназии [АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 234]; сохранились письма от одноклассников, например, Листова А., Левита В., Семенова П., Попова С., Соколовского В.; примечательно, что часть его симбирского круга знакомых была увлечена революционными идеями.

Письма известных людей эпохи, сохранившиеся в его архиве, содержат сведения не только о работе, но и увлечениях – вырисовываются интересные психологические портреты. Так, в фонде отложилось 84 письма от выдающегося офтальмолога В.П. Филотова с 1903 по 1953 гг., знакомого с Яковлевым еще по Симбирску. Обращаясь к Алексею Ивановичу «милый друг», он, например, писал 29 сентября 1903 г.: «Про сухие материи вроде клиник, диссертаций и проч[его] напишу когда-либо в другой раз. Сегодня у меня была материя мокрая... я окончательно обручился с морем и записался в яхт-клуб» [АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 489. Л. 6]. Филотов делится повседневными новостями, размышлениями о работе, рассказывает о путешествиях, конференциях, обращается за помощью по решению различных дел в Москве.

Для установления круга общения историка, безусловно, будут полезными дела «Поздравительные письма Яковлеву А.И. по случаю присуждения Сталинской премии, награждения Орденом Трудового Красного знамени, почетной грамотой» (Д. 236), «Адреса и поздравления А.И. Яковлеву в связи с 70-летием со дня рождения» (Д. 237), «Переписка А.И. Яковлева с учеными о книгообмене» (Д. 241), «Письма А.И. Яковлеву от ученых с просьбами о консультировании и научном руководстве их работ» (Д. 248), «Письма ученых А.И. Яковлеву с просьбами написать рецензии, отзывы на книги, выступить оппонентом на защите диссертаций» (Д. 250) и «Переписка А.И. Яковлева с учеными об устройстве на работу, в высшие учебные заведения, организации командировок и пр.» (Д. 251).

Дальнейшее более подробное изучение обширных социальных контактов А.И. Яковлева и его архивного фонда в целом позволит не только собрать интересный материал для его биографии и истории быта русских учёных, но и поможет восстановить общий облик эпохи и непростой переход науки императорской России к науке советской, что, безусловно, в числе прочего осуществлялось и с помощью сил дореволюционных специалистов. А реконструкция научных и других социальных связей учёных не только в целом обогащает представления о процессе научного познания и способах реализации научного потенциала в условиях общественно-политических трансформаций [4], но и сообщает дополнительные сведения о развитии науки и культуры в определённый исторический период.

Список литературы

1. Александров Г.А. Алексей Иванович Яковлев – историк, археограф, педагог // Вопросы истории. – 2003. – №8. – С. 151–158.
2. Душинов С.М. К истории отечественной историографии (издания, подготовленные А.И. Яковлевым) // Археографический ежегодник за 1976 г. – М., 1977. – С. 111–120.
3. Душинов С.М. Личный фонд А.И. Яковлева в Архиве Академии наук СССР // Советские архивы. – 1981 – №5. – С. 48–52.
4. Лиманова С.А. Переписка А.П. Павлова и М.В. Павловой с геологами и палеонтологами из России: реконструкция научных связей // Прогресс России. Женский аспект. – М., 2018. – С. 121–137.
5. Полонский Д.Г. «Хронограф» XVIII в. из собрания А.И. Яковлева в Архиве РАН // Архивный поиск. Электронный сборник научных статей и публикаций. – М., 2019. – С. 475–487.
6. Тихонов В.В. «В истории так мало незыблемых истин...» (к 130-летию со дня рождения Алексея Ивановича Яковлева) // История и историки: Историографический вестник. – 2008. – Т. 2008. – С. 289–317.
7. Тихонов В.В. Последние года жизни академика М.К. Любавского: письма М.К. Любавского к А.И. Яковлеву // История и историки: Историографический вестник. – 2008. – Т. 2008. – С. 391–404.
8. Тихонов В.В. Археография в научном наследии А.И. Яковлева // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: сб. трудов конференции. – М., 2010. – С. 370–373.
9. Тихонов В.В. Об одной тенденции развития отечественной историографии в начале XX в. (историко-антропологические работы А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина) // Ежегодник историко-антропологических исследований. – М., 2010. – С. 328–335.
10. Тихонов В.В. М.К. Любавский в уфимской ссылке (по материалам писем к А.И. Яковлеву) // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве. Материалы XXIII Международной научной конференции. – Москва, РГГУ, 27–29 января 2011 г. – М., 2011. С. 436–438.
11. Тихонов В.В. А.И. Яковлев – ученик В.О. Ключевского // Ключевские чтения – 2011. Материалы Всероссийской научной конференции. Сборник научных трудов. – М., 2011. – Т. 1. – С.28–32.
12. Тихонов В.В. «Если ты хочешь услышать этого великого учёного и мастера слова, то приезжай в Москву». Воспоминания А.И. Яковлева к 170-летию В.О. Ключевского // Вестник архивиста. – 2011. – №2. – С. 138–144.
13. Тихонов В.В. Московские историки первой половины XX в. Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина. – М., 2012.
14. Тихонов В.В. Неизвестный курс лекций по методике исторического исследования А.И. Яковлева // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV Международной научной конференции: в 2-х ч. – М., 2013. – С. 563–566.
15. Цыпкина А.Г. Создание ГМИИ им. А.С. Пушкина по письмам И.В. Цветаева к А.И. Яковлеву и Г.Э. Зенгеру // Исторические документы и актуальные проблемы археологии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени «Клио-2015». – С. 439–441.

Гришина Наталья Владимировна

канд. ист. наук, доцент

Алеврас Наталия Николаевна

д-р ист. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

г. Челябинск, Челябинская область

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ЯКОВЛЕВ И ЕГО ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ДИСПУТЫ

Аннотация: авторами представлена фигура А.И. Яковлева – последнего из учеников В.О. Ключевского. Историк, чья деятельность не избалована вниманием исследователей, рассмотрена в контексте событий, связанных с защитами в 1917 г. магистерской и докторской диссертаций. Внимание сосредоточено на методологических аспектах диссертаций, получивших выражение в речах Яковлева на диссертационных диспутах и вводных разделах его работ, а также на характере критических замечаний в адрес его исследований со стороны официальных и неофициальных оппонентов.

Ключевые слова: диссертация, диссертационный диспут, речь перед диспутом, оппоненты, Ключевский В.О., Платонов С.Ф.

Фигура А.И. Яковлева (1878–1951), научный путь которого традиционно связывают со школой В.О. Ключевского, обрела ныне новое, гораздо более углубленное освещение, благодаря повышенному интересу к творчеству представителей историко-научного сообщества Московского университета. В современной историографии историк позиционируется как представитель школы Ключевского, входивший в ее «ядро», будучи ориентированным на традиционный для школы тренд, нацеленный на изучение социальных феноменов истории [5, с. 112–113].

Одновременно подчеркивается, что, являясь представителем младшего поколения учеников Ключевского, он усвоил не только принципы «второго позитивизма», но и был склонен к использованию отдельных идей неокантианства [9, с. 168–179]. Обе его диссертации оцениваются как фундаментальные труды, инновационные по своему методологическому потенциалу. В силу этого магистерская и докторская диссертации Яковлева стали объектом внимания.

А.И. Яковлев: путь к диссертациям

А.И. Яковлев уже на студенческой скамье выделился своей научной активностью. Будучи ещё студентом «3 семестра» (1 курс), он в декабре 1897 г. представил свою конкурсную работу на соискание серебряной медали по теме, предложенной В.О. Ключевским – «Вопрос о крепостных крестьянах в «Комиссии для сочинения проекта нового уложения» 1767–1768 гг.» [10, оп. 476. Д. 24. Л. 39.].

В личном фонде Яковлева сохранился машинописный вариант его первой студенческой работы с автографом Ключевского [1, оп. 1. Д. 167. Л. 208–278.]. Историк оценил его сочинение на «весьма удовлетвори-

тельно», что в те времена означало «отлично». Алексей Иванович окончил университет в 1900 г. с дипломом I степени. Именно эти события зачинавшейся научной биографии стали для Яковлева фактическим стартом включения его в ряды учеников В.О. Ключевского. Современники считали, что А.И. Яковлев, из учеников «самый молодой и всего менее определившийся», стоял «ближе всего к Ключевскому» [8, с. 179].

Нельзя обойти вниманием факт студенческой жизни Яковлева, связанный с его участием в студенческих волнениях в феврале 1899 г. Будущий историк попал в список 150-ти «уволненных» студентов, участников протестной акции. Только благодаря ходатайству В.О. Ключевского перед ректором о вторичном его приеме в университет, он завершил обучение. Одним из аргументов защиты Ключевский выставил первые успехи Яковлева на научном поприще: «Он написал прекрасное сочинение по русской истории для соискания медалей, когда еще состоял на первом курсе – редкий случай в истории русских университетов <...> Чем ближе узнавал я его, тем более укреплялся в составленном о нем мнении, возлагая не него самые добрые надежды...» [3, с. 274.].

В сентябре 1900 г. Ключевский уже ходатайствовал перед Советом университета об его «оставлении при университете», правда, тогда пришлось довольствоваться формулой: «без содержания из сумм министерства». Но уже в декабре этого же года последовало вторичное ходатайство профессора о назначении Яковлеву стипендии имени С.Ф. Соловьева [10, д. 27. Л. 43 об., 55]. 5 марта 1903 г. его официально закрепляют за кафедрой русской истории, а 19 марта он уже сдает магистерский экзамен по своей специализации. Принимавшие его старшие ученики Ключевского – М.К. Любавский и А.А. Кизеветтер – оценили его ответ на «весьма удовлетворительно» [10, оп. 476, Д. 30. Л. 17 об, 21 об.].

Пробные лекции («Причины смутного времени по современным смуте русским сказаниям» и «План государственных преобразований Сперанского 1809 года») он прочел 17 мая 1906 г., получив должностной статус приват-доцента. В таковой должности он и оставался до защиты своих диссертаций в 1917 г. Быстрый карьерный путь Яковлева до статуса приват-доцента в дальнейшем замедлился – диссертации он защитил только через 10 лет (подчеркнем, что отрезок в 10 лет до защиты первой диссертации был типичен в историко-научном сообществе рубежа XIX–XX вв.), правда, обе с перерывом всего 3 месяца. Среди историков меньший перерыв в защите диссертаций, по нашим сведениям, был лишь у В.И. Пичеты, защитившем магистерскую и докторскую диссертации в 1918 г. в течение месяца.

По всей видимости, обратившись в своих исследованиях к засечной черте Московского государства и Приказу сбора ратных людей, Яковлев на протяжении работы над ними испытал некоторое разочарование в избранной проблематике. Об этом факте упомянул С.Б. Веселовский – постоянный корреспондент Яковлева – в письме магистранту Петроградского университета А.И. Заозерскому (от 21 января 1914 г.). Отвечая

Заозерскому, сетовавшему на очередное изменение плана своей работы над магистерской диссертацией, Веселовский писал: «Что у Вас на ходу меняется план работы, это ценный знак, но трудное это дело, то есть изменить – бросить то, что оказывается ненужным, и искать новых материалов. Все-таки этот риск и потеря уже сделанного гораздо лучше того, что делает А.И. [Яковлев. – Н.А., Н.Г.], то есть года два говорит, что его не удовлетворяет тема и материал, и вместе с тем не бросает их» [6, с. 254]. Яковлев неоднократно жаловался своему респонденту, что работа затягивается: «Надо теперь писать, а писать <...> трудно, потому что, кроме «повествования», написать что-либо нелегко, да, признаться сказать, и дух замирает, как только вспомнишь, что за это писание попадешь под обстрел тяжелой артиллерии Арбатского форта, своего рода Гибралтара нашей финансовой истории» (17 июня 1912); «Материал сер, но кое-что он может дать. Но челобитные, коих у меня до 11 сотен, мне надоели до тошноты!» (27 июля 1912) [6, с. 450, 454].

История семнадцатого столетия сблизила Яковлева с признанным знатоком данного периода – петербургским профессором С.Ф. Платоновым. Патронаж Платонова над Яковлевым усилился после смерти Ключевского. Касаясь характеристики исследований Яковлева, В.В. Тихонов специально подчеркнул внимание и помощь, оказанные ему со стороны Платонова [9, с. 170–171]. Считается, что именно Платонов предложил Яковлеву разделить формирующийся текст диссертационного исследования на две самостоятельные части, ставшие основой магистерской и докторской диссертаций [9, с. 168]. Со временем между ними сложились прочные не только научные, но и дружеские отношения. Об этом свидетельствует наличие в личном фонде А.И. Яковлева весьма представительной коллекции писем Платонова – 126 корреспонденций [1, оп. 1. Д. 439]. Нельзя не заметить и факт упоминания Яковлевым в предисловии к магистерской диссертации имени Платонова с подчеркнуто теплым эпитетом «дорогой».

Методологические и источниковедческие основы диссертационных исследований А.И. Яковлева: предисловия диссертаций и речи на диспутах

Обращаясь к диссертационной истории Яковлева, обратим внимание на предмет, задачи, целеполагающие установки, методологические принципы, определенные автором в предисловии к диссертациям и диспутационных речах. В предисловии магистерской диссертации Яковлев оговорил, что изучение засечной линии предшественниками велось фрагментарно и не сформировало целостного представления об этом явлении/процессе: «доселе не было систематического обзора засечной черты и изображения порядков ее охраны и поддержания». Актуализация темы подчеркивалась и в «речи перед диспутом», в которой он отметил, что оборона южных границ Московского государства XVI–XVII вв. была его «едва ли не главным предметом военных забот» [1, оп. 1. Д. 13. Л. 1.]. Но автор ставил задачу не только создания истории формирования и укрепления засечной черты, исходя из военно-политических задач государства. Следуя принципам школы Ключевского, он акцентировал внимание на изучении социальной политики Московского государства.

Более того, его привлекала возможность посредством анализа исторического комплекса выйти на уровень понимания психологии и поведения людей того времени. Он утверждал в предисловии: «Сквозь воеводские отписки о ходе сбора посохи и о ходе работ на черте нередко можно было увидеть живых людей с их особенностями». Подобная фразеология (о возможности видеть «живых людей») современным исследователем может восприниматься с критической улыбкой. Но за этой неудачной фразой скрывается акцент, свидетельствующий об усвоении младшим поколением школы Ключевского более сложных представлений о задачах изучения социальных процессов в истории. Они формировались на совокупности философских идей рубежа XIX–XX вв., акцентировавших внимание на актуальности постижения прошлого через понимание особенностей сознания и мировосприятия людей той или иной исторической эпохи. Можно полагать, Яковлеву была близка идея В. Дильтея о необходимости и возможности «вжиться в чужое сознание». Подобный акцент был им продолжен и в докторской диссертации [12]. В предисловии к ней он продолжил прежнюю тему. Исходя из заданной им «обязанности историка», он стремился «увидать живых людей, чувствовавших, думавших и действовавших в изучаемом им учреждении, старался понять самый ход работы в приказной лаборатории, уловить процесс образования ткани их соображений и заключений» [12, с. IV]. В защитной речи на докторском диспуте он подчеркнул, что деятельность изучаемого им Приказа «интересна как характерный образчик мышления людей той эпохи вообще» [1, оп. 1. Д. 14. Л. 22].

В докторской диссертации он определял свое место в историографии темы, подчеркивая, что идет за А.С. Лаппо-Данилевским, П.Н. Милюковым, С.Б. Веселовским и др. исследователями, в чьих трудах была установлена общая картина финансов в Московском государстве, выявлены особенности его хозяйственного развития в период после смуты. Свою задачу он видел в исследовании преломления государственного начала в область социальных отношений.

Однако, намеченная им линия проникновения в мир «живых людей» XVII века, не получила фактической реализации в самом труде, о чем свидетельствуют представленные им характеристики используемого комплекса источников, чему он уделил особое место в своих диспутационных выступлениях. Подчеркивая специфику работы с ними, он обращал внимание на необходимость их предварительной идентификации с целью последующей обработки для создания общего массива информации. Яковлев признавался, что «перед этим материалом наблюдатель чувствовал себя как перед разорванными кусками большой и сложной картины, понять которую в целом можно было, только подобрав и соединив прихотливо разорванные, разбросанные и перепутанные части ее» [11, с. III]. Тема источника приобрела наиболее выразительные пассажи в его речи на магистерском диспуте. В ней он предложил некое эссе (в стиле литературно-афористического описания) по поводу специфических взаимоотношений, которые складываются между историком и источником. Подобные почти художественные описания свойств источ-

ников на защитах диссертаций редко можно встретить, поэтому позволим себе несколько цитат.

«Обычно историк живет в неладах со своим источником: подозревает его в наивности или, ещё хуже в лицемерии, любит смотреть ему в зубы, переспрашивать, устанавливать очные ставки, за спиной одного источника допытываться о [правде] у другого, наконец, взять источник за волосы, а то и подвергнуть еще худшей пытке, заставляя его сказать то, чего у источника на уме не было. Но и источники не очень приветливы к историку – или отмалчиваются о самом интересном, цедя сквозь зубы незначительные фразы, говоря общими мыслями, а то так и сознательно сбивая историка с толку».

Однако, предложенная общая характеристика коллизии «источник-историк» признается автором не применимой к ситуации в изучении темы защищаемой им диссертации. Комплекс источников, с которым работал диссертант, имел, на его взгляд, иную природу: «Они [источники] наперебой старались досказать не только сами за себя, но и друг за друга: чего не договорит один, то доскажет другой или третий, по пути сообщив иной раз такую справку из области личных настроений и впечатлений, которой и не ждешь и на которую так скупы древнерусские памятники».

Вместе с тем, свою исследовательскую ситуацию Яковлев преподносил как не менее сложную: он имел перед собой некую «панораму» источниковой информации, которую автору надо было правильно дифференцировать классифицировать, систематизировать: «Документы сами шли к нему [автору] в руки, как куски кинематографической ленты, надо было только разобрать, распутать их взаимоотношения и разместить в соответствующем порядке» [1, оп. 1. Д. 13. Л. 3]. Восторженность автора относительно информативной насыщенности источников выдавала в нём все же позицию историка-позитивиста, уверенного в том, что факты источниковой информации «говорят сами за себя».

Диспуты А.И. Яковлева и их оценка историками-современниками

Защита магистерской диссертации Яковлева «Засечная черта Московского государства в XVII веке: Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства» (М., 1916) состоялась накануне событий Февральской революции – 19 февраля 1917 г. Официальными оппонентами на диспуте были М.К. Любавский и Ю.В. Готье, неофициальным – С.Ф. Платонов [7, с. 208–213].

Отмечая редкость присутствия на диспутах даже в роли частных оппонентов представителей иных университетов, заметим, что его приезд в Москву не был случайным. Платонов прибыл в сопровождении своего ученика – П.Г. Васенко. Хотя их приезд был приурочен к совещанию о планируемом на 1918 год международном съезде историков в Петербурге, диспут Яковлева занимал далеко не последнее место в планах этой поездки.

Официальные оппоненты Яковлева признали, что «многое из наблюдений и выводов автора войдет в научный обиход» (Любавский), а благодаря его труду «историческая наука получила ценное приобретение» (Готье). Тем не менее, они сделали немало критических замечаний

[7, с. 209, 211]. Несмотря на произнесение своеобразной оды источникам, именно источниковедческие штудии Яковлева оказались подвергнуты критике. Оппонентами отмечалось «весьма доверчивое отношение» автора к источникам, преобладание в работе «сырого без достаточной обработки материала», невыразительность приемов его обобщения (Любавский). Подчеркивалось также отсутствие в работе общего контекста изучаемого исторического «эпизода». В результате исследуемое явление оказалось «не вставленным» «в историю того процесса, звено в котором составляет этот эпизод», а потому вне поля зрения оказались источники, характеризующие этот общий процесс (Готье) [7, с. 209–212].

Не удалось диссертанту, считали оппоненты, выдержать и единую для всех структурных частей диссертации глубину погружения в анализ рассмотренных им фактов и явлений. Подверглась критике и основа концептуальной версии Яковлева, пытавшегося представить действия государственных структур по укреплению Засечной черты как стихийные, не рациональные и противостоящие ходу «народной колонизации». Любавский укоризненно заметил, что его «народнические чувства», ставшие основой таких выводов, противоречили «историческим фактам». Критический взгляд на правительство Михаила Федоровича в деле устройства Засечной черты не получил поддержки у оппонентов. Готье подчеркнул, что «оборона степи» после Смуты отличалась продуманностью и настойчивостью. В этом официальных оппонентов поддержал и Платонов.

Отметим одновременно, что не только опыт Платонова в изучении XVII в. являлся значимым для Яковлева. Объективно дорогу к изучению истории этого столетия, так или иначе, проторили представители старшего поколения учеников Ключевского в лице П.Н. Милюкова, Н.А. Рожкова, Ю.В. Готье. Обращаясь к изучению своей темы, Яковлев погружался в ситуацию социальной и политической атмосферы жизни Московского государства после Смуты, главной задачей которого являлось укрепление своих рубежей посредством создания оборонительных сооружений, вошедших в историю под названием «Засечной черты».

Платонову, как неофициальному оппоненту, досталась роль своеобразного синтезатора-арбитра, который с учетом мнений обеих сторон полемики подвел ее итоги. Он сосредоточился на характеристике структуры диссертации и характера подачи материала. Будучи мастером изучения событий XVII в. и знатоком источников данного времени, он, всегда ценивший высокое искусство стиля изложения, в своем выступлении обратил внимание на «литературный прием, каким написана вся книга». Под этим приемом он имел в виду особую способность Яковлева оригинально толковать смысл, казалось бы, уже изученных источников. Однако неофициальный оппонент вынужден был признать, что «свойственная ему проникновенность» в глубины осмысления источников, не оградила диссертанта от ряда существенных замечаний. Солидаризируясь с официальными оппонентами относительно разнохарактерности структурных частей работы по степени аргументации автором своих суждений, он кратко, но ёмко дал заключение об ее особенностях. Стилистически оно передано было В.И. Пичетой в виде лаконичного пересказа выступления

Платонова. Пичета зафиксировал его смысл следующим образом: «<...> в книге нет единства: первая часть написана с большим литературным мастерством, изящно и тонко; вторая часть грубо, но документально; <...>. Что же касается третьей части, то С.Ф. Желал бы, чтобы ее совсем не было, так как она бездоказательна» [7, с. 213].

А.Н. Савин и М.М. Богословский в своих дневниковых записях не обошли стороной этот диспут, специально подчеркнув факт и характер выступления неофициального оппонента. Савин обратил внимание на то, что петербургский историк поддержал оппонентов, критиковавших Яковлева за искусственность характеристики изучаемой им «Засечной черты», как явления, связанного исключительно с крепостнической политикой. Он тонко заметил также, что Платонов, отметив «литературный талант» историка, одновременно критиковал его за «литературную разностильность книги» [8, с. 432].

Богословский, являясь последовательным критиком как магистерской, так и докторской диссертаций Яковлева, в своем дневнике дал описание факультетского заседания, собранного за месяц до диспута, где был заслушан факультетский отзыв, составленный Любавским. Сам Богословский, выступая на нем со своим мнением, критически заметил: «автор говорит не своими словами, а документами» [2, с. 296]. Такая оценка подчеркивала слабость Яковлева в использовании метода обобщения. Не случайно все указали на недостатки «заключительной части», то есть – Заключение.

В записи впечатлений от диспута он дал и общую характеристику оппонентского выступления Платонова (внутренне соглашаясь с ним) весьма сходно по смыслу с тем, что протоколировал В.И. Пичета: «...первая часть (вступительная глава) написана блестяще, средняя часть – тягуча, заключительная часть – невозможна, и он (то есть, Платонов) против нее протестует» [2, с. 309].

23 апреля 1917 г. состоялся докторский диспут А.И. Яковлева. Официальными оппонентами на нем стали Ю.В. Готье и С.В. Бахрушин. В качестве неофициального оппонента собирался выступить С.Б. Веселовский, но отказался от своего намерения из-за того, что не успевал подготовиться (С.Б. Веселовский упомянул об этом в письме М.А. Дьяконову (9 апреля 1917) [6, с. 153]. Еще накануне защиты для окружения Яковлева было очевидно, что успех диссертации «обеспечен». Готье был готов поддержать диссертацию, один из главных критиков М.М. Богословский оказался «за бортом и молчит» [6, с. 153]. В.В. Тихонов считает, что молчание Богословского стало следствием университетских интриг: сначала внезапного увольнения, затем обещания избрания профессором. Карьерные переживания отвлекли Богословского от участия в диспуте с критикой диссертации. В дневниковых записях историк критиковал, в первую очередь, избранную тему исследования – о «ничтожнейшем из приказов». Он отдает должное Яковлеву как мастеру слова, который «показал себя хорошим техником, прошедшим солидную школу, но и потратил силы и время даром». По мнению Богословского, источниковый материал, с которым так филигранно работал Яковлев, не заслуживал такой тщательной и затратной по времени обработки [2, с. 339–340]. Видимо, Богословского не убедила по-

пытка Яковлева в предисловии диссертации объяснить с археографической точки зрения выбор данной проблематики с акцентом на то, что дальнейшее «сознательное развитие русской исторической науки» о финансовой истории России в XVII в. невозможно без специального изучения комплекса документов приказа сбора ратных людей [12, с. III].

Критика Яковлева на докторском диспуте во многом повторяла замечания, сделанные ему при защите магистерской диссертации. Ю.В. Готье говорил о невнимании Яковлева к военной стороне деятельности приказа. С другой стороны, оппонент отметил источниковедческую культуру соискателя, его собственную манеру работы с источниковым материалом. «Не исследователь господствует над своим материалом, а наоборот материал, нередко пестрый, случайный и нелогический <...> руководит автором и давит на него» (Ю.В. Готье) [4, с. 147].

Имеющийся источниковый комплекс по защитам диссертаций А.И. Яковлева представляет интерес не только для задач изучения особенностей диссертационной культуры, но и для перспектив изучения процессов трансформации схолярной самоидентификации некоторых из учеников Ключевского в поздний период бытования его школы. Продемонстрированную в ходе диспута ситуацию интенсификации межличностных контактов ученых двух университетов в целях организации диссертационных диспутов можно рассматривать как фактор, содействовавший преодолению жестких границ университетских субкультур, непродуктивно и искусственно разделявших российское научное сообщество, не содействуя более интенсивному научному общению ученых.

Список литературы

1. АРАН. – Ф. 665.
2. Богословский М.М. Дневники (1913–1919): из собрания Государственного Исторического музея / отв. ред. С.О. Шмидт. – М.: Время, 2011. – 800 с.
3. Вернадский Г.В. Русская историография. – М.: АГРАФ, 1998. – 448 с.
4. Готье Ю.В. Яковлев А.И. Приказ сбора ратных людей 146-161 / 1637–1653 гг. // Исторические известия. – 1917. – №2.
5. Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. – Челябинск: Энциклопедия, 2010. – 287 с.
6. Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. – М.: Древлехранилище, 2001. – 527 с.
7. Пичета В.И. Диспут А.И. Яковлева // Исторические известия: Ист. об-во при Московском университете. – 1917. – №1.
8. Савин А.Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917 гг. / отв. ред. А.К. Гладков. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 523 с.
9. Тихонов В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века. Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина. – М.; СПб.: Нестор-История, 2012. – 320 с.
10. ЦГА г. Москвы. ЦХД до 1917 г. – Ф. 418.
11. Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерки по истории обороны южной окраины Московского государства. – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1916. – 321 с.
12. Яковлев А.И. Приказ сбора ратных людей 146-161 / 1637–1653 гг. – М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1917. – 562 с.

Дмитриева Ольга Олеговна

аспирант, ассистент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ЯКОВЛЕВ КАК ИНИЦИАТОР РЕАЛИЗАЦИИ КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИК ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Аннотация: в данной статье анализируется научная, педагогическая и общественно-просветительская деятельность доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента Академии наук СССР Алексея Ивановича Яковлева, сына чувашского просветителя Ивана Яковлевича Яковлева.

Ключевые слова: династия Яковлевых, А.И. Яковлев, И.Я. Яковлев, историческая память, коммеморативные практики, Отечественная война 1812 года, нарративная форма коммеморации, визуальная форма коммеморации, церемониальная форма коммеморации, монументальная форма коммеморации.

В 2018 году исполнилось 140 лет со дня рождения отечественного историка, доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента Академии наук СССР Алексея Ивановича Яковлева, являющегося видным представителем просветительской династии Яковлевых, основателем которой является известный чувашский педагог, народный просветитель Иван Яковлевич Яковлев, память о котором глубоко почитается в Чувашской Республике. К примеру, на базе Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова функционирует Научно-исследовательская лаборатория имени И.Н. Ульянова – И.Я. Яковлева, на базе которой ведется работа по сбору и анализу материалов о семье Яковлевых, члены которой представляют собой яркий пример представителей российской интеллигенции [5].

140-летний юбилей историка А.И. Яковлева вновь актуализирует исследовательский интерес к династии Яковлевых и об их месте в исторической памяти российского общества.

Объектом изучения данной статьи является общественно-просветительская деятельность Алексея Ивановича Яковлева в процессе инициирования коммеморативных практик, посвященных Отечественной войне 1812 года в первой половине XX века. В ходе исследований нами был разработан свой понятийный аппарат, касающийся проблем мемориальной историографии. На наш взгляд, коммеморацию следует понимать как «особый процесс целенаправленной актуализации исторических событий и личностей, посредством проведения конкретных мероприятий (празднование юбилеев, организация памятных церемоний, открытие памятников и музеев, создание мест памяти)» [2, с. 27].

Кроме того, нами также был разработан свой концептуальный исследовательский подход в выделении основных форм коммемораций:

1) нарративная форма коммеморации – это появление воспоминаний участников войны, исторических исследований и художественных произведений. Роль последних особенно значима в воздействии на коллективную память;

2) визуальная форма – это своего рода трансляция исторического события в живописно-образной форме. При этом можно проследить конкретное воздействие литературных произведений на живописные образы;

3) монументальная форма – это создание так называемых «мест памяти», создававших пространственные образы, в которых, с одной стороны, протекала повседневная жизнь обычных людей, а, с другой стороны, эти места становились центрами различных церемоний (пример – комплекс памятников Бородинского поля);

4) церемониальная форма коммеморации выражается в выработке особых ритуалов празднования юбилеев и дней памяти наиболее значимых событий и годовщины значимых исторических личностей [2;6].

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. вызвала новую волну общественного интереса к героическим страницам отечественной истории, а также актуализацию исторической памяти об Отечественной войне 1812 года. При этом наступил новый этап в формировании коммеморативных практик, ряд которых в 40-х гг. XX века были инициированы именно при содействии Алексея Ивановича Яковлева.

В годы Великой Отечественной войны большая значимость придавалась военно-патриотическому воспитанию советской молодежи. А.И. Яковлев в этот период сыграл большую роль в просветительской работе. Память о победе в Отечественной войне 1812 года в тяжелые для советского общества военные годы приобрела особую актуальность, став мощным идеологическим инструментом в пропагандистской работе, призванной поддерживать моральный дух каждого советского человека [3, с. 86].

В 1942 году Алексей Иванович внес неоценимый вклад в организацию тематической военно-исторической выставки, целью которой была актуализация исторической памяти о событиях из истории Отечественной войны 1812 года. Исследовательский коллектив в составе Алексея Ивановича и его учеников провел большую работу по поиску имеющегося в иностранных и отечественных изданиях художественно-изобразительного материала, посвященного тематике Отечественной войны 1812 года. В результате кропотливой работы были найдены иллюстрации бытового плана, а также карты, чертежи военных движений, необходимые для ознакомления с великой историей 1812 года [4, л. 2]. А.И. Яковлев в своем докладе Президенту Академии наук СССР С.И. Вавилову отметил, что выставка включала 260 экспонатов и была создана им и его учениками без какой бы то ни было субсидии со стороны Академии наук [4, л. 1].

Экспозиция выставлялась в Доме ученых и вызвала большой общественный интерес, нашедший свое выражение в нескольких газетных и

журнальных статьях [4, л. 1]. В результате, наблюдая за тем, какой успех имела данная выставка, ученый понял, что необходимо продолжить работу. В своем обращении к руководству Академии наук он отметил насущную потребность в дальнейшем изготовлении «комплектов аналогичных экспозиций в виде фотоснимков, планов, схем военных движений, событий и т. п.» [4, л. 1–2.].

Таким образом, в первой половине XX века благодаря общественно-просветительской деятельности Алексея Ивановича Яковлева в СССР на общественном уровне продолжился процесс формирования коммеморативных практик, выразившихся в создании тематических экспозиций, публикации иллюстративного материала и научно-популярных брошюр, создании исторических выставок, посвященных истории Отечественной войны 1812 года. Комплекс проводимых коммеморативных мероприятий 40-х гг. способствовал актуализации исторической памяти советского общества о героических страницах российской истории.

Список литературы

1. Автобиография, справки, выданные А.И. Яковлеву о службе за 1926–1933 гг. // ГИА ЧР. Сдаточная опись архивных документов семьи И.Я. Яковлева. Ед. хр. 4.
2. Дмитриева О.О. Проблемы изучения юбилеев Отечественной войны 1812 года в современной исторической науке // Вестник Екатеринбургского института. – 2017. – №2 (38). – С. 27–29.
3. Дмитриева О.О. Алексей Иванович Яковлев и коммеморативные практики Отечественной войны в 40-х гг. XX века // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева). – Чебоксары: Среда, 2018. С. 85–87.
4. Доклад А.И. Яковлева о решении финансовых вопросов для издания альбома и других памятных предметов, посвященных Отечественной войне 1812 года и деятельности М.И. Кутузова, написанный Президенту Всероссийской Академии наук СССР С.И. Вавилову // ГИА ЧР. Сдаточная опись архивных документов семьи И.Я. Яковлева. Ед. хр. 20.
5. Иванова Т.Н. Сохранение наследия И.Я. Яковлева и его семьи в ЧГУ имени И.Н. Ульянова / Т.Н. Иванова, О.О. Дмитриева // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова). – Чебоксары: Среда, 2017. – С. 29–33.
6. Иванова Т.Н. Столетний юбилей Отечественной войны и складывание исторической памяти о событиях 1812 года в российском обществе / Т.Н. Иванова, О.О. Дмитриева // История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: материалы международной научной конференции / под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой. – М.: Аквилон, 2016. – С. 159–163.

Зыкина Алевтина Петровна

канд. пед. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ДВУХКЛАССНЫЕ УЧИЛИЩА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШСКОГО КРАЯ

***Аннотация:** в статье дана общая характеристика одному из основных типов учебных заведений, функционировавших на территории Чувашского края на рубеже XIX–XX вв.*

***Ключевые слова:** Министерство народного просвещения; образование в Чувашском крае; типы учебных заведений; двухклассные училища; «образцовые» училища.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кабинета министров Чувашской Республики в рамках научного проекта №17-46-210691 р_а.

Школа всегда являлась одним из важнейших социальных институтов. Наряду со своей основной функцией – образовательной, она всегда выполняла не менее важную – воспитательную функцию. В определенные исторические эпохи последняя приобретала еще большую значимость. В переломные исторические эпохи власть и общество обращали пристальное внимание на состояние школьного образования. Наглядным примером может служить постановка школьного дела на рубеже XIX–XX веков, когда только лишь в структуре начального образования одновременно присутствовали несколько типов учебных заведений, отличающихся друг от друга как численностью, так и качеством образования, и состоянием материальной базы.

В разветвленной системе образовательных учреждений Чувашского края в конце XIX – начале XX века можно выделить следующие типы школ: земские школы, «образцовые» училища министерства народного просвещения, церковноприходские школы, школы грамоты, городские училища по «Положению» 1872 г., гимназии и прогимназии, реальные училища, высшие начальные училища. Помимо данных школ общеобразовательного характера можно назвать учебные заведения, которые давали специальную подготовку. Это учительские семинарии, ремесленные классы при городских училищах и ремесленные школы. В Чувашском крае имелись также школы духовного ведомства [1; 2].

В сельской местности работали земские школы, «образцовые» училища Министерства народного просвещения (МНП), церковноприходские училища и школы грамоты. В данной статье остановимся на характеристике двухклассных «образцовых» училищ МНП. Данный тип начальной школы получил свое развитие согласно постановлению от

29 мая 1869 г. Первоначально эти училища открывались в отдельных губерниях страны, а затем, с 1874 г. – во всей Российской империи. Училища функционировали за счет небольшого пособия казны и открывались при условии, если земства, сельские общества или частные лица будут обеспечивать их участком земли, помещением, нанимать технический персонал, а также участвовать в содержании учителей. Мы видим, что и в данном случае основную роль в содержании школы играло не государство, а общественность.

Учебные заведения данного типа стали открываться на территории современной Чувашии, начиная с 1867 г. Самым первым стало сельское двухклассное училище, открытое в селе Бичурино Чебоксарского уезда [3. Оп. 1. Д. 111а. Л. 137]. В Ядринском уезде вопрос об открытии министерского училища селе Аликово обсуждался достаточно долго, начиная с 1870 г. до 1872 г. Причиной тому были финансовые сложности в организации школы. Сначала необходимо было купить дом под училище, что стоило немало. Пришлось на это сначала найти подходящий дом и собрать деньги 2500 руб. Крестьяне 12 волостей обязались принимать участие в содержании школы [3. Оп. 1. Д. 102. Л. 4, 5]. После открытия школы нужны были средства для содержания и развития учебного заведения.

На основе архивных данных нам удалось установить, что на территории современной Чувашии было открыто всего 25 двухклассных училищ МНП, из которых два вышеназванных являются самыми первыми и функционировали они до 1918 г. Остальные были открыты в основном в начале XX в.

На развитие «образцовых» училищ МНП выделяло по 1000 руб. в год. Эта сумма могла расходоваться на жалование учителей и приобретение книг и учебных пособий. Сельские общества должны были выделить под училище землю, оплачивать страховку училищного здания, отвечать за отопление, освещение и ремонт. Например, расходы Бичуринского училища состояли из 1000 руб., ассигнуемых ежегодно казной (из них 902 руб. – на зарплату учителям, 70 – книги и учебные пособия, 28 – хозяйственные расходы) [3. Оп. 1. Д. 111а. Л. 130], также из средств, выделяемых сельскими обществами. Последняя сумма могла меняться из года в год. Например, в 1875 г. она составляла 238 руб., 1876 г. – 184, 1877 г. – 205, 1878 г. – 133, 1879 г. – 145, 1880 г. – 40 [3. Оп. 1. Д. 8. Л. 38].

Материальное положение Аликовского училища было более благоприятным. С момента открытия сельские общества ежегодно обязались направлять на его нужды по 400 руб. в год. А с 1895 г. бюджет училища равнялся 2074 руб.: 1000 руб. от МНП, 383 руб. – сельских обществ, 550 руб. – от земства, 136 руб. – от продажи изделий, изготовленных в ремесленном классе, 5 руб. – плата за обучение [3. Оп. 1. Д. 156. Л. 6]. Библиотека Аликовского училища в 1894 г. насчитывала 944 наименования.

Если сравнивать все 25 «образцовых» училищ Чувашского края, то самое благополучное было у Пихтулинского училища (Козмодемьянский уезд), благодаря тому, что в его финансировании всегда принимало участие местное земство. Например, в 1882 г. на развитие данного учеб-

ного заведения МНП выделило 1100 руб., сельские общества – 300 руб., земство – 832 руб. [3. Оп. 1. Д. 8. Л. 29–31].

Обучение в двухклассных училищах продолжалось пять-шесть лет, в одноклассных – не менее трех лет. Руководство учебным процессом и подбор учителей находилось в компетенции инспекторов и дирекции народных училищ. Окончившие двухклассные училища могли поступать в низшие технические учебные заведения.

В одноклассных училищах изучали закон божий, чтение, письмо, давались элементарные знания из области арифметики. Первый класс двухклассных училищ (т. е. первые три–четыре года учебы) повторял курс одноклассных. Во втором классе преподавались русский язык, арифметика, начальные сведения по естествознанию, геометрии, истории, географии, черчению. В учебный план таких училищ по усмотрению училищных советов могли дополнительно вводиться гимнастика, рукоделие, садоводство, огородничество, пчеловодство, ремесла. Училища имели библиотеки для учителей и учащихся, бедным ученикам учебные пособия и классные принадлежности выдавались бесплатно [2, с. 84].

Срок обучения в двухклассных училищах, расположенных на территории современной Чувашии, составлял шесть лет. В первый год обучение велось на чувашском языке, далее необходимо было постепенно переводить процесс обучения на русский язык, чтобы к третьему-четвертому классам все предметы можно было преподавать на русском языке.

В 1902 г. во втором классе Бичуринского училища в неделю по 4 часа отводилось на закон божий, 9 – на русский язык, 3 – на русскую историю, 2 – на географию, 4 – на арифметику, 2 – на геометрию, 2 – славянское чтение, 1 – на чистописание, 1 – на перевод, 2 – на черчение, 2 – на естествознание [3. Оп. 1. Д. 478. Л. 32]. В школах данного типа дополнительно преподавали садоводство и огородничество, ремесло (столярное, токарное, сапожное дело и др.).

Педагогический состав училищ был непостоянным, это было обусловлено не очень высоким уровнем заработной платы учителей.

Таким образом, можно утверждать, что рассматриваемые учебные заведения отличались более благоприятным материальным положением по сравнению с другими сельскими начальными училищами. Основное внимание уделялось преподаванию закона божьего, русской и чувашской грамматике. Также в качестве дополнительных занятий при них были организованы ремесленные классы.

Список литературы

1. Арсентьева А.В. История создания и основные этапы развития городских училищ Чувашского края / А.В. Арсентьева, А.П. Петрянкина // Вестник Чувашского университета. – 2006. – №6. – С. 11–17.

2. Арсентьева А.В. Учебные заведения в образовательном пространстве Чувашии конца XVIII – начала XX века / А.В. Арсентьева, А.П. Петрянкина. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – 504 с.

3. ГИА ЧР. Ф. 501.

Иванова Татьяна Николаевна

д-р ист. наук, профессор

Пушина Анастасия Павловна

магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ОБ ОРГАНИЗАТОРСКО- ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА ЯКОВЛЕВА В СИМБИРСКЕ (К ПУБЛИКАЦИИ ПИСЬМА И.С. СТЕПАНОВА)

Аннотация: в статье анализируются источники о жизни и деятельности Алексея Ивановича Яковлева в архиве РАН, Государственном историческом архиве ЧР, Документальном фонде Чувашского национального музея. Характеризуются обстоятельства, побудившие А.И. Яковлева переехать в 1920–1922 гг. в Симбирск, где он занимался организацией Чувашского института образования (ЧУВИНО). В немалой степени, по нашему мнению, это объяснялось стремлением сына защитить своего отца чувашского просветителя И.Я. Яковлева от нападок и несправедливых обвинений. Впервые публикуется письмо выпускника Симбирской чувашской учительской школы И.С. Степанова от 1923 г. с просьбой к Ивану Яковлевичу Яковлеву вернуться в Симбирск.

Ключевые слова: Иван Яковлевич Яковлев, Алексей Иванович Яковлев, Симбирская чувашская учительская школа, Чувашский институт образования.

140-летний юбилей выдающегося ученого-историка, архивиста и организатора образования Алексея Ивановича Яковлева (1878–1951), сына великого чувашского просветителя И.Я. Яковлева, побуждает к поиску новых источников о нем. Его деятельность проходила в Московском университете, Румянцевском музее (ныне Российская государственная библиотека), Институте истории РАНИОН, Московском государственном библиотечном институте и др. [5, с. 313–314].

Самое большое количество источников о научной деятельности А.И. Яковлева, его учителей и коллег, находится в Архиве РАН [1]. В Государственном историческом архиве ЧР хорошо известен фонд №515, где содержатся, в том числе, и документы о детских годах жизни ученого. Не введены в научный оборот документы, переданные из Научно-исследовательской лаборатории имени И.Н. Ульянова – И.Я. Яковлева Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова в ГИА ЧР [6, с. 93–94]. Этот фонд до сих пор не прошел научную обработку, но, судя по сдаточной описи, здесь имеются такие ценные источники как отзыв о магистерской диссертации А.И. Яковлева, написанный профессором В.О. Ключевским; выписки из записных книжек за 1897, 1900–1901 гг.

и др. [3]. После передачи этих материалов в ГИА ЧР, в НИЛ имени И.Н. Ульянова – И.Я. Яковлева остались лишь копии некоторых документов и рукописей работ Алексея Ивановича. Более ценные материалы хранятся в Документальном фонде Чувашского национального музея [8; 10]. Это различные мандаты, разрешения, удостоверения на имя А.И. Яковлева, отзывы на его работы, наброски докладов и научных работ ученого. Проведенный нами анализ этих неизученных источников позволяет по – новому взглянуть на организаторско-преподавательскую деятельность А.И. Яковлева в Симбирске 1920–1922 гг.

На наш взгляд, побудительными причинами переезда А.И. Яковлева из Москвы в Симбирск стали не только стремление ученого к организации нового вуза, но и непростые взаимоотношения его отца, основателя Симбирской чувашской учительской школы Ивана Яковлевича Яковлева, с некоторыми представителями чувашской национальной организации [10, с. 114]. Они считали, что постаревший патриарх не может больше возглавлять основанную им школу. В сентябре 1917 г. ими были предприняты попытки сместить И.Я. Яковлева с поста руководителя [8, с. 171]. Однако его сторонники добились того, что он остался исполняющим обязанности директора школы. В связи с преобразованием школы в учительскую семинарию нападки на директора вновь усилились. Тогда Иван Яковлевич обратился за помощью к сыну, Алексею, преподававшему тогда в Московском университете. Алексей Иванович добился встречи с В.И. Лениным, который был знаком с Иваном Яковлевым еще по Симбирску (сам Алексей учился в гимназии с Дмитрием Ульяновым и тоже был лично знаком с Лениным). В.И. Ленин послал телеграмму в Симбирск со словами: «...Думаю, что Яковлева надо не отрывать от дела его жизни». Иван Яковлевич остался председателем женских педагогических курсов. Однако в октябре 1918 г. на квартире Яковлевых был проведен обыск, а 14 ноября Чувашский подотдел культуры и просвещения при Наркомнаце отстранил его от управления, предложив ему остаться просто преподавателем [8, с. 179].

А.И. Яковлев продолжил защищать своего отца в Москве. За него вступился заместитель наркома просвещения М.Н. Покровский, после чего Иван Яковлевич стал председателем попечительского совета семинарии. Но преследования продолжались: в начале 1919 г. И.Я. Яковлева несколько раз допрашивают по обвинению в контрреволюционной деятельности. Во время обысков изымаются документы, письма и фотографии. Предпринимаются попытки выселить семью Яковлевых из квартиры. В Москве А.И. Яковлев идет на прием к В.Д. Бонч-Бруевичу. 28 августа 1919 г. В.И. Ленин посылает в Симбирск новую телеграмму: «Не выселяйте старика Ивана Яковлевича Яковлева и его жену из квартиры». Не выдержав травли, Яковлев 15 октября 1919 г. официально выходит на пенсию.

В здании Симбирской школы было решено открыть русский университет. Тогда Алексей Иванович вновь добивается приема у В.Д. Бонч-Бруевича. В Москве принимается решение о создании Чувашского института образования (ЧУВИНО). А.И. Яковлеву был выдан мандат на

«организационную работу по институту чуваш» и его отправляют в командировку в Симбирск [6, с. 93]. Таким образом, создание первого чувашского высшего учебного заведения неразрывно связано не только с именем И.Я. Яковлева, мечтой которого было открытие чувашского университета, но и с именем его сына Алексея.

В августе 1920 г. Алексей Иванович становится заведующим учебной частью в Чувашском институте народного образования. На этой должности он проявил талант не только организатора образовательного процесса, но и умелого администратора. В здании института было проведено электричество, на ферму при бывшей школе – водопровод. А.И. Яковлев лично занимается формированием научной библиотеки. При институте открывается историко-этнографический музей, для которого привозят из Румянцевского музея картины и бланки каталогов. Алексей, понимая как тяжело его отцу без привычной деятельности, просит его разработать проект учебного плана. По решению совета ЧУВИНО И.Я. Яковлеву поручают написать историю Симбирской чувашской школы.

Одновременно с работой в ЧУВИНО А.И. Яковлев был назначен ректором Симбирского губернского института народного образования и заведующим губернского архива [6, с. 93]. Популярность эрудированного, энциклопедически образованного доктора истории в Симбирске растет. Его приглашают в различные организации для чтения лекций. Он выступает переводчиком при приеме иностранных делегаций. Однако такая активная деятельность А.И. Яковлева оказалось не по нраву некоторым представителям чувашской интеллигенции, которые стали писать на него доносы, обвиняя в диссидентстве и связях с иностранцами.

В декабре 1921 г. Алексей Иванович был отстранен от руководства институтом. В феврале 1922 г. его ректором стал И.Н. Яштайкин, который 22 апреля того же года уволил А.И. Яковлева. Позже Алексей Иванович вспоминал об «узком чувашском национализме», не давшим ему воплотить в жизнь мечту отца о чувашском университете [1. Оп. 1. Д. 182. Л. 13]. Можно предположить, что деятельный, хорошо образованный ученый мог бы сделать еще многое для повышения качества образования чувашского народа. Но в июне 1922 г. А.И. Яковлев вместе с родителями и всей своей семьей возвращается в Москву, где вскоре стал директором библиотеки ВСНХ СССР, а в 1929 г. был избран членом – корреспондентом АН СССР.

В Документальном фонде Чувашского национального музея сохранилось письмо, которое позволяет прояснить некоторые моменты об отношении чувашской интеллигенции к личности Ивана Яковлевича Яковлева и к событиям 1917–1922 гг. вокруг него. Письмо написано Иваном Степановичем Степановым (1876-?), выпускником Симбирской чувашской учительской школы, с 1897 г. работавшим сельским учителем, а с 1907 по 1919 – в Симбирской чувашской учительской школе [11, с. 686].

Ниже мы публикуем текст письма целиком:

Письмо преподавателя Симбирской чувашской учительской школы И.С. Степанова из г. Симбирска профессору А.И. Яковлеву от 27 ок-

тября 1923 г. // Документальный фонд Чувашского национального музея Ф. №700. П. №2 ЧКМ 10131/6 Л. 1–2.

«Симбирск, Московская ул[ица]дом №28. 27 сентября 1923 года
Глубокоуважаемый Алексей Иванович!

Давно я собирался написать Вам это письмо, но все откладывал, собирал сведения, о чем вкратце изложу дальше. После отъезда Ивана Яковлевича из Симбирска прошло уже довольно много времени, за этот период переживали в Симбирске многие из бывших учеников Ив[ана] Як[овлевича]. Всем теперь пусто кажется в Чушкиле и все спрашивают – какая была причина, что Ив[ан] Як[овлевич] совсем оставил школу? Уж не Яшитайкин ли является виновником? Мне приводилось говорить по этому делу то, что мне известно, а именно: со стороны Я[шитайкина] особого стеснения не было, но Ив[ана] Як[овлевича] взяли дети, т.к. оставить стариков одних не разрешили, ввиду его преклонных лет.

В нынешнее лето в Чушкиле были курсы, где много было бывших воспитанников, и все они указывают, что Ив[ан] Як[овлевич] оставил школу. Я предложил им такую мысль – просить Ивана Яковлевича вернуться в Симбирск, причем взять на себя обязательство содержать стариков так, чтобы они ни в чем не нуждались. С лесных сторон доставлять дрова, для коровы сено, для самих всякие продукты и т. д.

Согласны, рады[?]

В августе у меня были Михаил Петрович и Наталия Яковлевна, и вот мы решили развить эту мысль среди чувашской массы. Петров взялся вести агитацию по Казанской губернии, Н. Яковлевна по своему уезду, я лично по Сибирской губернии, по Самарской, Саратовской, Уфимской, (разумеется через учителей и священников). Я должен заметить Вам, что это мы хотим не потому что Вы, дети Ив[ана] Як[овлевича], не сумеете их содержать и успокоить, а потому что это наша нравственная обязанность.

Скажу и то, что русские, хорошо знавшие Ив[ана] Як[овлевича], говорят: чувашки не смогли устроить на старости лет своего учителя, наставника и просветителя. Они говорят правду. Этот укор чувашки должны принять. Если мы, чувашки ничего не сделаем для Ив[ана] Як[овлевича] хотя бы даже он оставался у сыновей, на чувашки ляжет позорное пятно.

Я уже успел кой с кем из крестьян переговорить на эту тему, от всех слышал удовлетворительный ответ, сочувствует как бы все. Нельзя, конечно, отрицать и то, что найдутся несколько человек и не сочувствующих, но могу сказать уверенно, что их мало.

Как бы я глупо не рассуждал, но я верен себе, мне близок Ив[ан] Яковлевич, я его забыть не могу и не должен забыть. Постараюсь сделать все, что я в сила сделать. Теперь я осмеливаюсь, Алексей Иванович, просить Вас сказать Ваше мнение, Ваш взгляд на это дело. Надеюсь, что тот или иной ответ Вы мне дадите. Если Вы согласны на переезд Ив[ана] Як[овлевича] с Ек[атериной] Ал[ексеевной], обратно в Симбирск, мы должны просить Вас похлопотать, перед кем следует, о том

что бы к приезду Ив[ан] Яковлевича в Симбирск, ворота и двери в Чувишколе были открыты. Как Вы на это смотрите, что скажите нам?

Будьте здоровы! Кланяюсь Ольге Петровне, детям Вашим: Наташе, Оле и Ивочке.

Искренне уважающий вас Ив[ан] Степанов»

Анализируя текст письма, можно отметить, что отъезд из Симбирска И.Я. Яковлева с семьей был воспринят как драматическое событие. Преследования семьи Яковлевых исходили от небольшой группы недоброжелателей. Выпускники чувашской школы испытывали чувство благодарности и, одновременно, вины перед своим «учителем, наставником и просветителем». Чувство уважения и признательности сквозит в письме и по отношению к Алексею Ивановичу, который так много сделал для сохранения доброго имени своего отца и для просвещения чувашского народа.

Список литературы

1. Архив Российской Академии наук. – Ф. 665.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. – Ф. 515.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Сдаточная опись. Материал о семье Яковлевых.
4. Документальный фонд Чувашского национального музея (ДФ ЧКМ). – Ф. 700.
5. Иванова Т.Н. А.И. Яковлев в коммуникативном пространстве российской науки первой половины XX века // Народы Волго-Уралья в истории и культуре России. Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2018. – С. 312–318.
6. Иванова Т.Н. А.И. Яковлев: научно-педагогическая и общественная деятельность по данным неопубликованных источников, хранящихся в г. Чебоксары / Т.Н. Иванова, И.С. Васильева // Проблемы просвещения истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (К 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева). – Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2017. – С. 92–95.
7. Иванова Т.Н. В тени великих: жизнь и деятельность О.А. Яковлевой по данным архивных источников // Вестник Чувашского университета. – 2018. – №4. – С. 70–75.
8. Краснов Н.Г. Иван Яковлев и его потомки. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. – 480 с.
9. Пушина А.П. Общая характеристика документального фонда Чувашского национального музея / А.П. Пушина, Т.Н. Иванова // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения: материалы Всерос. науч. конф. – Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2019.
10. Пушина А.П. Формирование просветительских идей сквозь призму распространения христианской культуры среди чувашей / А.П. Пушина, Т.Н. Иванова // Проблемы просвещения истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева). – Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2017. – С. 113–116.
11. Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминания. – М.: Республика, 1997. – 656 с.

Колесник Наталья Тарасовна

канд. психол. наук, доцент

ГОУ ВО Московской области

«Московский государственный

областной университет»

г. Мытищи, Московская область

ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В ИСТОРИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: К.Д. УШИНСКИЙ

Аннотация: в статье дается анализ трудов К.Д. Ушинского о трудовом воспитании детей; о роли труда в жизни человека; о врожденных склонностях ребенка к труду; значимости роли учителя в выборе средств, способных развить у ребенка привычку к труду. Выделяются основные положения, разработанные К.Д. Ушинским по проблеме трудового воспитания.

Ключевые слова: деятельностьная сущность человека; динамика чувствований человека; трудовое воспитание; умственный труд; физический труд; труд; психический закон.

Проблема трудового воспитания подрастающего поколения всегда была и остаётся важнейшей во всей системе образования. Каждый педагог осознает, что труд был и остаётся необходимым и важным средством развития психики и нравственных представлений личности обучающихся, а трудовая деятельность, которая станет основой жизнедеятельности подрастающего поколения, должна стать для них естественной физической и интеллектуальной потребностью.

В истории педагогической мысли трудовое воспитание рассматривалось как главное условие, компонент и средство всестороннего развития личности ребёнка. Несомненным наследием в данном вопросе являются труды выдающегося ученого, практика К.Д. Ушинского, которые не утратили своей значимости и в настоящее время.

Признанный выдающийся деятель русской педагогической науки К.Д. Ушинский высказал свои мысли о роли труда в жизни человека в статье «Труд в его психическом и воспитательном значении» (1860 г.), где определил основные задачи трудового воспитания [7]. Он считал, что трудовое воспитание позволит подготовить человека к жизни, для создания им необходимых материальных благ; развить физические, умственные и нравственные черты личности; будет способствовать поддержанию человеческого достоинства; позволит ощутить свободу развития и счастье. В статье К.Д. Ушинский утверждает, что труд необходим человеку для достижения любой цели в его жизни. Признавая первичную роль динамики чувствований человека, педагог считал, что наслаждения, получаемые от чувственной сферы, должны уравновешиваться трудом, поскольку только в труде человек способен достичь счастья. Однако именно воспитание должно воспитывать человека для труда, приготовить его к труду жизни, должно развивать в человеке любовь

и привычку к труду, должно дать ему возможность отыскать для себя дело жизни.

В этой же статье К.Д. Ушинский дал определение труда, содержащее признаки, которые отличают разумный труд человека от активности животных, от работы рабов, а также от забав малых и взрослых детей.

Идея труда, раскрытая Е.Д. Ушинским, как ведущий социальный и этический принцип была продолжена в «Педагогической антропологии» (1868, 1869) в целостную концепцию деятельности как основы педагогического процесса [5; 6]. Понятие «труд» здесь перерастает в категорию «деятельность», которая становилась стержневой в данной работе Ушинского, глубоко и всесторонне раскрывавшей «деятельностную сущность» человека. Стремление к деятельности К.Д. Ушинский считал «основным», «существеннейшим», «коренным», «верховным» стремлением человека.

В этом же труде К.Д. Ушинский говорит о том, что стремление человека к деятельности является врожденным и доминирующим, поскольку именно труд «удовлетворяет только» эту «потребность души человеческой». Однако, подчеркивал Константин Дмитриевич, труд должен оставаться свободным, только тогда он принесет человеку счастье.

Подчеркивая врожденную потребность человека в труде, К.Д. Ушинский в своих трудах постоянно обращается к вопросу о значении образовательных (учебных) систем, включая систему семейного воспитания, на «готовность дитя к труду». Данное противоречие находит свое отражение в труде «Человек как предмет воспитания» («Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» (1868–1869) [8]. Именно в этом труде К.Д. Ушинский, делая акцент на динамике чувствований человека, разрабатывает психический закон, согласно которому «наслаждения должны уравниваться трудом». При этом значение имеют не сами продукты труда, а внутренняя, «животворная сила труда». В этом К.Д. Ушинский видел двойственный характер влияния труда на человека: с одной стороны – внешний, удовлетворяющий его потребности, т.е. «достижение человеческого достоинства», с другой – внутренний, удовлетворение духовной, нравственной потребности, «источник человеческого достоинства». Таким образом, труд позволит человеку стать полноценным и полноправным гражданином своей страны.

К.Д. Ушинский выделял отдельно умственный и физический труд. Поскольку выдающийся ученый занимался проблемой учебной деятельности, то и учебу он считал трудом (умственным), но трудом, полным мысли.

Главными задачами трудового (умственного и физического труда) воспитания К.Д. Ушинский считал формирование у ребёнка правильных представлений о трудовой деятельности, «внушение серьёзного взгляда на жизнь»; привитие уважения и любви к труду; формирование привычки к труду, т.к. «серьёзный труд всегда тяжёл».

В своих работах К.Д. Ушинский показал, какой должна быть трудовая деятельность человека по содержанию, формам ее организации и способам исполнения, чтобы современный человек мог найти в ней цели, задачи своей жизни, полюбить ее, быть удовлетворенным ею.

Отмечая роль учителя в выборе средств, способных развить у ребенка привычку к труду, прежде всего умственному, он говорит о том, что

главная особенность воспитательно-образовательного воздействия состоит не в том, чтобы учить ученика, а в том, чтобы помогать ему учиться и дать ему возможность «испытать наслаждение от своего труда»; приучать ребенка к посильной для него трудовой деятельности; «не надирать сил ребенка в умственной работе», чтобы он научился легко думать; мыслить; приучать к труду постепенно, увеличивая нагрузку умственных усилий; менять виды трудовой деятельности: умственной и физической.

Особое значение К.Д. Ушинский придавал вопросу о необходимости подбора учебного материала, соответствующего психологическим особенностям ребенка, пробуждающего у него интерес к учению, прививающего вкус к приобретению знаний. Однако он указывал, что предлагаемый учащемуся материал должен развивать интерес, а не делать из учения игру или забаву. Любая форма преподнесения материала в соответствии с возрастными возможностями ребенка и его уровнем развития должна восприниматься ребенком как серьезный труд.

Невозможно переоценить наследие Константина Дмитриевича Ушинского, оставленное потомкам, педагогам современности. Его труды изучаются и широко используются современниками [1–4; 9]. Однако прогрессивные для своего времени идеи, высказанные им, безусловно, небесспорны, являются глубоко разумными, последовательными, систематизированными, требуют тщательного осмысления современными педагогами не только школьной, но и вузовской систем образования. Выдвинутые постулаты нуждаются в корректировке и конкретизации, научной и методологической обоснованности через призму изменений, произошедших в нашей стране и системе образования.

Список литературы

1. Гвоздецкий М.Ю. Развитие идеи К.Д. Ушинского о народности воспитания в теории и практике отечественного образования: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Ярославль, 2010. – 224 с.
2. Лимонцева Г.В. История и современность психолого-педагогических взглядов К.Д. Ушинского / Г. В. Лимонцева // Молодой ученый. – 2010. – №12, т. 2. – С. 60–63.
3. Салтанов Е.Н. Трудовое и нравственное воспитание в педагогике К.Д. Ушинского / Е.Н. Салтанов // Педагогика. – 2004. – №4. – С. 12–22.
4. Сурьянинова Т.М. Педагогическая антропология К.Д. Ушинского в контексте православной психологии личности / Т.М. Сурьянинова // Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология. – 2008. – №3 (10). – С. 71–77.
5. Ушинский К.Д. Педагогическая антропология / К.Д. Ушинский: в 2 т. – Т. 1. – М.: Юрайт, 2019. – 449 с.
6. Ушинский К.Д. Педагогическая антропология/ К.Д. Ушинский: в 2 т. Т. 2. – М.: Юрайт, 2018. – 502 с.
7. Ушинский К.Д. Труд в его психическом и воспитательном значении: избранные сочинения / К.Д. Ушинский. – М.: Юрайт, 2018. – 359 с. – С. 4–22.
8. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания / К.Д. Ушинский // Избранные педагогические сочинения. – Т. 1. – М.: Учпедгиз, 1953. – 638 с.
9. Алиева Л.В. К.Д. Ушинский о педагогических правилах воспитания человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-d-ushinskiy-o-pedagogicheskikh-pravilah-vospitaniya-cheloveka>

Кочемасова Татьяна Владимировна

канд. мед. наук, ассистент
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
г. Москва

Библиотека №6 имени В.В. Вересаева –
ГБУК г. Москвы «ЦБС ЦАО»

Жуликова Светлана Николаевна

директор
Библиотека №6 имени В.В. Вересаева –
ГБУК г. Москвы «ЦБС ЦАО»

Курникова Ирина Алексеевна

профессор
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
г. Москва

Павличенко Любовь Александровна

руководитель, педагог дополнительного образования
Киноклуб ГБОУ Школа №1231
Библиотека №6 г. Москвы

Виверос Милена

ординатор
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
г. Москва

Хукери Ришикеш

студент
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
г. Москва

Веланги Прадик

студент
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
г. Москва

ПОДДЕРЖАНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ТРАДИЦИЙ ПРОШЛОГО – ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В БУДУЩЕМ

***Аннотация:** в статье суммированы, проанализированы и представлены сведения о новых подходах к совместной деятельности по сохранению, популяризации и актуализации исторического наследия, целесообразности выработки совместных подходов и объединения усилий специалистов разных областей для формирования здоровых тенденций развития общества. Отражены новаторские подходы, используемые для привлечения внимания и сохранения интереса к историческому наследию у людей разных поколений, поддержания просветительских традиций прошлого и меры по их актуализации, т. е. поиску места шедеврам прошлого в культурном процессе настоящего времени. Представлены результаты новаторских подходов, которые могут быть применены в области высшего и среднего образования (в том числе и различных областях медицины на основе принципов медицинской этики) с целью сохранения интереса подрастающего поколения и молодых специалистов к историческому наследию, созданию и развитию здорового общества.*

Ключевые слова: сохранение; популяризация исторического наследия; актуализация исторического наследия; интерпретация архивных источников.

Современный мир предлагает свои условия, которые требуют скорейшего осмысления и адаптации к постоянно меняющейся ситуации во многих сферах жизни. От того, насколько мы способны предложить ответы на сложные вопросы, которые часто представляются неразрешимыми, зависит сохранение здоровья общества. Данная тема становится предметом постоянного обсуждения в ходе встреч специалистов, работающих в разных областях, но объединённых целью позитивного развития современного социума [3; 4; 8].

Еще в начале XX века известный русский врач и писатель В.В. Вересаев отмечал, что интересы медицины «постоянно сталкиваются с интересами живого человека. Из этого истекает целый ряд чрезвычайно сложных, запутанных противоречий». Выход он видел в новой этике. «Необходима этика в широком, философском смысле, и эта этика прежде всего должна охватить вопрос о взаимном отношении между врачебной наукой и живой личностью», – писал он в своей знаменитой повести «Записки врача». Изменение приоритетов в обществе, социальные и экономические, философские и религиозные подходы, так или иначе, влияют на медицину, подспудно меняя отношение врачей к пациентам, пациентов к врачам и самих врачей друг к другу (8). С целью поиска новых подходов к построению взаимоотношений между специалистами из разных областей здравоохранения и людьми, заинтересованными в получении актуальной информации на медицинские и социально значимые темы, в 2012 г. на базе Библиотеки центра Москвы, носящей имя русского интеллигента XX века, писателя, публициста, пушкиниста, переводчика, врача, просветителя и общественного деятеля Викентия Викентьевича Вересаева, был создан информационно-образовательный проект «Медицинская этика», название которого отражает одну из самых значимых тем творчества замечательного представителя отечественной и мировой культуры. В настоящее время участники проекта регулярно проводят семинары, дискуссии, выступают с лекциями, которые привлекают внимание людей разных профессий, объединённых поиском конструктивных подходов к построению здорового образа жизни. На базе Библиотеки №6 им. В.В. Вересаева ЦБС ЦАО ГБУК г. Москвы мы имеем возможность продолжать разработку эффективных подходов к сохранению, популяризации и актуализации культурного и исторического наследия, делая его физически доступным. Посетители библиотеки не только читают и обсуждают книги, но творчески организуют и проводят свой досуг, принимая участие в музыкальных, поэтических, литературных мероприятиях, посещают выставки, привлекают к своей деятельности новых участников, способствуя выработке эмпатии (сотворчества).

В январе 2017 года исполнилось 150 лет со дня рождения Викентия Викентьевича Вересаева. 24–25 января в Библиотеке №6 имени В.В. Вересаева прошли юбилейные мероприятия в честь этого знаме-

нательного события. Центральным событием торжеств – стала научно-практическая конференция «Общественная и литературная деятельность В.В. Вересаева в контексте традиций русской литературы и переходных эпох». В работе конференции приняли участие общественные деятели, писатели, журналисты, филологи, краеведы, сотрудники музеев, библиотек, аспиранты, а также все, кто интересуется жизнью и творчеством В.В. Вересаева (4).

Заинтересованные участники проекта «Медицинская этика» (молодые врачи, российские и иностранные студенты медицинских вузов столицы, специалисты из разных сфер медицины) выступили с докладами, представив данные проведенных медицинских и медико-литературных исследований. Важным дополнением к большому массиву архивных документов, которые были представлены на конференции специалистами-библиографами и литературоведами, явилось обсуждение ранней научной работы молодого суб-ассистента Смидовича, практиковавшего в юрьевской клинике профессора С.М. Васильева. Статья «К упрощению способа количественного определения мочевой кислоты по Гайкрафту» была напечатана в 1893 г в газете «Медицина» и уже в те годы вызвала интерес медицинской общественности. Нам, медикам, представлялось важным найти, прочитать, проанализировать мемориальную публикацию конца XIX века, в которой приводятся результаты научной работы молодого врача. Примечательно, что и в наше время это небольшое исследование не потеряло своей актуальности. Выступая на юбилейной конференции в январе 2017 г., молодой ординатор подтвердила значимость ранней работы коллеги-предшественника и даже включила исторические медицинские сведения в обсуждение собственной передовой научной работы, выполненной на современном уровне. Полагаем, что подобный творческий подход может быть предложен учащимся средних и высших учебных заведений, что будет способствовать не только научному поиску, но сохранению, популяризации и актуализации наследия наших предшественников (4).

В ходе юбилейных торжеств участники проекта «Медицинская этика» представили программу, посвящённую возможностям применения метода написания терапевтических писем для оказания психологической поддержки как пациентам с различными заболеваниями, так и здоровым людям.

Пациенты с давних пор своими письмами подсказывали врачам этот психотерапевтический способ. После выхода в свет знаменитых психотерапевтических писем Гуго Оппенгейма (Oppenheim H., 1908) появилось немало изданий в таком духе и научных работ о терапии письмами, особенно в последние годы [1; 2; 5; 9].

Письменные практики относятся к так называемым психотерапевтическим инструментам. «Терапевтическое письмо» уже признано испытанным методом для преодоления и проработки психологических травм и конфликтов. Еще 30 лет назад психолог, профессор техасского университета Джеймс Пеннебейкер обнаружил, что если определенным образом писать о своих переживаниях, то улучшается здоровье (10). Причем не только душевное, психологическое, но и телесное. Весьма убедителен

его собственный опыт, который он приобрёл во время написания терапевтических писем, попав в критическую жизненную ситуацию (6). Впоследствии в ходе одного из научных исследований профессор Джеймс В. Пеннебейкер смог доказать, что студенты, делающие 4 дня подряд только 15 минут записи об очень неприятном событии, болели в последующие месяцы намного меньше, реже ходили к врачу и чувствовали себя эмоционально стабильнее, чем контрольная группа (10). Методика заключается в том, чтобы пациенты могут писать о своей жизни с целью получения психологической помощи («разгрузки»). Специалисты полагают, что в моменты написания происходит не только изложение негативных эмоций на бумаге/экране, но также выражается отношение к тому, о чем он (или она) пишет. Письменные практики – это то, что может помочь справиться со своими проблемами самостоятельно, без помощи сторонних лиц. При этом многие практикующие врачи предлагают использовать данный метод в качестве группового не только у больных с заболеваниями психоэмоциональной сферы, но и различными эндокринными нарушениями – при *булимии, анорексии, ожирении* и т. д. [8].

В настоящее время проведено и опубликовано уже более 300 работ на эту тему, что более чем достаточно для проверки эффективности какой-либо психологической практики [6]. Результаты исследований Пеннебейкера подробно представлены в соответствующих руководствах по медицинской психологии и могут быть рекомендованы для использования как в центрах по оказанию психологической помощи населению, так и в специализированных клиниках и стационарах. В США методика написания терапевтических писем по Пеннебейкеру включена в государственные программы реабилитации пострадавших от стихийных бедствий, участников военных действий и т. п. Терапевтические письма – это методика, которая поможет вам обрести навык психологической помощи (в том числе и первой) себе и своим близким. *Это набор простых письменных упражнений, которые вы сможете делать самостоятельно* в разных жизненных обстоятельствах, обретая внутреннюю гармонию и умиротворение [6; 7].

Еще один важный фактор, соблюдая который письменная практика приносит пользу – это структурирование. Многие знакомы с «фрирайтингом» и утренними страницами из книги Джулии Кэмерон «Путь художника» [7]. Речь идёт о так называемом «свободном письме», то есть пациенты не только углубляются в размышления, а за полчаса передают в письменной форме всё то, что их мучает в настоящий момент. Таким образом, создаётся ощущение того, что весь поток нестройных хаотичных мыслей покидает сознание. Следует обратить внимание, что этот механизм как раз и *не является* структурированным письмом. Директор института письменной терапии Кэтлин Адамс в свое время проводила исследование важности структурирования письма в противовес отпусканью собственного сознания на самотек, свободному письму. Учёная обнаружила, что чем больше у человека в данный момент в жизни напряжения, стресса, горя, страха и так далее, тем более структурированным должно быть письмо. Кэтлин Адамс разработала некую шкалу, которую

назвала лестницей структурированности. На ней в определенном порядке размещены основные типы письменных практик или, как их еще называют, дневниковых упражнений, в зависимости от конструкций и степени влияния. Свободное письмо там тоже присутствует. Но использовать его настоятельно рекомендуется только если у вас все в жизни благополучно. При наличии проблем и ощущении явного психологического дискомфорта, лучше ставить таймер на 5–6 минут, а не писать три страницы или сколько из вас «выплёскивается». За это время очень трудно навредить себе действительно серьезно, но его достаточно, чтобы вынести из границ своего сознания и подсознания какой-то материал, с которым можно работать в дальнейшем, но всё ещё не обращаясь к профессиональным специалистам из сферы психического здоровья (психиатрам) [1; 2; 6].

В рамках совместной работы, проводимой специалистами-участниками проекта «Медицинская этика», на Юбилейной конференции в январе 2017 г в Библиотеке им. В.В. Вересаева ЦБС ЦАО ГБУК г. Москвы были представлены основные результаты, полученные в процессе совместной деятельности в области междисциплинарных проектов, включавших ранее рассмотренные вопросы сохранения психологического здоровья пациентов с нарушениями питания, целесообразности назначения библиотерапии, эффективности психотерапии. На конкретных примерах, включавших как литературные обобщения, сделанные сотрудниками библиотеки им. В.В. Вересаева [4], так клинические данные, представленные практикующими специалистами-медиками [8], был показан положительный эффект использования перечисленных методов у пациентов, нуждающихся в дополнительных психологических подходах при осуществлении лечебного процесса при различных заболеваниях (например, булимии и/или анорексии, ожирении, выраженном болевом синдроме и т. д.) Важно отметить, что работая по данной теме вместе с коллегами – искусствоведами, литераторами, музыкантами, мы не только создали интересную и творческую обстановку на площадке Библиотеки, но и сами ощутили оздоровительный эффект от прочтения литературных произведений (в данном случае мы представляли письма известных отечественных и зарубежных писателей, актёров, режиссёров), подбирали и прослушивали произведения в исполнении начинающих и более опытных музыкантов.

Важным аспектом, который в настоящее время изучается специалистами различного профиля, является возможность применения перечисленных методов не только у взрослых, но и у детей. После внимательного изучения доступных источников, содержащих информацию по данной теме, нам удалось в ходе групповой дискуссии с последующей презентацией при участии профессиональных педагогов и искусствоведов рассказать о поразительных результатах положительного эффекта применения психотерапии у детей с аутизмом. Особое воздействие на слушателей оказывали стихотворения, маленьких детей с аутизмом, прозвучавшие в исполнении профессиональных актёров [4; 11]. Интересно, что особая трактовка эффективности описанных методик привлекала внимание специалистов-медиков, которые достаточно часто используют раз-

нообразные психологические приёмы при работе с пациентами [1; 2; 5]. Полагаем, что и совместная оценка представленных материалов способствовала созданию атмосферы творческого единомыслия, конструктивному обмену мнениями, поиску неформальных подходов к решению вопросов, которые на сегодняшний день считаются вполне ясными и понятными с точки зрения привычных представлений о том или ином патологическом состоянии или заболевании.

Хочется особенно отметить деятельное участие и подготовку студентов медицинских и музыкальных вузов к участию в мероприятиях подобного рода, что способствует удержанию и сохранению интереса молодых людей к науке, литературе и искусству, а специалистам-медикам поможет на практике убедиться в целесообразности использования доступных средств и методов немедикаментозной коррекции [1; 2; 5].

В настоящее время в Библиотеке им. В.В. Вересаева ЦБС ЦАО ГБУК г. Москвы продолжается активная работа по проектам с различной тематической направленностью, созданием условий для творческого досуга, проводится постоянный диалог с населением, читателями и посетителями, членами Вересаевского общества, представителями общественности. Важно отметить, что совместная деятельность сотрудников библиотеки и их единомышленников из других профессий способствует повышению культурного уровня жителей столицы, поддержанию созидательного процесса построения культурного пространства столицы, развитию дружеских связей с другими городами. В процессе подготовки к тематическим мероприятиям, вебинарам, лекциям, презентациям, концертам участники проекта стараются сохранять связь с творчеством и биографией писателя и врача В.В. Вересаева, что в немалой степени способствует как плодотворному накоплению информации, так и продвижению идей замечательного представителя отечественной культуры [4]. Благодаря современным интернет технологиям появляются новые возможности заявить о себе, поделиться накопленным опытом, оказаться услышанными, придать пока ещё не совсем привычную, но особую смысловую окраску совместным и/или собственным научным идеям и проектам, участвовать в дискуссиях по интересующим темам в широкой аудитории [3; 4; 8; 9].

В заключение хочется ещё и ещё раз подчеркнуть, что накопленные знания в области истории медицины, био и медицинской этики не только не теряют своей актуальности, но приобретают всё большую значимость, особенно в контексте современных условий. Специалисты различных областей медицины прямо указывают на необходимость обновления и совершенствования методов передачи медицинской информации от врача к пациенту. Полагаем, что подобный опыт совместной работы участников проекта «Медицинская этика» и библиотеки имени В.В. Вересаева будет способствовать расширению связей в области междисциплинарных взаимодействий, развитию межвузовских контактов, позволит разработать новые, более доступные пути к построению отношений между врачами и пациентами. Безусловно, реализация намеченных планов возможна лишь при соблюдении принципов преемственности научных подходов и соблюдении основополагающих законов био и медицинской этики [4; 8; 9].

Список литературы

1. Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением. Словарь / под ред. Н.Д. Твороговой. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 416 с.
2. Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением. – М.: Медицина, 1989. – 303 с.
3. Гордеев П.А. Современная политика актуализации наследия. Спутник читателя. Информационный дайджест. Новости проектной деятельности библиотеки им. В.В. Вересаева. – 2012
4. Жуликова С.Н. Сборник материалов по итогам научно-практической конференции «Общественная и литературная деятельность В.В. Вересаева в контексте традиций русской литературы и переходных эпох (к 150-летию со дня рождения В.В. Вересаева). По итогам научно-практической конференции 24 января 2017 г. / С.Н. Жуликова, А. Тарасова. – М: Спутник+, 2018. – 95 с.
5. Копытин А.И. Практическая арт-терапия: лечение, реабилитация, тренинг. – М.: Когито-Центр, 2008. – 288 с.
6. Кутузова Д. Материалы по письменным практикам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pismennyepraktiki.ru/>
7. Камерон Д. Путь художника. – М.: Live Book; Гаятри, 2005. – 310 с.
8. Кочемасова Т.В. Сохранение и популяризация наследия писателя и врача В.В. Вересаева. Деятельность объединения «Медицинская этика» / Т.В. Кочемасова, С.Н. Жуликова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2013. – №8 – С. 114.
9. Кочемасова Т.В. Новые подходы к эффективному обмену медицинской информацией. Деятельность проекта «Медицинская этика» библиотеки имени В.В. Вересаева / Т.В. Кочемасова, С.Н. Жуликова // Педагогическое мастерство: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). – М.: Буки-Веди, 2014. – С. 262–264.
10. Oppenheim H. Letters on Psychotherapeutics / translated by Alexander Bruce, M.D. – Edinburgh: Otto Schultze & Co., 1907.
11. Pennebaker J.W. Writing About Emotional Experiences as a Therapeutic Process // Psychological Science. – 8 (3). – P. 162–166.
12. Шаталова С. Афоризмы, стихи, дневники [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Poezia&go=page&pid=72701>

Ласточкин Вячеслав Борисович

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ТРУДОВОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И.Я. ЯКОВЛЕВА

Аннотация: в статье охарактеризован инновационный, прогрессивный характер концепции просвещения, разработанной И.Я. Яковлевым, и реализации этой парадигмы на практике, прежде всего в Симбирской Чувашской учительской школе. Показано важное место трудового обучения и воспитания в педагогической системе И.Я. Яковлева и связь его взглядов и практической деятельности с традиционными ценностями чувашской народной этнопедагогике.

Ключевые слова: И.Я. Яковлев; Симбирская Чувашская учительская школа; инновации в образовании; трудовое обучение; трудовое воспитание; кружок трудовой помощи.

Неустанными трудами Ивана Яковлевича Яковлева, одним из первых исследователей просветительской деятельности которого стал его родной сын Алексей Иванович, просвещение чувашского, а также других нерусских народов Российской империи было поднято на качественно новую высоту. Этот процесс сопровождался и позитивными количественными сдвигами в распространении просвещения среди чувашей, о которых с удовлетворением и гордостью за гражданский подвиг отца сообщал А.И. Яковлев: «В 1913 году в чувашских районах Поволжья насчитывалось 463 школы и 822 педагога-чуваша с 296000 учащимися. В результате грамотность среди чуваш поднялась гораздо выше, чем среди других народностей Поволжья, и была едва ли ниже среди коренного русского сельского населения» [4, с. 54]. К тому времени инновационный характер яковлевской школы не только получил широкое общественное признание, но и нашел многочисленных единомышленников и последователей. Ее инновационная сущность заключалась в максимальном по тому времени сближении обучения с реальными потребностями жизни, а стало быть, интеллигенции, в первую очередь национальной интеллигенции, которую Иван Яковлевич считал самой продвинутой, перспективной и в силу этого выполняющей особую гуманистическую миссию и несущей за нее, соответственно, особую моральную и историческую ответственность частью народа, – с самим народом. Во главу угла этой системы был поставлен именно труд.

А.И. Яковлев подчеркивал: «В системе обучения и воспитания Иван Яковлевич подробно разработал научные методы тесного сочетания физического и умственного труда, что получило свое отражение в программах семинарии и школы» [4, с. 3]. И эти программы, и, что самое важное, их цель сам Иван Яковлевич охарактеризовал в письме В.И. Ле-

нину от 25 ноября 1919 г.: «Вся жизнь в школе воспитанников обоего пола была мною основана на труде и, по возможности, в отношении быта приближена к той чувашско-деревенской, простой, трудовой среде, куда это юношество должно было возвратиться уже на положении воспитателей своих одноплеменников чуваш...» [5, с. 27–28].

Эта новаторская система была основана на традициях чувашской этнопедагогике и диалектически отражала и воплощала их коренную сущность – признание важнейшей не только жизненно-практической, но и экзистенциальной, мировоззренческой ценности труда. Корифеем этнопедагогике Г.Н. Волков, очень высоко оценивший просветительский подвиг И.Я. Яковлева, подчеркивал, что подобное отношение к труду и к трудовому воспитанию – характерная определяющая черта этнопедагогической парадигмы не только чувашского, но и всех других народов, судивших о каждом человеке именно по его отношению к преобразованию окружающей действительности. Он утверждал: «Воспитание в труде – основная проблема педагогики всех народов. Трудолюбие – главная забота воспитания. Трудовое воспитание – венец всей системы народного воспитания. Вне труда нет ни эстетического, ни физического, ни нравственного воспитания, без труда нет и полноценного воспитания. Труд – начало воспитания в подлинном смысле этого слова, трудолюбие – окончательный результат воспитания и итог формирования подрастающего поколения» [1, с. 125].

Поскольку трудовые ценности универсальны для всех этнопедагогик, система трудового воспитания, обоснованная и реализованная И.Я. Яковлевым, выходит далеко за конкретные временные и территориальные рамки и до сих пор вызывает и, думается, еще долго будет вызывать интерес и оставаться востребованной и в России, и за рубежом [2, с. 29–30].

Как же эта система была воплощена в реальной жизни? Вот что писал А.И. Яковлев: «С 1894 года в школе было поставлено обучение сельскому хозяйству в это разных отраслях. В борьбе за это дело Иван Яковлевич провел последние годы, пока ему не удалось в 1913 году пустить в ход большую образцовую сельскохозяйственную ферму в 12 верстах ниже Симбирска по течению Волги. «Сельское хозяйство, – говорил Иван Яковлевич в одной из своих докладных записок относительно организации фермы, – является таким предметом, на которой народный учитель ближе всего может сойтись с крестьянином и своими познаниями, разумными советами, своим примером может принести ему посильную пользу и вызвать доверие к научным знаниям». При школе заведены были мастерские» [4, с. 51–52].

При этом крайне важным элементом концепции И.Я. Яковлева было то, что школа была задумана им только как отчет пропаганды передовой агротехники вместе со связанными воедино с ней естественнонаучными знаниями, но и как средоточие сбережения и передачи следующим поколениям традиционных трудовых и иных ценностей чувашского национального менталитета.

Вместе с повышением культуры труда в село приходила новая культура отношений между людьми. Там, где появлялись выпускники Сим-

бирской школы, налаживалась система трудового обучения и воспитания, разработанная их наставником. Н.Г. Краснов отмечал: «Пример бескорыстного служения Яковлева народу вдохновлял крестьян. Крестьяне принимали активное участие в укреплении материальной базы училищ, в организации при них учебных мастерских, кружков трудовой помощи населению, народных библиотек, в устройстве образцово-показательных пришкольных садов и огородов» [3, с. 259]. Таким образом, на почве совместного труда на общее благо школа усиливала свои функции культурного центра окрестностей.

Первый кружок трудовой помощи населению был создан в родном селе И.Я. Яковлева Кошки-Новотимбаево. В его структуру входили как чисто учебные (мужские и женские училища, учебные и учебно-показательные мастерские), так и производственные (кузница, сад и огород, производственные мастерские), социально-культурные подразделения (библиотека народного чтения, касса трудовой помощи, ветеринарно-фельдшерский пункт, детский сад-ясли, почтовое отделение). Все эти звенья одного комплекса вместе решали единую задачу: распространяли ремесленно-технические, естественнонаучные и сельскохозяйственные знания, учили крестьян вести хозяйство рентабельно, с применением техники и передовых агроприемов. Работники кружка, учащиеся местных школ, жители близлежащих населенных пунктов ежегодно осенью проводили новый народный праздник древонасаждения, противодействуя эрозии земельных угодий. Кружок бесплатно обучал не только молодежь, но и взрослое население ремеслам, производил мебель, упрощенные сельхозмашины, орудия труда, проводил народные чтения [3, с. 444–445, с. 472]. Фактически это невиданное тогда объединение было настоящим небольшим народным предприятием в современном смысле.

Правомерным представляется утверждение Н.Г. Краснова: «Яковлеву удалось создать новый тип учебного заведения по подготовке учителей с дополнительной специальностью – основы сельского хозяйства» [3, с. 445], что по тем временам означало значительный прогресс в педагогической не только мысли, но и практике. Еще большая историческая заслуга Ивана Яковлевича – продвижение новых форм социальных взаимоотношений, основанных на разумно организованном народном труде.

В таком же духе воспитывал он собственных детей, в том числе Алексея, ставшего известным ученым. Сам Алексей Иванович подчеркивал важную роль в собственной жизни и судьбах воспитанников и учеников живого примера Ивана Яковлевича, олицетворяющего лучшие духовно-нравственные качества всего народа. По его утверждению, Яковлев «был даром судьбы чувашскому народу в темное и глухое время. Чувашский народ показал в нем, до какой умственной и нравственной высоты он может подняться, начав восхождение непосредственно от сохи и бороны, минуя всякие промежуточные инстанции... Иван Яковлевич был прямым и наглядным опровержением псевдористократических теорий. Он поднялся прямо от сохи, сам и пахал, и боронил, и сеял, сам гонял лошадей в ночное, сам плел лапти...» [4, с. 116].

Таков портрет, таково великое дело жизни истинного чувашского народного интеллигента, кредо которого «Верьте в силу мирного труда и любите его!» стало девизом народной школы и вдохновляет ее приверженцев сегодня.

Список литературы

1. Волков Г.Н. Этнопедагогика чувашей / Г.Н. Волков. – 2-е изд., доп. – М.: Пресс-сервис, 1997. – 441 с.
2. Иванова Т.Н. Сохранение наследия И.Я. Яковлева и его семьи в ЧГУ имени И.Н. Ульянова / Т.Н. Иванова, О.О. Дмитриева // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): в 2 т. – Т. 2. – Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2017. – С. 29–33.
3. Краснов Н.Г. Иван Яковлев и его потомки / Н.Г. Краснов. – 2-е изд., доп. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. – 478 с.
4. Яковлев А.И. Иван Яковлевич Яковлев. 1848–1930 / А.И. Яковлев. 2-е изд. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. – 120 с.
5. Яковлев И.Я. Письма / И.Я. Яковлев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. – 366 с.
6. Александров А.Ю. Проблема оценки результативности воспитательной работы в высшей школе / А.Ю. Александров, О.Н. Широков // Опыт реализации Федерального государственного образовательного стандарта в образовательных учреждениях: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Башкирский государственный университет) / отв. ред. Г.Р. Туйсина. – 2014. – С. 118–122.

Павлова Алевтина Николаевна

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

И.Я. ЯКОВЛЕВ В ПИСЬМАХ К А.И. ЯКОВЛЕВУ

Аннотация: в статье рассматриваются письма И.Я. Яковлева к сыну А.И. Яковлеву, сквозь призму которых полнее раскрывается личность выдающегося педагога и просветителя.

Ключевые слова: И.Я. Яковлев; А.И. Яковлев; просвещение чувашей; родной язык; народное образование; нерусские школы.

Эпистолярное наследие И.Я. Яковлева обширно. Особое место в нем занимают письма к сыну А.И. Яковлеву. Подлинники писем хранятся в Государственном историческом архиве Чувашской Республики и Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. 86 писем, за период с 1896 по 1923 г., опубликованы в изданиях, подготовленных Н.Г. Красновым [1; 2].

Письма И.Я. Яковлева богаты и разнообразны по своему содержанию. Во многих содержатся сведения о событиях, происходящих в жизни семьи Яковлевых, их друзей и близких. Некоторые из них отражают работу И.Я. Яковлева по просвещению чувашей, освещая вопросы развития Симбирской чувашской школы. В письмах содержатся наставле-

ния, советы А.И. Яковлеву, а также просьбы к нему, связанные с делами И.Я. Яковлева по просвещению.

С 1896 по 1900 г. А.И. Яковлев являлся студентом Московского университета. В письме, датированном концом сентября 1896 г., И.Я. Яковлев писал: «Милый мой Леля! Спасибо тебе, большое спасибо за твои письма, а еще более – за их содержание. К радости душевной и спокойствию моему, я из последнего твоего письма вижу, что ты серьезно приступил к занятиям и усердно работаешь, только свое здоровье побереги» [1, с. 232]. И.Я. Яковлев требовал от сына серьезного отношения к занятиям. В письме от 10 октября 1896 г., одобряя участие Алексея в практических семинарах, Иван Яковлевич советовал ему выбирать не общие темы, чтобы избежать компилятивности, а конкретные темы, связанные с самостоятельным изучением источников. Среди рекомендованных тем, им было обращено внимание на «Роль рабов в хозяйственной жизни древней Греции». Он отмечал: «Ты, хорошо зная греческий язык, отлично мог бы здесь приложить свои знания, а благодаря капитальному изучению тобою логики, легко справился бы с анализом данных источников, исчерпал бы их содержание с разных сторон, а затем бы составил более или менее солидные обобщения» [1, с. 232].

Иван Яковлевич интересовался исследовательской работой сына, ознакомился с его сочинениями в черновых вариантах, обращался к нему с просьбой о подготовке материалов в защиту «инородческого дела». 1 февраля 1900 г. он писал: «Твоей статье жду каждый день с нетерпением. Пожалуйста, присылай ее поскорее, как можно поскорее. Приехал из Петербурга наш владыка Никандр... Он ведь не скрывал, что ездил меня и инородческое дело уничтожать. Над статьей потрудись, сколько можешь и сколько понимаешь дело, – этим ты окажешь большую услугу» [1, с. 236]. Как известно, симбирский архиепископ Никандр выступал против деятельности И.Я. Яковлева, являлся автором анонимных статей о нем. И.Я. Яковлеву приходилось выступать в свою защиту.

В письме от 8 ноября 1899 г. Иван Яковлевич писал сыну: «У меня к тебе, милый друг, одна просьба: занимайся прежде всего своими обязательными делами; думай о том, чтобы хорошо окончить курс весною будущего года» [2, с. 214].

Весной 1900 г. Алексей Иванович окончил курс Московского университета. В письме от 19 сентября 1900 г. Иван Яковлевич советовал Алексею: «Я с своей стороны считаю за лучшее остаться тебе при университете, у Ключевского, и с своей стороны готов высылать тебе ежемесячно до 60–65 руб., только бы занимался и поскорее выдержал магистерский экзамен» [1, с. 237]. Оставшись в Москве, он продолжал во многом помогать отцу. В письме от 2 декабря 1902 г. Иван Яковлевич писал Алексею Ивановичу о необходимости обращения в канцелярию совета Православного миссионерского общества и лично к А.В. Никольскому, как члену совета Православного миссионерского общества, с просьбой о высылке задерживаемого ежегодного пособия на женское училище в размере 2700 руб. [1, с. 238–239].

В 1903 г. усилились нападки на И.Я. Яковлева со стороны руководства Казанского учебного округа, возглавляемого С.Ф. Спешковым – противником системы инородческого просвещения. В письме от 29 ноября 1903 г. Яковлев писал сыну: «Спешков возбудил вопрос: не временно ли отменить высочайше утвержденные правила 1870 г. 26 марта о системе образования инородцев-христиан и инородцев-магометан... Значит, господин Спешков совершенно хочет уничтожить систему образования, выработанную Н.И. Ильминским». В этом же письме Иван Яковлевич просит Алексея Ивановича приобрести для него три номера «Московских ведомостей» от 19, 21 и 22 октября 1903 г. (№286, 288–289), где была опубликована статья С.С. Краснодубровского, бывшего инспектора народных училищ Мамадышского уезда Казанской губернии [1, с. 240]. Автор выступил против первоначального обучения в нерусских школах на родном языке, обвинил Н.И. Ильминского в том, что он «в ущерб государственному русскому языку и церковнославянскому дал слишком широкий простор языкам инородческим». В заключении он призвал правительство принять более жесткие меры к усилению христианизации и русификации нерусских народов Поволжья [1, с. 326].

Иван Яковлевич обратился к сыну с просьбой подготовить ответную статью. В письме от 11 января 1904 г. он писал: «Жду от тебя статью (возражение Краснодубровскому), если можно, пришли ее поскорее... Три номера «Московских ведомостей», в которых напечатана статья Краснодубровского, тоже пришли, пожалуйста, вместе с возражением» [1, с. 240].

В следующем письме от 23 января 1904 г. Иван Яковлевич сообщал: «Посылаю статью, исправленную и отчасти дополненную. Но ты можешь, конечно, в отношении стиля, сделать в ней исправления, какие найдешь нужным. Сокращать нежелательно. Факты верны, сообщаемые в статье... Вместе с статьей посылкой отправляю 1) «Букварь для чуваш»..., 2) брошюрку А.И. Баратынского и 3) отчеты о курсах. Эти три вещи, в случае надобности, можешь передать в редакцию «Московских ведомостей» для знакомства с постановкой учебного дела в инородческих училищах и частью для знакомства с этим делом» [1, с. 241]. К сожалению, написанное И.Я. Яковлевым возражение не было опубликовано.

В письме от 26 апреля 1905 г. он обращался с просьбой к Алексею: «Ты мне страшно будешь нужен для написания одного доклада к заседанию Комиссии инородческой в Петербурге..., поэтому я просил бы тебя, если только тебе будет возможно, приехать в Симбирск после прочтения лекции тобою в Нижнем 2-го мая, как это предполагалось. Можно – телеграфируй, и я буду ждать [1, с. 243]. 7 мая 1905 г. И.Я. Яковлев был вызван Министерством народного просвещения в Петербург для участия в заседании особого совещания по вопросам образования восточных «инородцев», где выступил в защиту родного языка в воспитании и обучении в нерусских школах [1, с. 327].

Иван Яковлевич делился с сыном своими радостями, связанными с его школой в Симбирске. В письме от 8 марта 1905 г. он сообщал, что Н.Я. Шатров «сделал очень крупный шаг – на пользу нашей школы (это секрет пока) – подал заявление о постройке на своей усадьбе здания

для образцового двухклассного училища при нашей школе. Это здание будет стоить до 20000 руб. Здание нам очень нужное» [1, с. 243]. Н.Я. Шатров являлся почетным попечителем Симбирской чувашской учительской школы с 1883 по 1917 гг., был владельцем мануфактурной фабрики [1, с. 359].

Симбирская чувашская школа занимала первоочередное место в жизни И.Я. Яковлева. В письме от 21 марта 1906 г. он сообщал Алексею Ивановичу: «В следующее воскресенье у нас будут происходить выборы в Государственную думу, но я баллотироваться не намерен, если бы даже имел шансы быть выбранным: хочу остаться на своем старом посту, пока могу работать. Это я говорю решительно» [1, с. 245].

В следующем письме от 24 марта 1906 г. он писал: «Спасибо тебе за твое сердечное сочувствие и готовность помочь мне быть членом Государственной думы. Но я едва ли буду баллотироваться... Твое понимание роли Думы... совершенно сходно с моим, только возвращение назад (в случае конфликта с правительством) на прежнее место невозможно, по крайней мере, для меня. Что касается твоей готовности занять временно мою должность, за это очень благодарен тебе, то я думаю, что этого сделать тебе нельзя без большого вреда для твоей карьеры, – и я этого не желаю. Задача твоя – скорее написать диссертацию, – это прежде всего, Москва и место в Румянцевском музее для того весьма подходящи, и тебе никак не следует уклоняться от твоей прямой дороги» [1, с. 246]. Кроме того, в случае получения депутатского места в Государственной думе И.Я. Яковлеву пришлось бы жить в Петербурге, оставив Симбирскую чувашскую школу, что повлияло на окончательное его решение об отказе от участия в баллотировке на выборах.

Таким образом, в данной статье на основе анализа эпистолярных источников выявлены отдельные моменты, раскрывающие взаимоотношение между Иваном Яковлевичем и Алексеем Ивановичем Яковлевыми. Изучение содержания писем позволяет нам сделать вывод о взаимной поддержке Ивана Яковлевича и Алексея Ивановича, постоянной готовности прийти на помощь друг другу. Письма И.Я. Яковлева к А.И. Яковлеву требуют дальнейшего углубленного изучения в связи с освещением вопросов развития Симбирской чувашской учительской школы, ее преобразования в семинарию и дальнейшей судьбе школы, о которой И.Я. Яковлев радел всю свою жизнь.

Список литературы

1. Яковлев И.Я. Письма. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. – 366 с.
2. Яковлев И.Я. С думой о народном просвещении: из переписки. – Ч. 2. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1998. – 438 с.

О РОЛИ Н.И. ИЛЬМИНСКОГО В ПРОСВЕЩЕНИИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация: в статье рассмотрены основные принципы педагогической системы Н.И. Ильминского, основанные на идеях внедрения родных языков нерусских народов России в школьное обучение и церковные проповеди.

Ключевые слова: педагогическая система; родной язык; христианское просвещение; нерусские народы; школьное обучение.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кабинета министров Чувашской Республики в рамках научного проекта № 17-46-210691 п. а.

Во второй половине XIX века Российская империя окончательно сформировалась как многонациональное государство. Согласно первой всеобщей переписи 1897 года в стране насчитывалось 146 языков (в то время в переписи, не существовало вопроса о национальности, но имелись пункты о языке и вероисповедании). Удельный вес населения, говорящего на русском языке с 1719 года по 1917 год, заметно снизился с 70,7% до 44,6%, это было связано с включением в состав государства новых территорий. В конце XIX – начале XX века русское население перестало быть преобладающим. Назревал вопрос о культурной консолидации, в первую очередь с помощью образования.

Политика просвещения самодержавной России в отношении нерусских народов представляла собой ряд мер законодательного, социально-культурного административного и педагогического характера. Она проводилась посредством учреждения институтов школьного и внешкольного образования, религиозного просвещения, с целью распространения сферы влияния русского языка и русско-православной культуры. Значимое место в этой политике отводилось христианизации нерусского населения страны.

Просвещение нерусских народов Российской империи в рассматриваемый нами период времени имело отличительные особенности применительно к различным регионам государства. В конце XIX века самым крупным учебным округом был Казанский, который охватывал собой все Поволжье, и включал в свой состав 11 губерний, в которых к концу XIX века проживало свыше 4 миллионов нерусских подданных (треть населения края). В 60-е годы XIX века большая часть нерусского населения Поволжья была абсолютно незнакома с государственным языком. Однако развитие социально-экономической жизни государства побуж-

дало к приобщению нерусских народов Российской империи к общероссийской культуре, чего нельзя было сделать без овладения русским языком [1, с. 86].

Правительство считало, что образование на русском языке будет способствовать объединению народов страны, формированию единого культурного и гражданского организма, и упрочению общенационального единства. Государственная власть приступила к созданию на периферии сети школ Министерства народного просвещения (русско-туземные школы), обучение в которых велось только на русском языке, а предметы, связанные с религией, давались раздельно для детей различных конфессий. По замыслу государства эти школы должны были воспитать «российских граждан», привить им любовь к своему Отечеству, а также обучить их государственному языку. В конечном счете общероссийские государственные органы, учреждавшиеся постепенно в отдаленных регионах вместо специальных органов управления (генерал-губернаторств), смогли бы легко найти, по плану руководства страны, чиновников и учителей из местного населения. Правительство считало, что данный путь является наиболее легким способом приобщения народов к общероссийской социально-экономической и культурной жизни.

Тем не менее русско-туземные школы не получили поддержки среди нерусского населения. Этносы, придерживающиеся иных вероисповеданий, имели уже свои собственные школьные системы. У большинства крупных наций имелись укоренившиеся традиции религиозного обучения, и национальная школа рассматривалась ими только как конфессиональная. Местная национальная верхушка видела будущее своих этносов в развитии конфессиональной школы с компонентами светского обучения. Учеба в русской школе, несмотря на ее государственную, а не церковную принадлежность, рассматривалась местным населением, как смена вероисповедания, обучение «русской» (то есть православной) вере.

По этой причине родители нерусских народов не желали отдавать своих детей в министерские школы. Кроме того, родители детей, отданных в русские школы, часто жаловались, что их детей учат распушенности, что они совсем отбиваются от рук, начинают с отвращением относиться к своим родным, близким и, в конечном счете, к своему народу [2, с. 24–25].

Для большинства национальностей Поволжья грамотность, наука, литература казались чем-то чужим, ненужными и даже враждебными. Обучаясь в министерских школах принудительно, по приказу руководства и по русским книгам, чуваша, вотяки, мари и другие этносы чувствовали себя не комфортно; все это, как они считали, нужно русским, а не им, и поскольку учиться их все же заставляли, то они относились враждебно и к учителям, и к книгам. Многие родители сравнивали пребывание своих детей в школе повинностью, равнозначной по тяжести с воинской [5, с. 310].

Альтернативой министерским школам, недостаточно популярным у местного населения, стала педагогическая система знаменитого русского просветителя и ученого Николая Ивановича Ильминского, ставшая со

временем основной базой российского законодательства о школе для нерусских народов и обширно распространившаяся по всей территории государства. Школа Н.И. Ильминского считалась православной по духу и принципам, а значит, и по содержанию обучения, тем не менее по своей принадлежности она не была в прямом смысле слова ни государственной, ни церковной. Это были полчастные, полуобщественные (содержавшиеся на средства братства святителя Гурия и личные средства ученого и его соратников) школы, многие из которых существовали на пожертвования. Школы Николая Ивановича в кратчайшее время (примерно тридцать лет) получили огромное признание; жители Поволжья различных народностей не боясь отдавали в них своих детей, так как эти школы ничуть не противоречили их общему понятию о школьном образовании [2, с. 26].

Важнейшей целью его педагогической системы являлось распространение христианского учения на нерусские народы посредством применения их родного языка в качестве орудия церковного служения и первоначального обучения в школе, перевод русских богослужебных книг и учебников, а также подготовка учителей-миссионеров [3, с. 137].

Н.И. Ильминский считал, что родной язык местного народного наречия и говора является наиболее важным и самым результативным инструментом, как для первоначального стимулирования умственной деятельности и образования инородцев, так и для насаждения в них сильного религиозного чувства и нравственных убеждений. Главное в его системе заключалась в том, что первоначальное обучение детей нерусских народов должно вестись на родном языке учителями, специально подготовленными из среды своего народа, хорошо владеющих русским языком, по книгам, напечатанным русской графикой на доступном народном разговорном языке. А уже начиная со 2–3 года обучения должно осуществляться на церковнославянском, а затем на русском языке. Вся концепция ученого проникнута идеями православного вероисповедания.

Система Н.И. Ильминского в отношении нерусских народов была утверждена Министерством народного просвещения правилами «О мерах к образованию инородцев» в 1870 г. Содержание правил сводилось к следующему: народные школы для инородцев должны иметь целью религиозно-нравственное образование, утверждение в православной вере и знакомство с русским языком. Общим для всех инородцев в системе образования должно быть следующее: орудием первоначального обучения для каждой народности должно быть его родное наречие [6, с. 133–134]. Учение о важности родного языка в школьном обучении и христианском просвещении нерусских народов является основой в педагогической концепции Н.И. Ильминского. Важную роль в христианском просвещении инородцев он отводил молитвенному богослужению и церковному пению на родном языке прихожан. Ученый считал, что богослужение и церковное пение на местных наречиях благоприятно сказывается на эмоциональном развитии личности [4, с. 54].

Николай Иванович считал, что успех дела просвещения нерусских народов в основном зависит от ближайших руководителей – учителей и священников, поэтому, по его просветительской системе инородческие

школы и приходы должны были находиться в руках учителей и священников из инородцев [3, с. 139].

Первые школы по системе Н.И. Ильминского были учреждены среди крещеных татар в 1865 г. Летом этого года была открыта школа в дер. Арняши Абдинского прихода Казанской губернии. Осенью того же года была организована школа в с. Никифоровка Мамадышского уезда Казанской губернии [7, с. 121].

В 1872 г. была учреждена Казанская инородческая учительская семинария. Это учебное заведение, возглавляемое Н.И. Ильминским, приобрело большую известность как крупный центр просвещения народов Поволжья и восточной России. Помимо подготовки учителей, оно осуществляло и функцию обеспечения народных школ нужной учебно-методической литературой. Кроме того, было создано большое количество учебников, двуязычных букварей, книг для внеклассного чтения, включая и религиозно-нравоучительного содержания. Переводились и издавались учебники Л.Н. Толстого, К.Д. Ушинского и других русских педагогов.

Учение Н.И. Ильминского о важности родного языка в школьном образовании и религиозном воспитании сыграло важную роль в распространении грамотности среди инородческого населения Поволжья и становлению национальной интеллигенции. Это учение не утратило свою значимость и до настоящего времени, особенно в связи с появившимися в современной России многочисленными национальными проблемами, наиболее важной из которых считается сохранение и развитие родного языка и национальных культур [4, с. 56].

Список литературы

1. Анохина И.А. Государственная политика в деле просвещения нерусских народов Поволжья (вторая половина XIX – начало XX века) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2007. – №7. – С. 85–90.
2. Беленчук Л.Н. О просвещении народов России во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 4: Педагогика. Психология. – 2006. – №2. – С. 22–36.
3. Гималиев В.Г. Вопросы христианского просвещения нерусских народов Поволжья и Востока России в письмах Н.И. Ильминского К.П. Победоносцеву // Вестник Университета Российской академии образования. – 2011. – №1. – С. 136–142.
4. Гималиев В.Г. Н.И. Ильминский о роли родного языка в христианском просвещении нерусских народов Поволжья и Востока России // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2011. – №3–2 (71). – С. 52–56.
5. Краснов Н.Н. Педагогическая система И.Я. Яковлева // Вестник Чувашского университета. – 2006. – №6. – С. 306–313.
6. Панина О.А. Общественно-педагогическая деятельность – важнейший фактор развития образования в Поволжье во II п. XIX – н. XX вв. / О.А. Панина, Т.А. Мащенко, В.М. Иванов // Научный вестник Технологического института – филиала ФГБОУ ВПО Ульяновская ГСХА им. П.А. Столыпина. – 2012. – №10. – С. 127–136.
7. Павлова А.Н. Опубликованные и документальные материалы по истории развития школьного образования нерусских народов Среднего Поволжья в 70–90-х годах XIX века // Вестник Чувашского университета. – 2017. – №2. – С. 121–128.

Удалова Ирина Витальевна
директор, заслуженный работник культуры
Чувашской Республики
БУК Чебоксарского района Чувашской Республики
«Музей «Бичурин и современность»
п. Кугеси, Чувашская Республика

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ИАКИНФА БИЧУРИНА В СОКРОВИЩНИЦЕ КУЛЬТУРНЫХ, ПРАВСТВЕННЫХ И МИРОВОЗРЕНЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ НАРОДА

***Аннотация:** в статье на основе исследования произведений Н.Я. Бичурина и интерпретации его научного и культурного наследия учеными излагается взгляд на его вклад в систему духовных и культурных ценностей востоковедения, развития взаимопонимания и диалога культур и цивилизаций России, Европы и Азии, значение этого вклада в ретроспективе и современных условиях. Раскрыта также тема значения примера жизни и деятельности Н.Я. Бичурина для гражданского и патриотического воспитания будущих поколений.*

***Ключевые слова:** Н.Я. Бичурин; востоковедение; духовное наследие; духовное просвещение; нравственный пример; диалог культур; диалог цивилизаций; инновационная педагогика.*

В современных условиях закономерно повышение и обострение живого интереса общества к свершениям и духовному наследию наших выдающихся предшественников, в которых кристаллизованы, осмыслены и воплотились в конкретные, повлиявшие на ход истории дела опыт, духовные ценности народа и мудрость, накопленная и выстраданная жизнью и борьбой многих поколений. К числу таких выдающихся личностей, биография которых представляет несомненную общественную значимость и является предметом активного исследования и научных дискуссий, принадлежит Никита Яковлевич Бичурин (отец Иакинф). О востребованности его вклада в востоковедение, укрепление диалога культур и цивилизаций России, Европы и Азии и духовно-нравственного примера его жизни свидетельствует проведение в Чебоксарах за последнюю четверть века пяти международных научных конференций, посвященных его юбилеям (в 1997, 2002, 2007, 2012 и 2017 годах), бичуриноведческие исследования с изданием новой литературы об ученом, деятельности музея «Бичурин и современность» в п. Кугеси, ежегодно проводимых традиционных «Бичуринских чтений» с участием ученых, общественности и учащейся молодежи, центра китайского языка и культуры при ЧГПУ им. И.Я. Яковлева и ЧГУ им. И.Н. Ульянова, филиала ИДВ РАН имени Н.Я. Бичурина в Чебоксарах, создание выставок в Чувашской Республике и в г. Санкт Петербург.

Академик Г.Н. Волков по праву назвал Бичурина «Вершинной фигурой (личностью) чувашской нации и пояснил эту мысль: «Каждый народ

имеет своих национальных лидеров, вождей, в том числе и самые малочисленные. Так, у всех народов Крайнего Севера есть духовные лидеры, творения которых представляют немалый интерес для мировой культуры, являясь посильным, но вполне достойным вкладом в мировую цивилизацию. В жизни чувашского народа событием международного значения явился выход в 1991 году книги «Н.Я. Бичурин (Иакинф) Ради вечной памяти», составление, предисловие и комментарий профессора В.Г. Родионова. Эта была последняя, по сути величайшая культурная акция Советской власти [2, с. 136].

Отмечая, что в мире до сих пор не было и нет китаевода крупнее Бичурина [2, с. 137] Г.Н. Волков особенно подчеркивает дружбу и духовную связь двух единомышленников, двух великих представителей братских чувашского и русского народов – Н.Я. Бичурина и А.С. Пушкина. Сам этот факт хорошо известен и нашел достойное художественное отражение в знаменитой картине народного художника Николая Овчинникова, но Г.Н. Волков не ограничился констатацией факта, он обратил взор на глубинную сущность и истоки двух взаимно вдохновлявших друг друга гениев: «Он стал не просто близким другом, но и надежным духовником Пушкина. Все, что он собрал о Пугачеве, отдал Пушкину. Великий поэт опубликовал эти материалы с честной ссылкой на своего друга. А самому Бичурину удалось это сделать только через четыре года... Пушкин глубоко знал творчество Бичурина. Вот немаловажные факты: поэтом опубликованы в «Литературной газете» три выписки из письма Бичурина, по инициативе Пушкина в журналах «Северные цветы» и «Телескоп» печатались великолепные произведения Бичурина «Байкал», «Прогулка на Байкал». Пушкин принял личное участие в издании «Троесловия» в переводе с китайского [2, с. 137–138].

Характеризуя значение научной деятельности Иакинфа Бичурина для развития гуманитарного знания для такой весьма специфической и тонкой отрасли, как народная этнопедагогика, Г.Н. Волков отметил: «Н. Бичурин велик во всем: универсальный китаевед-энциклопедист, поэт, писавший на чувашском, русском, греческом языках, историк, географ, просветитель, философ, моралист... Я предвижу монографическое исследование – «Этнопедагогическая система Никиты Бичурина». На это настраивают его труды «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», «Китай в гражданском и нравственном его состоянии». И ведь «Троесловие» насквозь этнопедагогично:

Человеколюбие и справедливость,

Обряд, знание, верность,

Они пять добродетелей

Не должны быть смешиваемы [2, с. 139–140].

Завершает очерк о Бичурине Г.Н. Волков таким обобщающим выводом: «Отец Иакинф – Великая Душа человечества. Чистая душа. Светлая. Лучший из всемирных образцов и человечности и духовности. Поручкой тому светлая жизнь, подвижническая деятельность и великомученическая смерть национального гения, национальной гордости и славы» [2, с. 141].

Высоко оценил место духовного наследия Н.Я. Бичурина крупнейший исследователь его жизненного пути профессор П.В. Денисов: «Своими трудами Бичурин сумел осуществить главную цель жизни: познакомиться, убедить и вызвать интерес ученых к восточным странам, открыв таким образом пути для дальнейших исследований. Эти мысли проносятся красной нитью во всех трудах ученого. Он был твердым сторонником укрепления связей России с Азиатским Востоком и резко критиковал высокомерное отношение европейских ученых к культурным достижениям восточных народов, недооценку их вклада в мировую цивилизацию. Концепция Бичурина о роли восточноазиатских стран в судьбах истории, как показывает жизнь, остаются в силе и в наши дни. Им проведен огромный труд, который невозможно переоценить. Благодаря таланту, титаническому труду и любви к науке, Н.Я. Бичурин был признан научным миром России и Европы как один из выдающихся ученых своего времени. Чем дальше мы уходим от его эпохи, тем ярче видится его значение и его бессмертие» [3, с. 6].

Размышляя в бытность Президентом Чувашской Республики о месте и роли Бичурина в истории и духовной жизни народа, Н.В. Федоров на открытии научной конференции, посвященной 220-летию этого ученого и общественного деятеля сказал: «Ценность трудов Н.Я. Бичурина еще в том, что они вписываются в происходящий сейчас длительный переход от господствующих ныне ценностей к новым ценностям «ноократии» («власти знающих»). «Править должны знающие» – эти слова знаменитого философа античной эпохи Сократа должны стать девизом XXI века – эпохи непротиворечивого существования человечества. Изучение и пропаганда жизни и трудов Никиты Бичурина важны для нас еще и потому, что проблема отношения подрастающего поколения к учебе, знаниям сегодня особенно актуальны. Мы всегда должны помнить о том, что основа процветания республики, будущего нашего народа – свободная, высококультурная и образованная личность, в формировании которой огромная роль принадлежит учителю. Одним из таких учителей, несомненно, для нас является Никита Яковлевич Бичурин» [10, с. 7].

Присоединяюсь к мнению о закономерности и неизвестности перехода к ноократии – к обществу более высокого типа, «основанного на прогрессе ноосферы, на современном и обязательно гуманистическом знании, на современных и обязательно гуманистических культурных ценностях, – мы не можем в соответствии с таким идеалом не признать необходимости принципа народности науки. Во – первых, наука призвана служить народу, жить с ним одной жизнью, одними помыслами, руководствоваться интересами народа и стремиться к максимальному их удовлетворению, во – вторых, сам ученый в своей повседневной деятельности должен проникнуться народным духом, народной жизнью, народными идеями, всегда и везде стремиться принести народу благо и пользу. К этому, к народности в науке в конечном итоге сводятся ее принципы патриотизма, гуманизма. Если понимать народность в науке именно так, то Никиту Яковлевича Бичурина следует признать классическим образом истинно народного ученого – гуманиста, демократа и патриота. Он и сам в полной мере осознал свою жизненную миссию, что

согревала и воодушевляла его на преодоление трудностей, казавшихся со стороны немислимыми. Это ему принадлежат знаменитые слова «предназначение не для публики, а появившиеся как признание в письме к историку и издателю журнала «Москвитянин» М.П. Погодину от 14 августа 1810 года архимандрит Иакинф писал: «Не хваля себя, могу сказать, что живу я здесь единственно для Отечества, а не для себя. Иначе в два года не мог бы и выучиться так говорить по-китайски, как ныне говорю» [3, с. 66].

Представляет интерес вопрос об этапах и факторах формирования мировоззрения народного ученого. Прежде всего, это конечно семья, трудовая семья, в полной мере воспитывала в своей жизни здоровые основы и русской и чувашской этнопедагогике. Историю этой семьи изучал П.В. Денисов, В.Д. Дмитриев и ряд других исследователей. П.В. Денисов отметил: «Родители Никиты Бичурина, свободно владевшие чувашским языком, не чуждались местных жителей, участвовали в общественных помочах и семейных торжествах односельчан, а отец, Яков, владевший грамотой, помогал крестьянам составлять разные деловые бумаги и нередко обращался к ним за помощью в трудных случаях жизни. Судя по выявленным документам, священник Яков Данилов в своей пастырской службе не допускал грубых и дерзких действий, не занимался вымогательством, не преследовал прихожан за приверженность к обрядам языческой веры. Простота и скромное поведение членов семьи Якова Данилова снискали уважительное отношение к ним жителей села Бичурино и окрестных деревень [3, с. 14].

Подобные качества характера по свидетельству многих современников Никита Яковлевич сохранил до конца жизни. Его биограф Авраамий Часовников писал «По характеру своему он был очень добрый человек, готовый помочь каждому, чем только мог. Жители Мурина (дачного поселка около Санкт Петербурга, ныне в черте города Санкт Петербург) и по сей день помнят «о. Иакима» за доброе отношение к ним» [11, с. 16].

Об этом же свидетельствовала Надежда Моллер: «Относясь гуманно и сострадательно вообще ко всем крепостным, о. Иакинф всегда был защитником пред отцом и матерью моею в случае провинности кого-либо из наших людей. Когда же он узнавал, что кто-нибудь из них был отправлен в часть для наказания или в рабочий дом для исправления, то возмущало до глубины души и приходил в большое негодование [6, с. 404].

Характерный пример на основании мемуаров Моллер привел в исторической новелле «Железные четки» Валентина Пикуль: «Умевший ненавидеть, Бичурин был очень добр. Он терпеть не мог, когда дочь покойной, Софья Александровна Мищикова, наказывала детей, а своих лакеев отсылала в полицию ради их сечения. В таких случаях Никита Яковлевич вступался за крепостных с такой же яростью, как и за детишек: – Это варварство! В Китае так бы не поступали... В 1843 году он стал трижды лауреатом Демидовской премии. К деньгам относился равнодушно, никогда не знал, сколько у него в бумажнике. Однажды за партией в преферанс полез расплачиваться, но бумажника – при себе не обна-

ружил. Заподозрили домашнего лакея. Мицикова велела дворнику тащить лакея на двор, драть его нещадно, но лакей в краже не сознался.

– Да что вы делаете! – возмутился Бичурин. – Плевать я хотел на эти премиальные, только оставьте человека в покое...

Через год или два бумажник нашли. Бичурин велел позвать лакея и при всех вручил ему свой бумажник:

– Сколько б там ни было денег, все твои. Бери за свои невинные страдания. Бери, дурак, не отказывайся... Ты ведь, я знаю, всегда будешь, а лауреатом – никогда! [7. с. 567].

Второй фактор, повлиявший с юных лет на формирование жизненной позиции Никиты Яковлевича – это православие. Уже в наше время, споря с многочисленными авторами, стремящиеся представить Бичурина как «вольнодумца» или вовсе скрытого атеиста, исследователь его биографии В.А. Золотов утверждал: «Н.Я. Бичурин в своих многочисленных сочинениях, о своем вероотступничестве ни словом не упоминал. Более того, выдающийся историк – знаток Востока спокойно относился и к другим верованиям, в частности к буддизму, исламу, что четко прослеживается в его фундаментальных трудах... Семинаристу с незаурядными способностями в течение 14 лет учебы покровительствовал наставник Амвросий Подобедов – в будущем митрополит Казанский. Он в трудные минуты жизни обогрел Никиту человеческой лаской, подвигнул на путь знания. По совету заботливого старшего друга 22-летний Бичурин надел на себя монашеский черный клобук и рясу, удалился от мира. Монашеским постригом преосвященный Амвросий уготовил Бичурину путь – трудный и тернистый путь ученого. Сразу же с пострижением он был зачислен в соборные монахи Александро-Невской лавры и произведен в иеромонахи. Необходимо отметить, что Амвросий Подобедов по – отечески следил и за судьбой монаха Иакинфа, переписывался со своим любимцем, давал житейские советы, когда молодой пастырь исполнял непростые обязанности настоятеля Казанского Иоанновского монастыря и преподавателя высшего красноречия в Духовной академии» [4, с. 7–8, 25–26].

Золотов совершенно прав: действительно, именно в эти годы, когда юный семинарист Никита Бичурин постигал науку, активно готовился к судьбоносному шагу своей жизни, в его душе окончательно закрепились те православные духовные ценности, которые еще в раннем детстве были восприняты от отца-священника, верующей матери и односельчан.

Третьим фактором, оказавшим мощное влияние на формирование мировоззрения жизненных и научных интересов Бичурина в годы его учебы, духовной и преподавательской деятельности в Казани, явилась удивительная, уникальная атмосфера этого многонационального города с богатейшим историческим прошлым, служившего окном на Восток, в Азию. Именно здесь, скорее всего, и возникло у него желание расширить это окно, углубить свои связи, понимание значения их для России, наконец, и просто вызванный природной любознательностью интерес к далеким восточным странам и их народам. Так что к моменту назначения руководителем духовной миссии, он уже вполне созрел для этого.

Четвертый фактор, который повлиял на формирование взглядов в конечном итоге всей дальнейшей судьбы Н.Я. Бичурина на решающем

этапе его жизни – это Китай. Изучал китайскую цивилизацию, он с каждым годом все больше проникся сознанием исторической неизбежности и необходимости усиления ее контактов с двумя великими цивилизациями – российской (евразийской) и европейской. Как отмечают современные исследователи его духовного наследия В.Н. Усов и Хуан Лилян, «Иакинф жил с глубокой внутренней убежденностью в призвании быть полезным своему отечеству, интересы которого имели для него высшее значение. И в глазах Иакинфа Восток предстал сокровищницей, которая не может не быть приобщена к общечеловеческой культуре. Здесь он видел источник знаний и опыта, которые должны быть использованы во благо отечественной и мировой науки. Все более вниманием Иакинфа завладевал Китай и его народ, великим трудолюбием которого была создана древнейшая цивилизация» [9, с. 199].

Вот что вдохновляло Бичурину, вот какие благородные мотивы двигали им. Они сродни тому духовному настрою, который ярко охарактеризовал А.П. Чехов имея в виду Пржевальского, великого русского исследователя Азии. «Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие, привычка к зною, к голоду, к тоске по родине, к изнурительным лихорадкам, их фанатическая вера в христианскую цивилизацию и в науку делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу. А где эта сила, перестав быть отвлеченным понятием, олицетворяется одним или десятком живых людей, там и могучая школа» [12, с. 234–235]. Действительно людьми, подобными Бичурину, Пржевальскому двигала не пустая «романтика», не поиск острых ощущений, тем более не алчность, не жажда наживы, а исключительно патриотизм, забота о благе общества – и в этом – непреходящая ценность того исходящего от него нравственного завета, который бережно хранится и передается от поколения к поколению.

Главная часть его духовного наследия – это титанический труд по исследованию истории и культуры китайского, тибетского, монгольского, калмыцкого, среднеазиатских народов, он собрал множество фактов и на основе их жизни объективно изучил, довел до массового сознания и оценил своеобразие этих культур и их место в контексте культуры. Современный китайский профессор Ли Вэйли особо отмечает выдающееся значение в этом плане трудов «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» и «Китай в гражданском и нравственном состоянии», подчеркивал при этом, что говорил о нравственном состоянии, Бичурин исследует менталитет, систему духовных ценностей народа: «Что же такое «нравственное состояние»? Бичурин пояснил, что «нравственное состояние» – сочетание, подразумевающее нравственные установки не какого-то конкретного человека, а целого народа, в том числе обычаи, поведенческие нормы, даже особенности мышления. То есть, «нравственное состояние» здесь – образ жизни как всего китайского общества, так и отдельных народов, входящих в его состав. «Нравственное состояние» в

значительной мере обуславливается как местом и работой той территории, на которой проживает народ, далее с помощью образования и воспитания определяются векторы развития этого общества, а затем сложившиеся нравственные установки и правила закрепляются на законодательном уровне. В своем труде Бичурин пытался проследить истоки положительных и отрицательных черт в нравах китайского общества выделяя как достоинства, так и недостатки в национальном характере китайцев [5, с. 153].

Несомненная заслуга Никиты Яковлевича как деятеля духовного просвещения состоит в том, что именно он одним из первых познакомил и своих соотечественников и европейцев конфуцианским учением – перевел на русский язык трактат «Четверокнижие» («Сышу») и «Троесло-вие» («Сань – цзы-цзен»). Профессор Ли Вэйли тоже дал весьма высокую оценку: «Если сравнить перевод Бичурина и оригинал, можно заметить, насколько замечательным получился у Бичурина стихотворный перевод: Иакинфу удалось передать не только стихотворную форму оригинала, но и смысл каждой фразы – без упущений. Можно сказать, такой перевод – идеальное сочетание достоверности, точности и изящества слога. Не менее замечательным можно считать и 103 комментария, свидетельствующие о глубоких познаниях Бичурина о китайской истории и культуре [5, с. 138].

Когда Бичурин в борьбе и острой полемике защищал и отстаивал идею диалога культур и цивилизаций Запада и Востока, он, смотрел, как это подтвердила история, далеко вперед. Сегодня эта идея не просто становится еще более актуальной, чем в его эпоху, но осознается в качестве важнейшей гарантии нормальной жизни и прогресса общепланетарной цивилизации. О признании этой идеи говорит, например выступление Председателя КНР С Цзиньпина на сессии ГА ООН 28 сентября 2015 г., где китайский лидер заявил: «Мы должны наращивать всеобъемлющие межцивилизационные обмены. Многообразие человеческих цивилизаций делает этот мир ярче и многоцветнее. Многообразие способствует обменам, которые ведут к интеграции, а интеграция открывает возможности для прогресса. Каждая цивилизация несет в себе интеллект и вклад различных наций и ни одна из цивилизаций не имеет преимущества над другим, не может быть выше или лучше других. История человечества подобна гражданскому полотну, на котором отразился процесс активных обменов, взаимных заимствований и интеграции различных цивилизаций. Мы должны уважать все цивилизации и относиться к ним как к равным, мы должны учиться друг у друга, собирая и накапливая самое ценное [8, с. 27].

Замечательным вкладом в культурную сокровищницу является и педагогическое наследие Н.Я. Бичурина, воплотившее те же идеи гуманизма и служения обществу на практике. Сюда относится не только исследование китайской народной этнопедагогики, о котором речь шла выше, но и особенно – небывалый в России инновационный мега проект изучения китайского языка, который Бичурин не только основал теоретически, но и положил начало его реальному воплощению. Он открыл училище китайского языка в Кяхте, доступное для всех желающих детей

купцов и мещан, сам руководил этим училищем и преподавал там, разработал программу обучения, учебники, пособия, которые применялись в дальнейшем много лет, даже после смерти его самого. Так было положено начало вечному и перспективному делу. Бичурин стремился к расширению обоюдовыгодной российско-китайской торговли и проявил истинно государственный подход к этой проблеме. Теперь китайский язык изучают уже сотни тысяч наших соотечественников, и в связи с развитием сотрудничества между двумя странами на глазах становится все более популярным, особенно у молодых.

Размах и значение деятельности Бичурина, его смелость первопроходца, его могучий интеллект, обращенный на служение людям, настолько велик, заслужил настолько огромное признание, что принадлежит теперь не только России, но и всему человечеству.

Тем не менее, поскольку Бичурин – наш земляк, один из тех, кто прославил в веках чувашскую землю, – именно мы, жители Чувашии призваны совершить все возможное для этого, чтобы добрая память о нем всегда передавалась из поколения в поколение, а его духовное наследие жило и вдохновляло людей на служение Отечеству.

Список литературы

1. Бичурин Н.Я. Китай. Его жители, нравы, обычаи, просвещение. – М.: Эксмо, 2017. – 448 с.
2. Волков Г.Н. Духовное просвещение. – Чебоксары, 2006. – 206 с.
3. Денисов П.В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине. – 2-е изд., доп. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. – 335 с.
4. Золотов В.А. Никита Бичурин – востоковед, итератор, историк и педагог. – Чебоксары; СПб., 2003. – 54 с.
5. Ли Вэйли. Солнце российской китаистики – Н.Я. Бичурин. – Чебоксары: ЧПУ им. И.Я. Яковлева, 2017. – 162 с.
6. Моллер Н.С. Иакинф Бичурин в воспоминаниях его внучки // Бичурин Н.Я. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение (приложение). – М.: Эксмо, 2017. – С. 395–439.
7. Пикуль В.С. Железные четки // В.С. Пикуль. Полн. собр. соч. – Т. 23. – М.: Международная Ассоциация писателей баталистов и маринистов: Современник, 1997. – С. 557–573.
8. Си Цзиньпин. Совместное формирование новых партнерских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы. Речь на сессии ГА ООН 28 сент. 2015 г., Нью-Йорк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.chinaembassy.org/rus/ztbd/QQ13/t1320669.htm>
9. Усов В.Н. Отец Иакинф (Н.Я. Бичурин) – выдающийся русский китаевед / В.Н. Усов, Лилян Хуан // Чжоу Дуньи и ренессанс конфуцианской философии. – М.: Стилсервис; ИДВ РАН, 2009. – С. 155–200.
10. Федоров Н.В. Слово об основоположнике российской школы востоковедения Н.Я. Бичурине // Известия Национальной академии наук и искусств ЧР. – 1998. – №1. – С. 4–9.
11. Часовников А. Архимандрит Иакинф и его миссия // Золотов В.А. Никита Бичурин – востоковед, литератор, историк и педагог. – Чебоксары; СПб., 2003. – с. 7–9.
12. Чехов А.П. Н.М. Прежальский // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. – Т. 16. – М.: Наука, 1987. – С. 234–235.

Шумилова Ольга Владимировна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И.Я. ЯКОВЛЕВА В ТРУДАХ Н.Г. КРАСНОВА

***Аннотация:** в статье анализируется вклад Н.Г. Краснова в изучении личности, общественной и просветительской деятельности И.Я. Яковлева. Рассмотрены основные труды исследователя, выявлены основные этапы его деятельности.*

***Ключевые слова:** Иван Яковлевич Яковлев, просвещение, школа, Чувашия, Симбирская чувашская школа.*

И.Я. Яковлев является выдающимся деятелем в истории Чувашии, внесшим огромный вклад в развитие просвещения чувашского народа. Направления и результаты его деятельности не раз становились объектом для научного исследования, написано большое количество трудов, посвященных разным аспектам жизни и деятельности чувашского просветителя. Серьезный вклад в изучении данной научной проблемы внес Николай Герасимович Краснов. Изучение личности и деятельности И.Я. Яковлева стали центральной темой в его научном творчестве.

Н.Г. Краснов родился в д. Мартыново Козловского района Чувашской АССР. Окончил факультет иностранного языка Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева (далее – ЧГПУ им. И.Я. Яковлева), аспирантуру I-го Московского государственного института иностранных языков. Работал учителем в Тюрлеминской средней школе Козловского района Чувашской АССР, старшим преподавателем, доцентом, профессором в Чувашском государственном педагогическом институте. С 1996 года перешел на работу в Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (далее – ЧГУ им. И.Н. Ульянова). Был заведующим кафедрой, деканом факультета иностранных языков, а в 1997 году был назначен директором Научно-исследовательского института И.Я. Яковлева ЧГУ им. И.Н. Ульянова.

Кандидатская диссертация Н.Г. Краснова была посвящена педагогическим взглядам чувашского поэта К.В. Иванова, а докторская – изучению педагогического наследия И.Я. Яковлева и становлению национальной школы чувашского народа [1, с. 188–190].

Еще работая в Тюрлеминской средней школе, Н.Г. Краснов заинтересовался наследием И.Я. Яковлева. Способствовало этому знакомство с семьей ученика И.Я. Яковлева поэта-переводчика Г.А. Коренькова. Н.Г. Краснов вел переписку с воспитанниками Симбирской чувашской школы и учениками просветителя, фиксируя их воспоминания [3, с. 228].

Работая преподавателем в ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, Н.Г. Краснов продолжил изучать жизнь и творчество чувашского просветителя. Он принимал активное участие в организации научных мероприятий, посвященных чувашскому просветителю. В 1966 г. Н.Г. Краснов возглавил

лабораторию по исследованию наследия И.Я. Яковлева [2, с. 121]. Большое влияние на разработку этой научной проблемы оказал Г.Н. Волков. Совместно с ним Н.Г. Краснов разработал концепцию музея И.Я. Яковлева, открытом в ЧГУ им. И.Я. Яковлева в 1968 году [2, с. 122]. Вместе Н.Г. Краснов и Г.Н. Волков работали в качестве консультантов при съемках документального фильма «Дело его жизни» (режиссер Д.Е. Дубинский) [2, с. 123].

По результатам своих исследований Н.Г. Краснов опубликовал более 120 работ, среди них и крупные монографии и многочисленные научные статьи.

Одной из крупных публикаций была монография «Иван Яковлевич Яковлев. Жизнь. Деятельность. Педагогические идеи: очерки», опубликованная в 1976 году. В данном труде на основе анализа архивных источников описаны вехи жизненного пути И.Я. Яковлева. Значительное внимание уделяется такому аспекту деятельности просветителя, как основание Симбирской чувашской учительской школы и этапам ее развития, а также характеристике педагогических идей И.Я. Яковлева и его общественно-просветительской деятельности. Н.Г. Краснов отмечает, что И.Я. Яковлев большое значение придавал среде, в которой живет и воспитывается человек. Семья, школа, общество, церковь, государство оказывают свое влияние на процесс социализации личности [7, с. 159]. Этим и объясняется стремление просветителя к созданию образовательного учреждения для подготовки педагогических кадров среди чувашей. Это создало бы благоприятные условия для распространения среди чувашского народа знаний. Данная работа Н.Г. Краснова содержит большое количество фотографий, отражающих события жизни и деятельности И.Я. Яковлева и его семьи. Автор довольно активно использовал фотографии для иллюстративных целей, но важно отметить, что привлечение такого источника в исторических исследованиях дает возможность читателю визуализировать события прошедших лет. Аналогичный подход Н.Г. Краснов использовал и в создании последующих трудов о чувашском просветителе. В 1999 году вышла в свет книга «И.Я. Яковлев в фотографиях и документах: фотоальбом», автором-составителем которой был Н.Г. Краснов. В восьми разделах книги наглядно отражены детство, учеба, служба в различных ведомствах, научно-педагогическая и общественная деятельность И.Я. Яковлева, его последние годы жизни в Москве [6, с. 6].

Следующая крупная монография Н.Г. Краснова «Выдающийся чувашский педагог-просветитель», изданная в 1992 году, имеет почти схожую структуру с изданием 1976 года, но дополнена новыми главами, в которых раскрывается процесс создания нового чувашского алфавита, а также более подробно освещена история становления и развития чувашской национальной школы. Автор попытался проследить истоки школьного образования чувашского народа с эпохи Волжской Булгарии [5, с. 82]. Но только в конце XIX века сложились условия для возникновения национальной школы, какой стала Симбирская чувашская школа. Еще один вопрос, получивший освещение в данной монографии, касался отношения И.Я. Яковлева и представителей национального движения, активизировавшегося в 1917 году. Н.Г. Краснов подробно анализирует

возникшее идейное противостояние И.Я. Яковлева и членов Чувашского национального общества [5, с. 181–206].

Н.Г. Краснов обращается к вопросу оценки деятельности И.Я. Яковлева за рубежом. Он описывает взаимодействие просветителя с иностранными учеными – французским этнографом и путешественником А. Пинаром, венгерскими учеными Г. Балинтом, Б. Мункачи, Д. Мессарошом и другими. Анализ иностранной литературы позволили Н.Г. Краснову сделать вывод о том, что и зарубежные исследователи считают И.Я. Яковлева самым признанным и непревзойденным ученым и выдающимся деятелем культуры чуваш [5, с. 385]. Он выделяет два направления в оценке исторических заслуг просветителя. Первое – оценивает его прогрессивным деятелем своего времени, второе – называет его русификатором, проводником идей христианства среди чувашей [5, с. 386].

Издание «Иван Яковлев и его потомки» было издано в 1998 году к 150-летию со дня рождения педагога-просветителя. В 2007 году книга была переиздана. Книга стала победителем Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы «Малая Родина» в номинации «Люди нашего края». В этом издании Н.Г. Краснов наряду с ранее освещенными вопросами затрагивает и новые: анализу роли И.Я. Яковлева в развитии национальной культуры чувашского народа и освещению его семейной жизни. Большое внимание Н.Г. Краснов уделяет описанию воспитания старшего сына А.И. Яковлева – историка, преподавателя. Также в книге содержатся биографические данные о дочерях И.Я. Яковлева – Лидии и Наталии, сыновьях Николае и Александре [4, с. 385–398].

Помимо указанных выше работ Н.Г. Краснов является автором многочисленных статей и других публикаций. Его труды содержат богатейший материал о жизни и деятельности И.Я. Яковлева и членов его семьи. Привлекая разнообразные источники, вводя в научный оборот архивные документы и фотоматериалы, исследователь проанализировал разные аспекты педагогической, просветительской, переводческой, общественной работы И.Я. Яковлева.

Список литературы

1. Егоров Д.Е. Ученые-педагоги Чувашии и их вклад в развитие просвещения и педагогической мысли. – Чебоксары: Чувашия. 1997. – 357 с.
2. Иванова Л.Н. Г.Н. Волков о просветителе И.Я. Яковлеве // Вестник ЧГУ им. И.Я. Яковлева. – 2017. – №2 (74). – С. 118–125.
3. Илларионова Н.Г. Из истории создания вузовского мемориально-педагогического музея И.Я. Яковлева // Вестник Чувашского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2006. – №5. – С. 227–233.
4. Краснов Н.Г. Иван Яковлев и его потомки. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. – 478 с.
5. Краснов Н.Г. Выдающийся чувашский педагог-просветитель. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. – 413 с.
6. Краснов Н.Г. И.Я. Яковлев в фотографиях и документах: фотоальбом. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1999. – 221 с.
7. Краснов Н.Г. Иван Яковлевич Яковлев. Жизнь. Деятельность. Педагогические идеи: очерки. – Чебоксары: Чувашкнигиздат, 1976. – 271 с.
8. Широкова М.А. Сельская интеллигенция Чувашии в годы Великой Отечественной войны: новые подходы к изучению // Проблемы воспитания патриотизма и гражданственности в полиэтничном регионе: материалы межрегиональной науч.-практ. конф. – 2011. – С. 119–126.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ И ИСТОРИЯ В ЛИЧНОСТИ

Кузнецов Андрей Александрович

д-р ист. наук, профессор
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского»
г. Нижний Новгород, Нижегородская область

Селиванова Ольга Владимировна

канд. ист. наук, и.о. старшего научного сотрудника
руководитель группы
ФГБУН «Архив Российской академии наук»
г. Москва

«ОЧЕНЬ ЖАЛЬ, ЧТО ВЫ НЕ ПОЕХАЛИ»: К ИСТОРИИ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ УЧАСТИЯ С.И. АРХАНГЕЛЬСКОГО В РАБОТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ИСТОРИКОВ В РИМЕ (1955 г.)

Аннотация: статья посвящена биографической проблематике в истории исторической науке. В ходе изучения переписки историков С.И. Архангельского и И.Н. Бороздина было установлено, что первый не смог поехать на Международный конгресс историков в Рим. Случившееся горячо переживалось С.И. Архангельским. На основе новых архивных источников восстанавливается событие биографии крупного советского историка, выясняются причины отказа включения С.И. Архангельского в состав делегации.

Ключевые слова: Международный конгресс историков; конгресс историков в Риме; С.И. Архангельский; И.Н. Бороздин; Косминский Е.А.; историография; биография; история Англии; история Италии XVII в.; делегация; трагедия.

На сегодняшний день в истории отечественной исторической науки сложилась ситуация, когда утвердились основные наборы сведений, фактов о жизни и научном творчестве тех или иных исследователей прошлого. Кроме этого, утвердились и тренды их интерпретаций, которые можно назвать «мифами о...». К числу таких научно отрефлексируемых стереотипов можно отнести мифы о Т.Н. Грановском, В.О. Ключевском... [4; 5]. Они и подобные им мифы задают направления и аксиологическую систему координат персонализированных историографических штудий. И получается, что историки, работающие в жарге историографических биографий, «тяготеют к обобщениям уже известных фактов

и опираются на ранее опубликованные солидные исследования» [1, с. 287]. Однако простое приумножение числа обобщений, истолкований сравнительно давно введённых в научных оборот сведений, а также трудов предшественников кажется малопродуктивным без открытия новых источников, проливающих свет на ранее неизвестные стороны жизнеописаний историков.

Эта потребность вкупе с антропоцентрическим осмыслением открываемых источников и их неизвестными доселе свидетельствами придаёт существенный импульс движению историографии. Примером тому может быть драматическая история о несостоявшейся поездке горьковского (нижегородского) исследователя, члена-корреспондента АН СССР, крупного специалиста по истории Английской буржуазной революции и международным отношениям в середине XVII в. С.И. Архангельского (1882–1958) на X Международный съезд историков в Рим. О её месте и значении в судьбе и в душе учёного известно не было. Это (не) событие стало проступать в своём контуре при подготовке к публикации переписки Сергея Ивановича Архангельского с однокурсником Ильёй Николаевичем Бороздиным (1883–1959). Тот, оставивший след в востоковедении, археологии, истории и историографии Средних веков, после двух арестов 1935 и 1937 гг., досрочного освобождения в 1943 г. из лагерей, пережитого в 1948 г. ашхабадского землетрясения окончательно осел в Воронеже. Ещё в 1943 г. Великой Отечественной войны он стал переписываться с С.И. Архангельским, и эпистолярное общение их пережило переезд И.Н. Бороздина в Воронеж и продолжалось до смерти горьковского визави.

Письма И.Н. Бороздина С.И. Архангельскому отложились в фондах второго в Центральном архиве Нижегородской области (Ф. 6299) и Архиве Российской академии наук (Ф. 1530). Однако о взаимной переписке коллег во всей её полноте говорить стало возможным, когда вдова И.Н. Бороздина передала его фонд в Архив РАН (Ф. 2181). Именно, в письмах Бороздина и Архангельского, оказавшихся в Архиве РАН, и читалось о важной для второго несбывшейся поездке на Международный конгресс историков в Рим. Обращение к другим архивным источникам позволило восстановить новый факт биографии этого крупного историка.

12 октября 1955 г. историк Илья Николаевич Бороздин вопрошал в письме Сергею Ивановичу Архангельскому: «Я до сих пор не выяснил, ездили ли Вы в Рим на конгресс [историков] или только послали Ваш доклад. Последний я видел и даже позволю себе быть в претензии на Вас за то, что Вы мне не прислали его. От Е.А. Косминского его доклад я получил до начала конгресса. Пока о конгрессе знаю лишь по слухам и по вольной передаче отчетного заседания Института Истории. Повидимому, было мало [по графике трудного почерка И.Н. Бороздина напрашивается такое чтение, но оно не исключает того, чтобы читать как «много», что более подходит по контексту] интересного и в [неразборчивое слово – известной?] мере поучительного» [3. Ф. 1530. Оп. 4. Д. 20. Л. 4].

Через четыре дня С.И. Архангельский отвечал в Воронеж: «В данный момент посылаю Вам свой доклад, подготовленный для международного

конгресса в Риме, единственно новое, что у меня есть. На него было затрачено немало трудов в январе-ноябре месяце; почему-то была большая спешка, слали телеграммы, звонили по телефону, были даны на все операции короткие сроки; писал два резюме, французское и английское. Летом же, когда предстояло поехать, я получил лишь 10 оттисков, и это было все. Я оказался в категории писавших, но не поехавших в Рим. Какие были причины этого, я до сих пор не знаю. Кто ездил, я тоже не знаю, исключая А.М. Панкратовой, Е.А. Косминского и С.Д. Сказкина» [З. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 884. Л. 20–20 об.].

И.Н. Бороздин отреагировал горячо: «То, что Вы пишете относительно поездки в Рим, поистине безобразие. По-видимому, дело было так. Сначала широко размахнулись, затем сократили до 14 человек, затем снова расширили до 23 или 24. Причем в последнюю минуту набирали с бору, да с сосенки. Поехали никому не ведомые лица. Многие осрались с незнанием языков. Нельзя же посылать [делегатов?], которые дальше «J'aime beaucoup la nature» (из [...] Марго) не пошли. Да и по Марго ли учились?» [З. Ф. 1530. Оп. 4. Д. 20. Л. 5]. В последних двух предложениях сквозила ирония. Подразумевался один из распространенных в Российской империи учебников Давида Марго, «Cours elementaire et progressif de la langue francaise» (1855; 36-е изд., СПб., 1909) или «Grammaire theorique et pratique de la langue francaise» (9-е изд., ib., 1912). Принятый в дореволюционных классических гимназиях, он стал объектом насмешек из-за нелепо сформулированных вопросов и ответов.

Бороздин не так точно, как было, реконструировал ситуацию, развернувшуюся вокруг конгресса историков в Риме, да и С.И. Архангельский в полной мере не стал вдаваться в подробности своей переписки с Иностранным отделом АН СССР в августе 1955 г. 17 августа 1955 г. горьковский историк узнал о том, что его имя не значится в списке делегации советских историков на конгресс в Рим. И это после горячки запросов из Москвы и согласований в ноябре 1954 г. – январе 1955 г.! Кроме того, специально для поездки на конгресс, куда советские академические структуры собирались его направить, С.И. Архангельский подготовил доклад на русском и английском языках «Аграрное законодательство и аграрное движение в Англии во время революции XVII в.», который был опубликован АН СССР (статья на русском и английском языках: *Архангельский С.И. Аграрное законодательство и аграрное движение в Англии во время революции XVII в.* На русском и английском языках – была опубликована в сборнике «Труды историков СССР, подготовленные к X международному историческому конгрессу в Риме» в 1955 г.). Тогда же историк разрабатывал проблематику синхронности событий международных отношений в Европе XVII в. и Английской буржуазной революции и опубликовал статью об освободительных движениях Италии середины XVII в. [2]. Желая продолжить исследование и «нарастить» его фактографией восстаний в Мессине и Палермо в 1647 г., Архангельский уже рассчитывал обрести новые источники по данной проблеме во время поездки в Италию [З. Ф. 1530. Оп. 1. Д. 21. Л. 1].

Обрушение мечты было тяжким ударом для члена-корреспондента АН СССР, занимавшегося всеобщей историей в Горьком (Нижем Новгороде), откуда «хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь». Масштабы личной конкретной трагедии С.И. Архангельского в 1955 г. осознаются в полной мере, если вспомнить, что этот историк Англии и Европы XVII в., труды которого читались, цитировались и переводились за рубежом, побывал за границей (Турция, Греция) в далёких 1902–1903 гг. Сразу после Великой Отечественной войны и избрания в 1946 г. в члены-корреспонденты АН СССР многие коллеги и родственники обнадёживали С.И. Архангельского, что вот теперь-то его пустят в союзную Советскому Союзу по антигитлеровской коалиции Англию для работы в тамошних архивах. Не вышло... И вот срывалась поездка в Рим, куда историку предложили поехать, для чего запросили необходимые материалы и даже дали научные поручения, готовили его, и он готовился.

Академическим чиновникам из столицы было далеки чаяния провинциального историка. 29 августа 1955 г. Иностраннный отдел АН СССР иезуитски ответил, что «удовлетворить... *просьбу* [выделено нами – авт.] не предоставляется возможным в связи с... поздним обращением. Состав делегации укомплектован и 27.VIII.55 она выезжает в Рим» [З. Ф. 1530. Оп. 1. Д. 21. Л. 3]. То есть виноватым оказался сам С.И. Архангельский тем, что поздно обратился с просьбой, и ничего то, что ранее ему *предложили* поехать!

На самом деле, о том, что С.И. Архангельский не поедет в Рим, решено было ещё весной 1955 г. 22 марта 1955 г. было принято Постановление Отделения исторических наук АН СССР «О подготовке к X конгрессу историков в Риме». Была назначена комиссия – в составе академика А.М. Панкратовой, чл.-корреспондента АН СССР Б.А. Рыбакова, А.Л. Сидорова, С.И. Прасолова – по подготовке поездки советской делегации на конгресс. Из документа негласно следовало, что делегация составлялась из историков Москвы и Ленинграда [З. Ф. 450. Оп. 1. Д. 400. Л. 57]. Косвенным подтверждением этому предположению является и подготовка набора научных изданий советских историков для выставки на конгрессе в Риме. Формировался массив из книг и журналов академических учреждений Москвы, Ленинграда и союзных республик, а также Московского и Ленинградского университетов [З. Ф. 457. Оп. 1–1955. Д. 399. Л. 30–31]. Вузов РСФСР в этом перечне не было. 17 июня 1955 г. на заседании делегации на конгресс в Рим распределялись выступления советских делегатов в связи с докладами зарубежных историков. С.И. Архангельский там не упоминался вовсе [З. Ф. 457. Оп. 1–1955. Д. 399. Л. 22–26]. 12 июля 1955 г. на заседании Отделения исторических наук из-за подготовки к конгрессу Постановлением перенесли или вообще отменили запланированные монографии участников делегации [З. Ф. 450. Оп. 1. Д. 400. Л. 124]. Среди них фамилии С.И. Архангельского не значилось.

С С.И. Архангельским поступили грубо и оскорбительно. Сначала его зазывали на конгресс, а с марта 1955 г., когда чётко обозначились критерии отбора для включения в состав советской делегации, о члене-

корреспонденте АН СССР из Горького даже и не вспомнили. Не сочли нужным не то, что извиниться, но даже оповестить ни тогда, ни летом, а в августе ограничились бездушной и хамской отпиской. Реконструкция И.Н. Бороздиным событий, в ходе которых С.И. Архангельского вывели «за скобки», оказалась деликатной и более извинительной по отношению к организаторам поездки советской делегации историков на X конгресс в Рим, нежели реальное положение вещей.

Кому могла принадлежать инициатива предложения кандидатуры С.И. Архангельского для поездки на конгресс в Рим? Предложения-приглашения С.И. Архангельского, которое последовало в ноябре 1954 г., сразу после того, как было решено направить на конгресс советскую делегацию [З. Ф. 457. Оп. 1–1954. Д. 343. Л. 77, 104]. Исключительно логически, без имеющихся пока источниковых оснований, можно предположить, что это был Е.А. Косминский. Коллега С.И. Архангельского по изучению английского прошлого, состоявший с ним в дружеской переписке со второй половины 1920-х гг. (письма Е.А. Косминского С.И. Архангельскому хранятся в фондах второго в Центральном архиве Нижегородской области и Архиве РАН), он, который входил в состав делегации, мог замолвить за него слово осенью 1954 г. Самого Е.А. Косминского на приснопамятных заседаниях, где обсуждались детали и нюансы поездки советской делегации в Рим, по документам не фиксируется. Его там лишь упоминали в связи с тем или иным обстоятельством. Поэтому он мог долго и не знать о том, что С.И. Архангельский был исключен из группы советских историков. Об этом Е.А. Косминскому стало известно, наверное, уже в Риме.

Подтверждение тому читается в письме Е.А. Косминского С.И. Архангельскому от 8 сентября 1955 г.: «Состав делегации в Рим менялся несколько раз, то сокращался, то увеличивался. Я не совершенно не в курсе этих дел. Очень жаль, что Вы не поехали [так!]. В Риме было очень много работы и мало времени для ознакомления с городом. Мне к тому же приходилось беречь силы, и потому я не видел ни Флоренции, ни Неаполя, ни Венеции. От Рима несколько потрясающих впечатлений: церковь S.Pietro in Vincoli со статуей Моисея, Термы Диоклетиана с Национальной галереей [так!] скульптуры, памятник Гарибальди на холме с видом на весь Рим. Много не произвело ожидаемого впечатления, м.б. потому что примелькалось во множестве воспроизведений, кое что разочаровало – может быть потому, что осматривать приходилось наспех, между заседаниями, и не было времени постоять и вчувствоваться. Очень понравились итальянцы. Но масса попов, монахов и монахинь в рясах разных орденов. Против нашей гостиницы помешался «Банк Святого духа» – именно так – del [должно быть di] Santo Spirito – папский. Познакомился с Пальмиро Тольятти... Впечатление от конгресса скорее положительное. Не было отчуждения... Не обошлось без враждебных вылазок со стороны эмигрантов, но они пресекались. Были и дружеские встречи – со старыми английскими и польскими знакомыми, с новыми югославскими знакомыми» [З. Ф. 1530. Оп. 4. Д. 55. Л. 8–9].

Это дружеское, преисполненное чувствами, вызванными Римом, конгрессом, послание Е.А. Косминского, надо думать, растравливало душевную травму С.И. Архангельского, со времён учебы в университете неплохо знавшего итальянский язык и итальянскую историю и культуру. Да и общения с иностранными коллегами ему не хватало.

Одна из первых ярких поездок советских историков за границу сулила начало контактов, обнадёживало ожиданиями других иностранных командировок. И С.И. Архангельский мог на это надеяться и думать, что выберется за рубеж для общения с коллегами, работы в архивах.

В 1958 г. С.И. Архангельский умер. За границу он так и не выехал.

Список литературы

1. Агеева Н.Н. Портрет интеллектуала. К 165-летию рождения С.Ф. Фортунатова / Н.Н. Агеева, Т.Н. Иванова // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2015. – Т. 50. – С. 287–306.
2. Архангельский С.И. Народно-освободительное движение в Юго-Западной Европе в период Английской революции // Доклады и сообщения. Ин-та Истории АН СССР. – М., 1954. – Вып. 3. – С. 91–110.
3. Архив Российской академии наук.
4. Гришина Н.В. Миф о В.О. Ключевском в исторической науке конца XIX–XX вв. // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. Ун-та, 2010. – С. 115–124.
5. Свешников А.В. Миф о Грановском: попытка дискурсивного анализа // Тимофей Николаевич Грановский: идея всеобщей истории. Статьи. Тексты. – М.: ИВИ РАН, 2006. – С. 69–81.

Агеева Наталья Николаевна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет

им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

М.И. РОСТОВЦЕВ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация: в статье рассматриваются годы учебы и работы выдающегося отечественного антиковеда М.И. Ростовцева в Санкт-Петербургском университете. Автор прослеживает формирование научных интересов ученого, его становление как исследователя и педагога. В работе также дана характеристика педагогической деятельности М.И. Ростовцева, его взглядов на организацию научно-исследовательской работы студентов.

Ключевые слова: Ростовцев М.И.; Санкт-Петербургский университет; антиковедение; научно-преподавательская деятельность.

Санкт-Петербургский университет занимает особое место в биографии М.И. Ростовцева (1870–1952) – с ним было связано почти 30 лет жизни ученого: здесь определился круг его научных интересов, произошло его становление как исследователя и педагога.

Годы учебы в Петербурге были недолгими для Ростовцева, но очень значимыми. Первые два курса он закончил на историко-филологическом факультете Киевского университета, а в 1890 г. (в связи с тем, что его родители покинули Киев) он переводится на третий курс историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Именно здесь были заложены основы для будущей самостоятельной научной работы. За два года обучения М.И. Ростовцев получил фундаментальную подготовку в области классических языков и античной истории, а также прошел серьезную эпиграфическую школу под руководством выдающихся специалистов – И.В. Помяловского, П.В. Никитина, В.К. Эрнштедта и др. Большое влияние на молодого Ростовцева оказали Ф.Ф. Зелинский и Н.П. Кондаков.

По-видимому, именно на лекциях Ф.Ф. Зелинского Ростовцев усвоил ту концепцию классической филологии как науки, которой он впоследствии придерживался и которую развивал в своих трудах. Также к школе Зелинского восходит и ярко выраженное стремление в творчестве Ростовцева к масштабности, импрессивной манере панорамной трактовки наблюдаемых исторических фактов, познание прошлого через современность [9, с. 53]. Научные интересы Ф.Ф. Зелинского отличались необыкновенной широтой и разносторонностью, при этом наряду со специальными исследованиями в области античной культуры он отдавал много сил и времени ее популяризации, выступал как самый горячий пропагандист ее непреходящего гуманистического значения. Любовь к популяризаторской деятельности стала одной из причин дружбы этих двух ученых в годы их совместной работы. Впоследствии Ф.Ф. Зелинский посвятил М.И. Ростовцеву свой перевод Софокла [13, с. 510].

Еще большее влияние в студенческие годы на Ростовцева оказал выдающийся знаток византийского и древнерусского искусства Н.П. Кондаков. Спустя годы, находясь в эмиграции, М.И. Ростовцев так вспоминал об этом времени: «Когда я в 90-х годах попал студентом 3 курса в Петербургский университет, я был совершенным младенцем в области археологии, начинающим филологом классиком. Впервые об истории искусства и об археологии я услышал от Н.П., в его лекциях – не по его ближайшей специальности – об истории классического искусства. Н.П. уже тогда имел славу большого ученого, и, мы юные классики, смотрели на него с уважением, несколько смешанным со страхом. ... Но, очевидно, что атмосфера его лекций была заразительна, атмосфера того Музея древностей Петербургского университета, в котором затем протекала значительная часть моей научной жизни» [11, с. 211–212]. Именно Н.П. Кондаков познакомил М.И. Ростовцева с проблемами греческих и скифских памятников на территории России, научил рассматривать археологический материал как источник культуры, что, несомненно, обусловило впоследствии его интерес к скифским и греческим древностям и их влиянию на античную окраину России [1; 3].

Под непосредственным влиянием Н.П. Кондакова находился и кружок «фактопоклонников», сложившийся при Музее древностей и объединявший молодых исследователей – А.Н. Щукарева, Д.В. Айналова,

Я.И. Смирнова, С.А. Жебелева и др. М.И. Ростовцев тоже примыкал к ним: «Если не прямо от Н.П., то от того кружка, который создан в Музее древностей и где другим гениальным вдохновителем был Ф.Ф. Соколов, с которым мне не пришлось поработать, я воспринял его энтузиазм к древности, его любовь к памятникам, его метод к строгому и точному знанию. «Фактопоклонниками» звали членов этого кружка. Были ли они поклонниками фактов как таковых, я не знаю. Я таковым не сделался. Но от них и косвенно от их учителей я научился понимать, что первое в научной работе это строго и точно, по источникам после любовного их изучения, установить факты» [11, с. 212]. Со многими членами этого кружка (особенно Я.И. Смирновым и С.А. Жебелевым) Ростовцева будет связывать в дальнейшем многолетняя дружба и научное сотрудничество [6].

В 1891 г. Н.П. Кондаков предложил Ростовцеву как студенту, специализирующемуся по истории Рима, заняться в его семинарии изучением помпейской декоративной живописи. В результате этих занятий Ростовцев впервые заинтересовался настенной декоративной живописью и получил необходимые навыки работы. Впоследствии, явно под влиянием своих студенческих интересов, он обратился к изучению южно-русских древностей в области декоративной живописи. Результатом работы в этом направлении стало капитальное исследование «Античная декоративная живопись на юге России» (1914), за которое Ростовцев получил звание члена-корреспондента Берлинской академии наук. Для современной науки этот труд является не только оригинальным исследованием, но и ценнейшим источником по археологии юга России (ввиду того, что многие памятники, описанные ученым, безвозвратно погибли).

Два года, проведенные Ростовцевым в стенах Петербургского университета в качестве студента, стали для него определяющими в научном плане прежде всего благодаря влиянию учителей и сокурсников. Так он вспоминал о Я.И. Смирнове: «Что я взял от него лично и что через него от Н.П., я не знаю, но эти влияния сыграли рядом с другими немалую роль в моей жизни. Я впервые стал ощущать, что без археологии в истории далеко не уйдешь. И это, конечно, шло прямо от Н.П. Чистым археологом я не сделался, как не сделался и классическим филологом. Но я пытался и пытаюсь быть историком древности, понимание которого основано и зиждется на археологии и классической филологии» [11, с. 212].

После окончания обучения в 1892 г. (с дипломом I степени и золотой медалью за экзаменационное сочинение) Ростовцев был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию. Успешно сдав магистерские экзамены, он совершает длительную заграничную стажировку, в ходе которой завершает работу над диссертацией по истории государственного откупа в Римской империи. Блестяще защитив ее в 1899 г., он получает звание магистра римской словесности и зачисляется в штат университета. А в 1903 г. М.И. Ростовцев защищает уже докторскую диссертацию по теме «Римские свинцовые тессеры» (с присвоением степени доктора римской словесности). Такая стремительная карьера, ставшая возможной благодаря необыкновенному трудолюбию, упорству молодого ученого, его стойкости в преодолении различных трудностей

(в том числе и материальных), даже вызвала некоторую зависть среди его друзей [9, с. 58].

Дальнейшие годы работы М.И. Ростовцева в России (вплоть до эмиграции 1918 г.) неразрывно были связаны с Петербургским университетом. Несмотря на свою интенсивную научную деятельность, он отдавал много сил и времени преподавательской работе. Кроме университета он также преподавал и на Высших женских (бестужевских) курсах, куда приглашались ведущие профессора (так же как и на Высших женских курсах в Москве [4, с. 290]). В воспоминаниях учеников М.И. Ростовцев остался прежде всего как пылкий и увлеченный оратор на лекциях [8, с. 242], но при этом сосредоточенный и скрупулезный исследователь на семинарских занятиях. Один из его учеников отмечал впоследствии, что «не было ни одного профессора на нашем факультете, который мог сравниться с Ростовцевым в умении научить студентов научно работать над первоисточниками» [7, с. 162]. Позднее работы одной из учениц Ростовцева, видного советского историка М.Е. Сергеенко, по истории римского сельского хозяйства стали в отечественном антиковедении примером тщательного исследования источников.

В своих учениках Ростовцев стремился прежде всего пробудить интерес к самостоятельной исследовательской деятельности: «Искать и находить» – это было лозунгом университетов, и в эту работу мы старались включить и студентов. На студентов мы смотрели, может быть, ошибочно, как на наших младших коллег, которые знают, к чему мы стремимся и готовы идти с нами по пути... Русский университет никогда не был фабрикой, налагающей штамп образованного человека на молодых людей; никогда не был он и механическим соединением нескольких профессиональных школ. Мы твердо держались того убеждения, что университет есть именно «Universitas», т. е. нечто единое, группа искателей истины разных специальностей, владеющая сама достижениями теоретического научного знания и дающая доступ к этому знанию и пониманию научного метода, которым это знание достигается, молодым людям, этого знания и этого метода ищущим» [12, с. 95–96]. Основной задачей университетов М.И. Ростовцев считал не только давать России интеллигенцию, но и готовить и формировать кадры русских ученых. Он неоднократно подчеркивал особую роль университетов в интеллектуальной и общественной жизни России [2].

В университете М.И. Ростовцев читал целый ряд курсов по истории античности, вел семинары по эпиграфике, археологии Запада и Северного Причерноморья. С 1914 г. он дает первый в Петербургском университете самостоятельный специальный курс по истории Боспорского царства. В его лекциях с полной силой проявились характерные черты, свойственные ему как историку: широкое и смелое применение сравнительно-исторического метода в области изучения социально-экономической истории древнего мира, а также стремление к синтезу разнородных дисциплин и детальному изучению всего спектра источников [9, с. 60]. Материалы его лекционных курсов позволяют также проследить развитие его исторических взглядов, формирование научных интересов [14].

М.И. Ростовцев всегда активно привлекал для преподавательской работы материалы своих научных исследований. Благодаря этой деятельности он научился ясно, научно обосновывать исследования исторического развития, что обеспечивало высокий уровень его научных изысканий, научился точно объяснять и расшифровывать старые памятники, заложив основу совершенно нового стиля комментария таблиц, картин, набросков древних научных трудов [15, с. 336].

С годами М.И. Ростовцев приобрел педагогический опыт, и его деятельность на этом поприще заслужила высоких оценок современников: «Он является ... не только высокоталантливым лектором, привлекающим аудиторию как строгой научностью, так и живым блестящим изложением своих лекций, но и мастерским руководителем учащейся молодежи, одинаково умело направляющим ее занятия и приучающим ее работать самостоятельно» [5, с. 223].

Таким образом, М.И. Ростовцев, как и большинство русских историков кон. XIX – нач. XX в., удачно сочетал преподавательскую деятельность и плодотворную научную работу. Более того, он остался верен этому и оказавшись в эмиграции, продолжая тем самым традиции петербургской школы антиковедения.

Список литературы

1. Агеева Н.Н. Концепция исторического развития Юга России в античный период в трудах М.И. Ростовцева // Вестник Чувашского университета. – 2007. – №3. – С. 9–15.
2. Агеева Н.Н. М.И. Ростовцев о роли университетов в России // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.). Проблема изучения: сб. ст. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – С. 434–438.
3. Агеева Н.Н. О некоторых аспектах исторической концепции М.И. Ростовцева // Вопросы гуманитарных наук. – 2002. – №3. – С. 13–15.
4. Агеева Н.Н. Портрет интеллектуала: к 165-летию С.Ф. Фортунатова / Н.Н. Агеева, Т.Н. Иванова // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2015. – №50. – С. 287–306.
5. Академик М.И. Ростовцев (к портрету) // Гермес. – 1917. – №15–16. – С. 220–224.
6. Алипов П.А. А. Мау, Н.П. Кондаков и М.И. Ростовцев: к вопросу о научной кооперации историков // Вестник РГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2017. – №1 (7). – С. 28–38.
7. Анциферов Н.П. Из дум о былом. – М.: Феникс, 1992. – 512 с.
8. Быкова Т.А. Историческое отделение Высших женских (бестужевских) курсов // С.-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы. – Л., 1973. – С. 90–96.
9. Зуев В.Ю. М.И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман. – М.: РОССПЭН, 1997. – 623 с.
10. Привалова Е.П. Как мы учились // С.-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы. – Л., 1973. – С. 240–248.
11. Ростовцев М.И. Странички воспоминаний // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы. – М.: Индрик, 2002. – С. 211–213.
12. Ростовцев М.И. Университеты и большевики // Ростовцев М.И. Избранные публицистические статьи. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 90–98.
13. Ярхо В.В. Ф.Ф. Зелинский – переводчик Софокла // Софокл. Драммы. – М.: Наука, 1990. – С. 502–530.
14. ЦГИА. Ф. 1041. Оп. 1. Ед. хр. 17–22.
15. Christ K. Von Gibbon zu Rostovtzeff. – Darmstadt, 1972. – 384 s.

Агеева Наталья Николаевна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ ФОРТУНАТОВ: ШТРИХИ К БИОГРАФИИ

***Аннотация:** в статье представлен краткий обзор жизни и деятельности крупного отечественного исследователя в области лимнологии Михаила Алексеевича Фортунатова (1899–1984). Автор выделяет основные вехи жизненного пути ученого, прослеживает становление его научных интересов, отмечает основные заслуги в области лимнологии. В работе также отмечается, что М.А. Фортунатов принадлежит к знаменитой династии Фортунатовых, давшей стране целую плеяду замечательных ученых и педагогов.*

***Ключевые слова:** Михаил Алексеевич Фортунатов; династия Фортунатовых; лимнология; Институт биологии внутренних вод; научно-исследовательская деятельность.*

В этом году исполняется 120 лет со дня рождения видного ученого лимнолога Михаила Алексеевича Фортунатова (1899–1984). М.А. Фортунатов принадлежит к знаменитой династии Фортунатовых, давшей стране целую плеяду замечательных ученых и педагогов [1; 2]. Жизнь и научно-исследовательская деятельность М.А. Фортунатова совершенно не изучены в отечественной историографии. Данная публикация основана на архивных материалах, любезно предоставленных его внучатой племянницей Ниной Игоревной Фортунатовой. Прежде всего, это автобиография ученого, написанная им в 1979 г., список научных работ, статей и рецензий, опубликованных за период 1925–1979 гг., его письма, а также черновики неоконченной рукописи Игоря Константиновича Фортунатова «Жизнь и творчество Михаила Алексеевича Фортунатова».

Михаил Алексеевич был последним, восьмым ребенком в семье Алексея Федоровича Фортунатова (1856–1925), известного ученого в области статистики и географии сельского хозяйства. А.Ф. Фортунатов долгие годы был одним из ведущих профессоров Петровской сельскохозяйственной академии, однако после закрытия старой Петровской Академии в 1894 г. он был вынужден покинуть Москву и в течение восьми лет преподавать сначала в Новоалександрийском сельскохозяйственном, а затем в Киевском политехническом институтах. Именно в Киеве 25 ноября 1899 г. и родился Михаил Алексеевич [8, л. 1]. В 1902 г. А.Ф. Фортунатов вернулся в Москву, где и прошло детство Михаила. Отец оказал огромное влияние на формирование его личности и круга интересов. Квартира Фортунатовых находилась в одном из корпусов Петровской Академии, и с ранних лет мальчик привык общаться в кругу преподавателей и студентов: «Все они хорошо знали любознательного, смелого, общительного и независимого Мишу Фортунатова и, встречая его в пар-

ке на прогулках, не упускали случая поговорить с ним, умело развивая в нем стремление к самостоятельному мышлению» [6, л. 11–12].

В 1917 г. М.А. Фортунатов поступил в Петровскую сельскохозяйственную академию, где три года учился на агрономическом отделении, а затем еще три года на отделении рыбоведения. После окончания академии он несколько месяцев работал в Керченской ихтиологической лаборатории, а затем получил назначение на озере Севан, где с 1924 по 1931 г. был директором Севанской озерной станции [8, л. 2]. За эти годы станция развернула активные экспедиционные работы на многих озерах Армении, Азербайджана и Грузии (во многих экспедициях Михаил Алексеевич участвовал лично), вела деятельность по разведению озерной форели. Результаты лимнологических исследований были изложены молодым ученым в ряде публикаций [5].

В начале 1931 г. Севанская станция была передана из системы Наркомзема и Наркомснаб, и М.А. Фортунатова переводят в Москву в Центральный институт рыбного хозяйства, а с января 1932 г. он получает назначение в Тихоокеанский институт рыбного хозяйства для организации его Камчатского отделения. Проведя необходимую подготовительную работу в Москве по подбору персонала, приобретению оборудования и комплектованию научной библиотеки, в июне 1932 г. Михаил Алексеевич прибывает в Петропавловск-Камчатский [8, л. 3]. Здесь он приступает к активной работе по организации Камчатского отделения и проведению исследовательских работ, в частности по изучению мест размножения лососевых рыб. Однако в апреле 1933 г. М.А. Фортунатов был арестован и осужден на 10 лет по т.н. делу «Автономная Камчатка» [7]. В местах заключения он находился с апреля 1933 г. по ноябрь 1945 г., полностью реабилитирован был в 1957 г [8, л. 4].

С 1946 г. Михаил Алексеевич получил возможность вернуться к работе по специальности – он был назначен заведующим лабораторией ихтиологии Аральской научной рыбохозяйственной станции ВНИРО. На Аральском море и в дельтах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи он проработал несколько лет, однако в 1951 г. был сослан в Богучанский район Красноярского края [8, л. 5]. После освобождения в 1956 г. он поступает младшим научным сотрудником на биологическую станцию «Борок», преобразованную в 1957 г. в Институт биологии водохранилищ (с 1962 г. – Институт биологии внутренних вод Академии наук СССР), с которым будет связана вся его дальнейшая научная деятельность [4]. В 1961 г. М.А. Фортунатову была присуждена степень доктора биологических наук.

Научные интересы М.А. Фортунатова были достаточно широкие: типизация и классификация внутренних водоемов (особенно водохранилищ), изучение меромиктических озер и др. Он был руководителем целого ряда экспедиционных работ в разных районах страны. Одно из центральных мест в его научно-исследовательской деятельности занимало изучение бассейна реки Волги (от истока до устья) и водохранилищ Волжско-Камского каскада [8, л. 6–8]. Результатом этих многолетних исследований стала коллективная монография «Волга и ее жизнь» (1978), переведенная в 1979 г. на английский язык и изданная в Нидерландах. Общее количество научных работ Михаила Алексеевича – более 110 (без учета газетных публикаций, которых впрочем у него было не-

много – как он сам отмечал в одном из своих писем: «Деятельностью газетного журналиста я никогда не увлекался и не считал ее серьезным занятием. Может быть, если бы существовала газета в том стиле, которым отличались «Русские ведомости», то я тоже не пренебрегал бы газетной деятельностью» [4, л. 2]).

М.А. Фортунатов активно занимался общественной деятельностью, состоял членом нескольких обществ и научных советов: Географического общества СССР, Всесоюзного гидробиологического общества, общества испытателей природы при Московском государственном университете, научного совета по проблемам гидробиологии, ихтиологии и биологического продуцирования водоемов, научного совета по комплексному изучению водоемов при Государственном Комитете по науке и технике, а также международного объединения по теоретической и практической лимнологии (SIL – International Society of Limnology).

Скончался Михаил Алексеевич 5 июня 1984 г. в городке Борок Ярославской области, научном центре Академии наук. Его научные заслуги, общественная деятельность, а также биография, в которой отразились все перипетии, через которые прошла российская интеллигенция в XX в. заслуживают самого пристального внимания и дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Агеева Н.Н. Портрет интеллектуала: к 165-летию С.Ф. Фортунатова / Н.Н. Агеева, Т.Н. Иванова // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2015. – №50. – С. 287–306.

2. Иванова Т.Н. Род Фортунатовых: фортуна в колесе российской истории XVIII–XXI вв. / Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2019. – №66. – С. 392–404.

3. Лаборатория гидрологии и гидрохимии. // Институт биологии внутренних вод им. И.Д. Папанина РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://ibiw.ru/index.php?p=sub&id=4&lang=ru>

4. Письмо М.А. Фортунатова к И.К. Фортунатову. 3 л. // Личный архив Н.И. Фортунатовой.

5. Список научных работ, статей и рецензий, опубликованных М.А. Фортунатовым за период 1925–1979 гг. 12 л. // Личный архив Н.И. Фортунатовой.

6. Фортунатов И.К. Жизнь и творчество Михаила Алексеевича Фортунатова. 22 л. // Личный архив Н.И. Фортунатовой.

7. Фортунатов М.А. Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.memo.ru/person/show/1348329>

8. Фортунатов М.А. Автобиография. 11 л. // Личный архив Н.И. Фортунатовой.

Бараматов Александр Иванович

начальник

ФГКУ «1 отряд ФПС по Чувашской Республике–Чувашии»

соискатель ист. наук

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет

им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

Минеева Елена Константиновна

д-р ист. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет

им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОТ ПОЖАРНОГО ДО НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ М.А. ШАРКО

***Аннотация:** на основании новых архивных источников и редких опубликованных материалов, а также воспоминаний родственников и ветеранов пожарной охраны Чувашии в статье рассмотрены начальные этапы становления самостоятельной военизированной пожарной охраны республики. Авторами, кроме того, привлечены материалы современных полевых исследований авторов.*

***Ключевые слова:** Чувашская Республика, пожарная охрана, противопожарная служба, Шарко М.А., самостоятельная военизированная пожарная команда.*

Шарко Максим Алексеевич – начальник отдела пожарной охраны НКВД – МВД Чувашской Республики в 1939–1956 годах. По материалам, имеющимся в музее пожарной охраны Чувашии и других источниках, долгое время ошибочно считалось, что его отчество было Яковлевич.

Биография М.А. Шарко практически не изучена. Имеются фрагментарные данные о его жизни и деятельности в экспозициях Центра противопожарной пропаганды и общественных связей ФГБУ «5 отряд федеральной противопожарной службы по Чувашской Республике – Чувашии», частично в брошюрах, посвященных истории пожарной охраны республики, а также в рассекреченных архивных материалах Министерства внутренних дел по Чувашской Республике. Цель данной статьи – на основе открывшихся новых источников восстановить биографические данные, реконструировать исторический портрет М.А. Шарко, прошедшего путь от пожарного до начальника управления.

Максим Алексеевич родился 10 апреля 1905 г. в деревне Нижняя Солонка Изюмского района Харьковской области и был четырнадцатым сыном в семье. Родители его до революции занимались крестьянством, хозяйство семьи было бедным. Образование он получил низшее, окончил всего четыре класса начальной школы. Работать М.А. Шарко начал по найму с 13-летнего возраста у кулаков на хуторе. В 1932 г. он устроился на работу бойцом пожарной охраны завода Ростсельмаш г. Ростова-на-Дону. С ноября 1932 г. по март 1934 г. обучался в школе военизиро-

ванной пожарной охраны НКВД им. Куйбышева в г. Ленинграде. После ее окончания был направлен в г. Туапсе Краснодарского края на нефтеперегонный завод на должность помощника начальника ведомственной пожарной команды. В 1939 г. по окончании Курсов усовершенствования командного состава военизированной пожарной охраны НКВД СССР в г. Ленинграде был направлен в Чувашскую АССР на должность начальника отдела пожарной охраны [4, с. 25]. Для того времени было характерным явлением направление специалистов из центра в национальные регионы страны для укрепления не только их кадрового потенциала, но и для подъема экономики несколько отстававших по сравнению с центральными областями советского государства национально-территориальных автономий.

Из воспоминаний дочери З.М. Шарко становится явным, что ее отец был благородным, высоконравственным человеком, который, став «...пожарным, дослужился до звания майора и должности начальника Отдела пожарной охраны МВД, то есть главного пожарного Чувашской Республики, депутата городского совета...». Дочь уточняет то, что М.А. Шарко совершил на пожарном поприще несколько героических подвигов, за что был награжден орденом Боевого Красного Знамени и Красной Звезды не в боях, не будучи на фронте [7, с. 1].

Несмотря на заслуги перед государством и обществом, заслуженно отмеченные органами государственной власти, а он неоднократно награждался орденами и медалями («За боевые заслуги», «За победу над Германией», «XXX лет Советской армии и флоту» и др.) [1], он оставался очень радушным и простым человеком, которому не чужды были заботы о семье, внуках, хозяйстве и т. п. Так, выйдя на пенсию, он много лет прожил у дочери в Ленинграде, где нянчил внуков, готовил еду, выступал в роли управляющего хозяйством, столяра, плотника, проявлял заботу о семье в целом. Самым большим праздником в его жизни было посещение цирка, который смотрел М.А. Шарко, как ребенок, и обязательно несколько раз во время представления плакал – от восхищения увиденным, от мастерства, ловкости, но больше всего от клоунов. Он умел и любил радостно реагировать на события, он был оптимистом, вселяя теплые чувства в близких ему людей.

Шарко Максим Алексеевич в должности начальника отдела пожарной охраны республики проработал с марта 1939 года по май 1956 года [4, с. 499]. Время работы Шарко М.А. совпало с военизацией пожарной охраны Чувашии. История создания первой военизированной пожарной части связана с началом деятельности завода №320. Такой номер присвоили в Наркомате боеприпасов СССР. По инициативе и при непосредственном участии Шарко М.А. 22 декабря 1941 года, на основании приказа НКВД СССР №001829/к «О формировании СВПК завода №320» создается самостоятельная военизированная пожарная команда. До этого на стройке завода была лишь пожарно-сторожевая команда [3, с. 6].

Материально-техническая база созданной пожарной части начала формироваться со строительства здания, фундамент которого был заложен в 1938 году по адресу: город Чебоксары, площадь Победы, дом 7. До

февраля 1942 года на вооружении огнеборцев был только конно-бочечный ход. С поступлением в республику пожарных автоцистерн ПМГ-1 и ПМЗ-1 необходимость в содержании лошадей отпала.

На основании распоряжения начальника отдела пожарной охраны НКВД Чувашской АССР Шарко М.А. от 28 февраля 1942 г. №13/290/к временно исполняющим обязанности начальника пожарной части завода был назначен военный техник 2 ранга Кисленко Петр Илларионович, который вступил в должность 2 марта 1942 года [2].

Шарко Максим Алексеевич умер 26 ноября 1974 года. Похоронен на кладбище №2 в городе Чебоксары [6, с. 1]. По инициативе А.И. Бараматова могила найдена и облагорожена. Почетная обязанность за ее содержанием возложена на личный состав 1 пожарно-спасательной части ФГКУ «1 отряд федеральной противопожарной службы по Чувашской Республике–Чувашии».

Список литературы

1. Архив Министерства внутренних дел по Чувашской Республике. – Ф. 128 Оп. 1.
2. Архив музея ОАО «Чебоксарское производственное объединение имени В.И. Чапаева».
3. Ветераны пожарной охраны 1 отряда. 75 лет ВПЧ-1 / Н.Г. Спиридонов, К.Н. Ванюшкина (Спиридонова). – Чебоксары: Новое время, 2016. – 72 с.
4. Нягина О.В. Память через годы / О.В. Нягина, А.И. Бараматов, В.Ю. Алексеев. – Канаш: Канашский издательский дом, 2017. – 98 с.
5. Огнеборцы Поволжья. Очерки, статьи, воспоминания / авт.-сост. В.В. Смирнов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. – 544 с.
6. Петров А.Н. Интервью, 30.04.2017 // Полевые исследования авторов.
7. Шарко З.М. Интервью, июнь 2015 // Полевые исследования авторов.

Боголюбов Сергей Александрович

д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
г. Москва

ОЛЕГ СТЕПАНОВИЧ КОЛОБАСОВ – УЧЕНЫЙ МИРОВОГО УРОВНЯ

Аннотация: в статье идет речь о родившемся, выросшем в Республике Чувашии, ставшем членом-корреспондентом Российской Академии наук Олеге Степановиче Колбасове. Ученый соединял крупные теоретические исследования с практикой; его разнообразное творческое наследие прославляет отечественную экологическую правовую науку во всемирном масштабе, остается в истории.

Ключевые слова: экологическое право; Чебоксары; ученый; Российская Федерация; экологический суд; наука.

Ученым мирового уровня был Олег Степанович Колбасов, родившийся в 1927 году и проведший детство в Чебоксарах, никогда не порыв-

вавший связей со своей родиной, где всю свою жизнь прожили его мать и его родная сестра. Член Международного Экологического Суда, член-корреспондент Российской Академии наук, заместитель директора Института государства и права РАН, заместитель министра охраны окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации – этот волжанин внес достойную лепту в развитие отечественной и мировой эколого-правовой науки.

Служба в пограничных войсках и прокуратуре, учеба в аспирантуре Ленинградского государственного университета, организация и проведение всесоюзных конференций и международных симпозиумов, регулярность теоретических соединенных с эмпирическими исследований, выработали в нем трудолюбие, знание жизни, добросовестность, снискали авторитет в России и за рубежом. Известны концептуальные работы О.С. Колбасова, работоспособность, обращение к актуальным природоохранным, природоресурсным проблемам современности, неравнодушный подход к становлению новой отрасли знаний, науки, законодательства – экологического права, охватывающего нормы Земельного, Лесного, Водного, Градостроительного кодексов, федеральных законов о животном мире, об охране окружающей среды, об экологической экспертизе, об особо охраняемых природных территориях, о недрах, об охране атмосферного воздуха, экологизированные нормы других отраслей права.

Активное участие принял О.С. Колбасов в составлении и обсуждении Водного кодекса в начале 1970-х годов: руководителем рабочей группы и комиссии по его подготовке был заместитель председателя Президиума Верховного Совета РСФСР председатель Президиума Верховного Совета Чувашской АССР С.М. Ислуков; мне довелось быть ответственным секретарем этой комиссии и видеть, как Олег Степанович, написавший, защищающий докторскую диссертацию о развитии водного законодательства Союза ССР, вносил немало предложений о формулировании норм, категорий, институтов водного права, редактировал предложения, поправки членов рабочей группы, экспертов, депутатов, консультировал участников заседаний Верховного Совета РСФСР.

К этому времени относится ознакомление в Чувашии с ведением водного хозяйства, приемами борьбы с оврагами, предупреждения их образования, иными способами осуществления водной мелиорации, охраны в коллективных и государственных хозяйствах зеленых насаждений, лесов, пчелиных пасек, плантаций хмеля, иных компонентов природы в Республике, с проблемами сооружения, принятия в эксплуатацию Чебоксарской гидроэлектростанции, затопления левобережных лугов, подготовки городов, других населенных пунктов к повышению уровня вод реки Волги.

В известной монографии О.С. Колбасова «Экология: политика – право» 1976 г., во многом основанной на примерах Чувашской АССР, среди принципов правовой охраны окружающей среды в СССР предусматривалось поддержание строгого правопорядка и режима законности, когда юридические требования охраны окружающей человека природной сре-

ды являются в равной степени обязательными как для отдельных граждан, так и для должностных лиц всех рангов, для коллективов предприятий, организаций, учреждений: нарушения этих требований преследуются по закону, виновные в их совершении лица подлежат наказанию в установленном порядке.

При рассмотрении гарантий права граждан на благоприятную среду обращалось внимание на потенциальную возможность каждого обратиться за помощью к компетентным государственным органам, о праве прийти за защитой для устранения помех, препятствующих осуществлению его права; автор видел в тот период доминирование и преимущества административного порядка защиты права каждого на благоприятную окружающую среду в отличие от судебных западных моделей. «Критического анализа заслуживает механизм юридической ответственности – писал О.С. Колбасов, – то есть система норм-санкций и деятельность правоприменительных, судебных учреждений. Немаловажное значение имеет профилактика правонарушений в рассматриваемой области отношений, состояние которой нуждается в теоретическом освещении и обосновании» [1, с. 85–86, 225–226].

Участвуя в разработке и обсуждении основ земельного, водного, лесного законодательства Союза ССР и союзных республик, земельных, водных, лесных кодексов союзных республик в 1970-х гг., О.С. Колбасов обсуждал и шлифовал разделы о юридической (дисциплинарной, административной, уголовной, гражданско-правовой) ответственности за преступления и иные «экологические правонарушения, о рассмотрении споров по поводу природных ресурсов и объектов в административном, судебном порядке.

Активно участвуя в международном экологическом сотрудничестве, став членом Международного Экологического Суда, бывая в США, в ФРГ, в других зарубежных государствах, О.С. Колбасов интересовался практикой рассмотрения экологических дел, знакомился с умелым участием профессоров-юристов в судебных процессах, изучал массовое распространение на основании законодательства об административных процедурах порядок возбуждения, содержание судебных исков граждан, их объединений по поводу нарушающего их благополучие строительства, бездействия либо не соответствующих законам действий природоохранных учреждений, правоохранительных органов, ущемляющих природную среду обитания в городах.

При разработке проблем водопользования и правовой охраны окружающей среды в нашей стране О.С. Колбасовым уделялось внимание повышению раскрываемости правонарушений, защите прав граждан на природные объекты и благоприятную окружающую среду, становлению правосудия в области экологии, что было достаточно новым для того времени. Отмечая достижения правотворчества, О.С. Колбасов призывал сосредотачивать внимание не столько на создании, критике правовых норм, сколько на анализе условий их применения, механизмах действия; можно считать его наряду с проф. МГУ им. М.В. Ломоносова В.В. Петровым основоположником названия, структуры, наполнения учебной дисциплины «экологическое право».

Ознакомление с практикой охраны природы в Казахстане, применения правил охоты и рыболовства в Московской и других областях, деятельностью государственных и общественных природоохранных инспекций, добровольных народных дружин позволяло делать выводы о недостаточной согласованности их с дознанием, следствием, судом, доминировании административных над иными правонарушениями (что отражало степень их общественной вредности, опасности), о необходимости усиления контрольно-надзорной деятельности с надлежащим сбором, оформлением и представлением доказательств, преодоления высокой латентности экологических правонарушений, хищничества [7, с. 72–75, 222–223].

Регулярными были встречи и дискуссии Олега Степановича со слушателями институтов повышения квалификации работников юстиции, прокуратуры, Академии и университета МВД, с судьями Конституционного, Верховного, Высшего Арбитражного Судов РФ. Через неделю после назначения в октябре 1993 г. коллеги по экологическому праву депутата Верховного Совета А.И. Казанника Генеральным прокурором РФ О.С. Колбасов был у него на приеме по поводу активизации деятельности прежних и создания новых природоохранных прокуратур, организации обучения, эколого-правового образования их сотрудников. При непосредственном участии О.С. Колбасова в Москве и С.-Петербурге были созданы и некоторое время функционировали общественные экологические организации для помощи гражданам в их обращениях в государственные и муниципальные учреждения – «чтобы превратить потоки жалоб в потоки исков».

Поучительной была способность О.С. Колбасова принаравливаясь к аудитории, передавать ей энтузиазм и теоретический потенциал, будь то члены и сотрудники аппаратов законодательных органов, судьи, юннаты-подростки в костромских лесах, лесничие в национальном парке США, педагоги на курсах повышения квалификации в Чебоксарах, лекторы общества «Знание» в Сочи, студенты, магистры и преподаватели Кембриджского университета (для чего пришлось подтянуть английский язык – чтобы выступать на нем). Современными, услышанными в мировом сообществе, связанными с практикой остаются соображения О.С. Колбасова, высказанные в 1990-х в его комментариях к федеральным законам, статьях в академическом журнале [2, с. 49–55; 3, с. 107–117; 4, с. 158–159]; некоторые проблемы четвертьвековой давности продолжают требовать своего решения и в настоящее время, получают отражение в решениях Федерального Собрания, Президента РФ, Государственного Совета РФ.

Практичность хорошей теории доказывалась Олегом Степановичем постоянно в должностях старшего научного сотрудника, заведующего сектором, заместителя директора ИГиП РАН, в качестве активного и профессионального участника правотворческого процесса в национальном и международном масштабе; поэтому приглашение Министром охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ В.И. Даниловым-Данильяном на должность своего заместителя было понятным и оправданным – три года выполнения ответственных поручений и заданий,

ответы на запросы предприятий, учреждений, органов местного самоуправления, судов, прокуратур, многочисленные обращения граждан и других правоприменителей, организация подготовки и подписания договоров между РФ и субъектами РФ, государственными органами исполнительной власти РФ и субъектов РФ в области охраны окружающей среды и природопользования, консультирование представителей законодательной, исполнительной, судебной власти прибавляли опыта, способствовали сплыву российской и мировой науки, теории и практики.

Активным было пребывание О.С. Колбасова в Республике Чувашия в середине 1990-х: выступления в районах, полемика в министерстве экологии, лекции, дискуссии, консультации в трудовых коллективах, беседа с главой Республики Н.В. Федоровым, встречи с родственниками, знакомыми, одноклассниками не позволяли поддаваться пессимизму от тяжелой смертельной болезни, повышали жизненный тонус, стимулировали необходимость рассмотрения и решения жизненно важных правовых проблем в сфере организации рационального природопользования и охраны окружающей среды, поиска конкретных путей их совершенствования.

Характеризуют О.С. Колбасова инициативное и порой бескомпромиссное участие в подготовке проекта нового Водного кодекса РФ 1995 г., комментировании его после принятия Государственной Думой (не воспринявшей некоторые его авторские концепции), скрупулезная требовательность к составлению текстов и продумыванию, оценке последствий реализации законоположений, ведение разнообразных наблюдений и записей в большой разлинованной тетради, работа – в прямом смысле слова – до последнего вздоха, вплоть до составления «завещания юристам-экологам», переданного нам в руки в январе 2000 года за день до смерти [5, с. 74; 6, с. 11].

Не все получалось, как задумывалось – за отсутствием достаточного количества исков и дел не сформировалась система российских экологических судов, специализация судей на экологии остается желать лучшего; не упорядочились должным образом разграничение и перераспределение природоохранных полномочий между РФ, ее субъектами и местным самоуправлением, по поводу которого порой высказывался скептицизм; удален из российского законодательства муниципальный экологический контроль, хотя кое-где он все-таки показал свою конструктивные потенции и продолжает их демонстрировать путем осуществления органами местного самоуправления земельного, водного контроля, участия в мероприятиях по охране окружающей среды.

Но по-прежнему остаются примером настойчивость, трудолюбие, поиски российского ученого из Чувашии, сочетание им теории и эмпирики в научной и педагогической деятельности, подготовка десятков аспирантов, кандидатов юридических наук, сотен публикаций. В сентябре 2001 г. в зале заседаний Госсовета в Чебоксарах впервые состоялась масштабные «Колбасовские чтения», продолженные в Присурском государственном биосферном заповеднике, отраженные затем в многостраничных изданных материалах докладов, тезисов, сообщений специалистов.

Регулярно конференции с международным участием, выпуском сборников выступлений под названием «Колбасовские чтения» проходят в Москве в Российском государственном университете правосудия, где О.С. Колбасовым была создана, возглавлялась, развернулась кафедра экологического и земельного права: его жизненный путь фронтовика, биография сына необоснованно репрессированного в 1938 г. партийного работника, не устаревающие труды продолжают присутствовать в нашем сознании и в действительности, остаются в памяти настоящего и будущих поколений, составляют их непреходящую историю.

Список литературы

1. Колбасов О.С. Экология: политика – право. – М.: Наука, 1976. – 230 с.
2. Колбасов О.С. Авария на трубопроводе – экологический конфликт (анализ арбитражного дела) // Государство и право. – 1993. – №12.
3. Колбасов О.С. Возмещение гражданам экологического вреда // Государство и право. – 1994. – №10.
4. Колбасов О.С. Международный экологический суд // Государство и право. – 1996. – №5.
5. Колбасов О.С. Завещание экологам // Журнал российского права. – 2000. – №5.
6. Колбасов О.С. Завещание экологам // Экологическое право. – 2001. – №3.
7. Эффективность юридической ответственности в охране окружающей среды. Монография / С.А. Боголюбов, О.Л. Дубовик, Н.Г. Жаворонкова [и др.]; под ред. О.С. Колбасова, Н.И. Краснова. – М.: Наука, 1985. – 225 с.

Васильева Ольга Николаевна

соискатель, руководитель центра профориентации
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ЧУВАШСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ (1920–1925 гг.) СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИКО- БИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация: в статье анализируются историко-биографические исследования, посвященные высшему партийному составу, руководителям областных и уездных органов власти Чувашской автономной области (1920–1925 гг.). Выделяются характерные черты биографистики в советской и современной историографии. Показывается недостаточная изученность жизни и деятельности многих видных государственных деятелей первой половины 1920-х годов.

Ключевые слова: Чувашская автономная область; Революционный комитет; Чувашский облисполком; Чувашский обком РКП(б); Эльмень Д.С.

В переходные периоды исторического процесса особое значение приобретает роль личностей, стоявших во главе движений, обществ, государств. Для чувашского народа таким переломным событием стало об-

разование собственной автономии в составе РСФСР. Поэтому важно знать, что за люди находились в руководстве Чувашии в первые годы ее существования, кто и как определял ее развитие. Между тем на протяжении длительного периода времени развитие отечественной историографии истории Чувашской автономной области характеризовалось полным отсутствием научных трудов биографического плана о видных политических деятелях первой половины 1920-х годов. Можно отметить лишь газетные публикации (они не рассматриваются в настоящей работе) и опубликованные воспоминания таких известных деятелей, как член Революционного комитета В.А. Алексеев, председатель Областного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (далее – Облисполком) С.А. Коричев, военный комиссар И.Е. Ефимов о революционных годах и времени образования автономии.

Подлинный перелом в биографическом жанре произошел в первой половине 1980-х годов, когда авторским коллективом под руководством А.В. Изоркина (им же написаны большинство очерков) был подготовлен целый ряд историко-биографических очерков под общим названием «Они боролись за счастье народное» об уроженцах Чувашии, а также выходцев из других мест, оставивших заметный след в становлении и развитии ее государственности, победе советского строя на территории республики. Сборники, рекомендованные к печати Чувашским научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, были изданы Чувашским книжным издательством. В первом выпуске, увидевшем свет в 1980 г. и приуроченном к 60-летию юбилею Чувашской АССР, были опубликованы 36 очерков о «пламенных сынах партии», в том числе биографии руководителей областных и уездных органов власти, а также партийных деятелей. Из книги можно получить информацию об основных вехах жизни председателя Ревкома, первого председателя Облисполкома и ответственного секретаря Чувашского обкома партии (здесь и далее называются наиболее значимые должности, занимаемые тем или иным государственным и партийным деятелем в 1921–1925 гг.). Д.С. Эльменя, члена Ревкома и Чувашского обкома партии Я.П. Соснина, председателя Облисполкома в 1921–1924 гг. С.А. Коричева, ответственного секретаря Чувашского обкома партии и члена Облисполкома Г.С. Савандеева, заведующего финансовым отделом Облисполкома И.А. Крынецкого, первого военного комиссара Чувашской автономной области И.Е. Ефимова, председателя Ибресинского и Чебоксарского уездных исполкомов Советов Д.З. Захарова, заведующей женским отделом Чувашского обкома партии Е.Я. Орловой, канашского продкомиссара А.М. Халапсина [18].

Удачный опыт привел к изданию в 1982 г. второго выпуска книги с 54 очерками. В него в том числе вошли биографии члена Ревкома, члена Облисполкома и Чувашского обкома партии В.А. Алексеева, заведующего отделом юстиции Облисполкома и председателя областного Революционного трибунала М.К. Кузьмина (Сеспеля), председателя областного Революционного трибунала и первого прокурора Чувашской авто-

номной области А.П. Лбова, секретаря Чувашского обкома партии Л.М. Лукина, члена Облисполкома и Чувашского обкома партии, управляющего Рабоче-Крестьянской инспекцией Г.Г. Герасимова, члена Облисполкома и Чувашского обкома партии Я.К. Янеева, члена Облисполкома и заведующего областным статистическим бюро Г.И. Иванова, члена Облисполкома и заместителя начальника областного земельного управления С.Л. Шумилова, начальника Чувашской областной милиции, председателя Чебоксарского уездного исполкома Советов И.Я. Морозова, начальника областного отдела ГПУ Г.С. Марсельского, члена Чувашского обкома партии, продовольственного комиссара и заведующего финансовым отделом Чебоксарского уездного исполкома Советов М.А. Малинина, кандидата в члены Облисполкома и члена коллегии областного продовольственного комитета Д.В. Иванецкого, начальника областного управления уголовного розыска Ф.М. Ахлаткина, начальника Цивильского уездного земельного управления Л.А. Волжанина (Архипова), заведующего отделом здравоохранения и начальника Ядринского уездного земельного управления, члена Чувашского обкома партии, начальника политико-просветительной части Чувашского областного военного комиссариата А.А. Андреева, заведующих женским отделом Чувашского обкома партии А.И. Нухрат и М.П. Максимовой [19].

В 1985 г. увидел свет третий выпуск серии с 69 очерками, посвященный 65-летию Чувашской АССР. В нем нашла отражение информация о председателе Облисполкома в 1924–1925 гг. И.И. Илларионове, ответственном секретаре Чувашского обкома партии в 1921–1922 гг. и заведующем областным отделом труда А.Т. Ласточкине, ответственном секретаре Чувашского обкома партии в 1924–1925 гг. М.Т. Томасове, ответственных секретарях Чувашского обкома РКСМ М.Ф. Каштанове, И.Ф. Филиппове, В.Д. Дмитриеве, С.М. Абу и Ф.М. Матвееве, заведующих отделами Облисполкома А.Н. Никитине (отдел управления, заместитель председателя Облисполкома), П.А. Алексееве (отдел юстиции), Я.П. Ятманове (отдел земледелия), Г.М. Михайлове (отдел народного образования), И.Ф. Козине (отдел коммунального хозяйства, председатель Чебоксарского уездного исполкома Советов), А.Я. Яковлеве (земельное управление), заведующих отделами Чувашского обкома партии П.З. Львове, А.М. Михайлове, В.А. Андрееве (все трое – отдел агитации и пропаганды), М.В. Мокееве (общий отдел), В.И. Токсине (отдел печати, культуры и пропаганды), заведующих женским отделом Чувашского обкома партии А.Г. Григорьевой и З.П. Сусмет, заведующем отделом народного образования Цивильского уездного исполкома Советов и ответственным секретаре Цивильского уездного комитета партии Н.Л. Юшуневе, заведующем отделом социального обеспечения Ядринского уездного исполкома Советов, заведующем общим отделом Цивильского уисполкома Д.Г. Гурьеве, члене областной контрольной комиссии и ответственном секретаре Батыревского уездного комитета РКП(б) В.И. Захарове, секретарях Батыревского, Цивильского и Ядринского уездных комитетов партии М.С. Евграфове, Ф.Т. Ложникове и Е.С. Чернове, председателе и заведующем земельным отделом Батырев-

ского уездного исполкома Советов П.Я. Самарине, члене Батыревского уездного исполкома Советов В.М. Смирнове, членах Цивильского уездного исполкома Советов П.П. Семенов и Г.О. Осипове, военном комиссаре Ядринского уезда т. п. Хрисанфове, заведующих отделами Батыревского уездного комитета партии А.В. Васильеве (отдел агитации и пропаганды, организационный отдел) и А.Ф. Федорове (организационный отдел) [20].

Большинство очерков очень небольшие, всего 4–5 страниц текста с фотографией, лишь о наиболее известных деятелях (Д.С. Эльмень, С.А. Коричев) написано чуть больше – 7–8 страниц. Значение этих очерков заключается в том, что дается общее представление о том или ином деятеле, перечисляются основные должности, занимаемые ими в разные периоды времени. Показывается, как осуществлялся перевод работников-чувашей в новообразованную Чувашскую автономную область, испытывавшую острую нехватку квалифицированных кадров, в том числе на руководящих должностях. По очеркам видно, как их герои постоянно перемещались по руководящим должностям, занимая их часто менее года, как совмещали множество должностей в одно время. Ведь, как отмечалось в одном из очерков, «в те годы работы себе коммунисты не выбирали, а трудились там, куда направляла их партия, где были нужнее всего» [20, с. 305]. У многих работа прерывалась на обучение. Большое внимание уделялось описанию участия уроженцев Чувашии во Всесоюзных и Всесоюзных съездах Советов, где они могли слушать В.И. Ленина и других лидеров советского государства и Коммунистической партии. Нередко приводятся отрывки воспоминаний участников этих событий.

В целом, данные очерки очень похожи на панегирики: в них показываются заслуги описанных лиц в установлении и упрочении Советской власти, развитии национальной государственности и т. п., тогда как о неудачах, ошибках, репрессиях и политических преследованиях не говорится ни слова. Зачастую упор делается на нескольких годах жизни героя очерка, например 1917–1921 гг., а все остальное рассматривается схематично: несколько абзацев посвящено детству и юности (где родился, в какой семье, где обучался и работал до революции, какие лишения претерпел при старой власти), одна страница или чуть более – последним десятилетиям жизни, после перевода на менее значимые должности.

Четвертый выпуск серии был опубликован в 1988 г., в самый разгар перестроечных процессов. В отличие от предшествующих выпусков, в нем уже прямо говорится о «трагических событиях 1937–1938 годов, когда были ошельмованы, оклеветаны, сняты со своих постов и арестованы многие тысячи честных коммунистов» [21, с. 5]. В том числе приводится биографическая информация о попавших под жернова политических репрессий: о заведующем земельным отделом Облисполкома и председателе Ядринского и Батыревского уездных исполкомов Советов А.Т. Харитонове, заместителе прокурора Чувашской автономной области и заведующем Цивильским уездным совнархозом Ф.С. Степанове. Также в сборнике освещается жизнь и деятельность заведующего отделом труда Цивильского уездного исполкома Советов И.С. Степанова [21].

Как продолжение данной серии можно рассматривать изданные в 1993–1994 гг. два выпуска сборника «Их имена останутся в истории». В первом из них были опубликованы очерки, посвященные постоянно представителю Чувашской АО при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР (с 1923 г. при Президиуме ВЦИК), заведующему областным отделом управления М.В. Шевле и заведующему областными отделами здравоохранения и социального обеспечения А.Д. Краснову, в последующем репрессированным [7].

К сожалению, по подавляющему большинству из перечисленных выше деятелей, данные очерки, наряду с краткими биографическими данными в четырехтомной «Чувашской энциклопедии», представляют собой единственный общедоступный источник информации о политической элите Чувашской автономной области.

Одним исключением в данном плане является историографическая ситуация с биографией выдающегося государственного деятеля начала 1920-х годов Даниила Семеновича Эльменя (1885–1932), личности которого посвящено большое количество трудов. При этом, как отмечается в историографии, он долгое время являл собой «фигуру умолчания» и носил ярлык «правого уклониста», историки и публицисты избегали писать об этом видном государственном деятеле, хотя полностью замолчать эту фигуру было невозможно – слишком велик был масштаб его личности. В итоге до первой половины 1960-х гг. было характерно замалчивание позитивной роли Д.С. Эльменя в государственном строительстве, давалась негативная оценка его личности как «правого уклониста» и сторонника идеи «вырождения чувашского народа»; во второй половине 1960-х – 1980-е гг. в литературе имела место частичная реабилитация Д.С. Эльменя, что выразилось в признании его исторических заслуг в создании Чувашской автономии, хотя при этом констатировалась ошибочность взглядов Эльменя и неверная политическая позиция в конце 1920-х гг.; с 1990-х годов произошла полная реабилитация Д.С. Эльменя, переоценена его историческая роль, признана несправедливой оценка как правого уклониста [9].

Так, уже в очерке «Инициатор образования Чувашской автономной области», подготовленном В.Н. Любимовым и Г.Г. Можаровым для первого выпуска «Они боролись за счастье народное» (1980 г.), о Д.С. Эльмене писалось исключительно в положительном плане, отмечалось, что он «стойко защищал генеральную линию партии», хотя в самом начале очерка есть оговорка, что Д.С. Эльмень «изведал на своем пути горечь ошибок и заблуждений» [18, с. 206, 212].

Несколько брошюр о первом руководителе Чувашской автономной области было подготовлено во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. В.Н. Николаевым и Г.Г. Можаровым, однако они остались неизвестны широкой общественности, поскольку были депонированы в ИНИОН Академии наук СССР [12, 16]. Тогда же Г.Г. Можаровым был поставлен вопрос о полной политической реабилитации Д.С. Эльменя [14].

Подлинный же расцвет изучения жизни и деятельности Д.С. Эльменя пришелся на начало XXI века. И в первую очередь здесь необходимо отметить труды известного журналиста М.И. Иванова, в 2010 г. защи-

тившего диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Д.С. Эльмень – чувашский общественный и государственный деятель, журналист и публицист (1885–1932 гг.)». В том числе исследователем были опубликованы несколько статей [2; 4] и две монографии, посвященные организатору чувашской автономии [3; 5]. Первая из книг вышла в серии «Замечательные люди Чувашии», красочно оформлена, названия 13 глав наглядно говорят о том, что текст монографии написан в научно-публицистическом стиле: «Мишень для нападок и обвинений», «Детство и юность – начало начал», «Левый, левый, левый...», «Ревком засучил рукава», «Боролись «особо удовлетворительно», «Были и невзгоды, но рук не опускали» и др. Книга дополнена воспоминаниями Д.С. Эльменя и статьей «К вопросу о постановке проблем пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства Чувашской Республики» для журнала «Чувашское хозяйство» (№3 и 4 за 1928 г.), за которую в дальнейшем он подвергся травле [3]. Вторая монография больше выдержана в научном стиле и представляет собой публикацию диссертационного исследования М.И. Иванова. Поэтому в ней подробно характеризуется историография и источниковая база исследования, приводится большой список источников и литературы, на порядок больше ссылок на использованные материалы, заголовки глав и параграфов носят строгий, конкретный характер [5]. В целом обе книги показывают, как происходило становление личности Д.С. Эльменя, его роль в образовании Чувашской автономной области, деятельность на посту председателя Ревкома, значение крестьянского восстания 1921 г. в жизни Д.С. Эльменя. Характеризуется роль последнего в проведении мероприятий по преодолению последствий голода и восстановлению народного хозяйства, в развитии периодической печати автономии и преобразовании области в республику. Большое внимание уделяется публицистической деятельности самого Д.С. Эльменя и необоснованному обвинению в «правом оппортунизме», рассказывается о последних годах жизни и возвращении доброго имени.

Основные вехи жизни Д.С. Эльменя и его роль в образовании и развитии чувашской автономии также детально показаны в монографии В.Н. Николаева и Л.В. Лялиной, изданной Чувашским государственным университетом им. И.Н. Ульянова в 2008 г. Наиболее полно в ней освещен период революционных потрясений – с 1917 г. по 1920 г. Кроме того, в книгу включены и поэтические произведения, написанные Д.С. Эльменем в разные годы жизни [16].

Наконец, нельзя не отметить статьи Г.Г. Можарова, в которых рассказывается прежде всего о жизни и деятельности Д.С. Эльменя в 1920–1923 гг. [12; 15]. В данных работах подчеркивается роль руководителя автономии и обкома партии в организации выпуска газеты «Известия Ревкома Автономной Чувашской области», восстановлении сельского хозяйства, развитии кооперативного движения в области, улучшения медицинского обслуживания населения, открытия театра и музыкальной школы, создании Общества изучения местного края, сплочении литературных сил автономии и др. Автор делает вывод, что Д.С. Эльмень и его сторонники в принципе стояли на правильных позициях и не было оснований для

обвинения их в национал-уклонизме или в правом уклоне («эльменизм», «эльменевщина») [15, с. 150].

Значительное количество работ посвящено и знаменитому поэту Михаилу Сеспелю (М.К. Кузьмин), который в течение непродолжительного времени пребывал в должностях заведующего отделом юстиции Облсиполкома и председателя областного Революционного трибунала. Однако подавляющее большинство трудов о поэте, в силу понятных причин, акцент делает на анализе творчества М.С. Сеспеля, оставляя за рамками его недолгую политическую деятельность. Более менее подробно перипетии его пребывания на указанных должностях отражены в монографии В.Г. Родионова, также увидевшей свет в серии «Замечательные люди Чувашии». В том числе выделяются основополагающие принципы национально-государственного строительства в Чувашской автономной области, которые М. Сеспель считал наиболее важными. Пристальное внимание в книге уделяется судебному преследованию М. Сеспеля [26, с. 95–96, 104–135].

Небольшая статья о деятельности М. Сеспеля на посту заведующего отделом юстиции представлена также в сборнике биографических очерков «Они служили правосудию», посвященных судебным работникам Чувашии разных лет. Отмечается, что М. Сеспель, как заведующий отделом юстиции, на первый план ставил вопрос о подборе кадров, к которому подходил очень внимательно [22, с. 140–141]. Также в сборнике, с использованием некоторых архивных материалов Государственного исторического архива Чувашской Республики, приводится информация о таких видных представителях судебной системы первой половины 1920-х годов, как заведующий отделом юстиции П.А. Алексеев, председатель областного Ревтрибунала и прокурор Чувашской автономной области А.П. Лбов, член Областного суда С.Г. Шумилов [22, с. 23–25, 152–156, 269–270].

В этой связи нельзя не отметить, что А.П. Лбов, наряду с Д.С. Эльменем и М.К. Кузьминым (Сеспелем) относится к числу политических деятелей, которым посвящено наибольшее количество биографических очерков. Так, А.П. Лбову как первому прокурору Чувашии посвящена специальная красочная брошюра. Наибольшее внимание в ней уделяется показу существенной роли А.П. Лбова в становлении и развитии органов прокуратуры, что происходило «в условиях острой нехватки квалифицированных кадров, ослабленной экономики государства, недостаточной законодательной базы, всеобщей правовой безграмотности» [27, с. 3]. Говорится и о роли А.П. Лбова в освобождении М. Сеспеля из-под стражи.

В 2014 г. увидел свет сборник статей «Политические преследования и репрессии 1920 – начала 1950-х годов в судьбах интеллигенции Чувашии», изданный по материалам состоявшейся в Чебоксарах в том же году межрегиональной научно-практической конференции. В том числе в него были включены биографические очерки о репрессированных политических деятелях первой половины 1920-х годов: об уже упоминавшихся выше А.П. Лбове, М.В. Шевле, П.З. Львове, А.В. Васильеве. Эти очерки подготовлены главным образом на основе материалов из фонда Комитета государственной безопасности Чувашской АССР (Р-2669) Государственного исторического архива Чувашской Республики, поэто-

му в них приводятся цитаты из следственных документов и обвинительного заключения. Показывается трагическая судьба как самих незаконно репрессированных видных политических деятелей Чувашии, так и членов их семей [25, с. 63–86, 120–127].

Из работ биографического жанра можно также отметить статью Е.К. Минеевой, посвященной роли А.Д. Краснова – члена Облисполкома Чувашской автономной области, заведующего отделами здравоохранения и социального обеспечения в первой половине 1920-х годов – в образовании Чувашского отдела при Наркомнаце (1918 год). Как справедливо отмечает автор, «А.Д. Краснов являлся одним из лидеров, активных общественно-политических деятелей края, способствовавших процессу институционализации чувашей и самоидентификации этноса в качестве единой политической общности, заложивших все необходимые предпосылки для превращения идеи о формировании автономии в реальность» [10, с. 41].

При рассмотрении работ биографического жанра бросается в глаза, что большинство из них характеризуются односторонним подходом к освещению своих героев, акцентированием на положительных сторонах деятельности. Поэтому для восстановления более объективной картины жизни представителей политической элиты Чувашии и значения последней в развитии автономии, необходимо привлекать общеисторические научные труды. Так, в работах В.П. Иванова, А.В. Изоркина, В.Н. Клементьева, Е.К. Минеевой, В.В. Орлова и др. [1; 6; 8; 11; 23; 24] показаны перипетии внутрипартийной борьбы в первой половине 1920-х годов, роль тех или иных деятелей чувашского национального движения в создании Чувашской автономной области, формированию новых органов власти и в переговорах по ее преобразованию в автономную республику.

Список литературы

1. Иванов В.П. Образование Чувашской автономии. Предпосылки, проекты, этапы. Монографическое исследование / В.П. Иванов, В.Н. Клементьев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. – 216 с.
2. Иванов М.И. Д. Эльмень как государственный деятель и публицист // Аспекты филологических, педагогических, журналистских исследований. – Чебоксары: Новое время, 2009. – С. 4–11.
3. Иванов М.И. Даниил Эльмень: острые грани судьбы / М.И. Иванов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – 255 с.
4. Иванов М.И. Общественно-политическая и публицистическая деятельность Д. Эльменя // Вестник Чувашского университета. – 2009. – №1. – С. 50–58.
5. Иванов М.И. Эльмень – организатор Чувашской автономии, журналист и публицист. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. – 213 с.
6. Изоркин А.В. Из истории Советов Чувашии первых лет диктатуры пролетариата // Вопросы истории советского строительства в Чувашской АССР. – Чебоксары: ЧНИИ, 1984. – С. 3–39.
7. Их имена останутся в истории. Вып. 1. – Чебоксары: НИИ ЯЛИЭ, 1993. – 311 с.
8. Клементьев В.Н. История национальной государственности чувашского народа. В 2 кн. – Кн. 2: Создание чувашской государственности, 1920–1925. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. – 382 с.
9. Клементьев В.Н. Рецензия на: Иванов М.И. Даниил Эльмень: острые грани судьбы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. 255 с. // Чувашский гуманитарный вестник. – 2014. – №3. – С. 223–226.

10. Минеева Е.К. Роль А.Д. Краснова в образовании Чувашского отдела при Наркомнаце (1918 год) // Вестник Чувашского университета. – 2014. – №3. – С. 37–41.

11. Минеева Е.К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920–1930-е годы). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. университета, 2009. – 594 с.

12. Можаров Г.Г. Д.С. Эльмень – один из организаторов создания Чувашской государственности // Духовно-культурная консолидация народов России: к 1150-летию зарождения российской государственности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2012. – С. 148–158.

13. Можаров Г.Г. Даниил Семенович Эльмень – видный деятель культурного развития Чувашии / Г.Г. Можаров, В.Н. Николаев. – Чебоксары, 1990. – 29 с. Деп. в ИНИОН АН СССР №42204 от 25.06.1990.

14. Можаров Г.Г. Об «эльменевщине» или национал-уклонистах Чувашии // Национальная политика КПСС: исторический опыт, противоречия и проблемы перестройки: межвузов. сб. науч. тр. / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 1990. С. 124–128.

15. Можаров Г.Г. Социально-экономические взгляды Д.С. Эльменя // Проблемы социальной, экономической и политической истории России XVIII – начала XXI века в историографических традициях региона: Смирновские чтения: сб. ст. Всерос. науч. конф. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. – С. 126–153.

16. Николаев В.Н. Д.С. Эльмень (Семенов). Его роль в становлении и развитии чувашской национальной государственности / В.Н. Николаев, Л.В. Лялина. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. – 120 с.

17. Николаев В.Н. Данил Семенович Эльмень – участник трех революций: (К вопросу становления его как члена Коммунистической партии) / В.Н. Николаев, Г.Г. Можаров. – Чебоксары, 1986. – 27 с. Деп. в ИНИОН АН СССР №32014 от 08.12.1987.

18. Они боролись за счастье народное / ред. колл.: С.М. Ислоков (пред.) и др. – Вып. 1. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. – 368 с.

19. Они боролись за счастье народное / ред. колл.: С.М. Ислоков (пред.) и др. – Вып. 2. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. – 296 с.

20. Они боролись за счастье народное / ред. колл.: С.М. Ислоков (пред.) и др. – Вып. 3. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. – 368 с.

21. Они боролись за счастье народное / ред. колл.: С.М. Ислоков (пред.) и др. – Вып. 4. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1988. – 320 с.

22. Они служили правосудию / под общ. ред. В.П. Степанова. – Чебоксары: Новое время, 2005. – 276 с.

23. Орлов В.В. Руководящая политическая элита Чувашии в годы нэпа // Государственная служба. – 2008. – №5. – С. 177–180.

24. Орлов В.В. Этнополитические и социально-экономические аспекты развития Чувашии в 20-е годы XX века. – М.: Изд-во РГАЗУ, 2009. – 396 с.

25. Политические преследования и репрессии 1920 – начала 1950-х годов в судьбах интеллигенции Чувашии: материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Чебоксары, 21 марта 2014 г.) / сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров. – Чебоксары: ЧГИГН, 2014. – 203 с.

26. Родионов В.Г. Сеспель – цветок Земли и Неба. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – 271 с.

27. Человек с большой буквы: посвящается первому прокурору Чувашии Александру Петровичу Лбову / под общ. ред. В.Г. Метелина. – Чебоксары: Типография Брындиных, 2014. – 60 с.

С.Ф. САЙКИН – ПЕРВЫЙ РЕКТОР ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

***Аннотация:** имя Семена Федоровича Сайкина неразрывно связано с организацией, становлением и развитием Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, а также расширением и укреплением высшего образования Чуваши. В статье рассматриваются основные этапы биографии первого ректора Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова С.Ф. Сайкина – доктора технических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Чувашской АССР, участника Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Анализируются коммеморативные практики по сохранению памяти первого ректора ЧГУ – научные публикации, воспоминания, проведение научных конференций.*

***Ключевые слова:** первый ректор ЧГУ; Чувашский государственный университет; коммеморативная практика.*

С.Ф. Сайкин родился 14 сентября 1914 г. в д. Чепкас-Ильметево Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Шемуршинского района Чувашской Республики) в крестьянской семье. Его жизненный путь был непростым. Семен был седьмым ребенком в семье. В голодный 1921 г. умер отец. Любознательный, одаренный мальчик в 1922–1926 гг. учился в начальной школе в родной деревне [5].

В 1928–1930 гг. обучался в Шемуршинской школе крестьянской молодежи. После завершения учебы работал учителем в школах деревень Новые Чукалы и Большое Буяново. В 1932 г., окончив вечернее отделение педагогического рабфака при Чувашском государственном педагогическом институте, Семен Сайкин поступил на физико-математический факультет Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина. В 1937 г., получив диплом специалиста механика-теоретика, Семен Федорович был принят в аспирантуру при кафедре механики. Здесь в разные годы он работал проректором по заочному обучению, ассистентом кафедры механики Казанского университета.

В январе 1941 г. он был направлен преподавателем теоретической механики в Чкаловский (Оренбургский) государственный педагогический институт. 1 июля 1941 г. Семен Федорович добровольцем ушел на фронт в составе особого Чкаловского батальона политбойцов-добровольцев, комплектовавшегося из членов и кандидатов в члены КПСС [10]. Он участвовал в обороне Москвы, освобождении Ржева, ликвидации Рижской группировки противника. Его боевой путь отмечен наградами: орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За победу над Германией» и др. медалями.

В августе 1944 г. откомандирован из действующей армии во вновь открытое Казанское Суворовское военное училище на должность офицера-преподавателя, где прослужил до октября 1951 г. Здесь он участвовал в переоборудовании бывшего госпиталя под казармы и учебные классы, в комплектовании училища кадрами [6].

В 1948 г. С.Ф. Сайкин успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «О дифференциальных способах механики» на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук.

В 1951 г. после демобилизации из рядов Советской армии в воинском звании подполковника, он работает старшим научным сотрудником Научно-исследовательского института математики и механики имени Н.Г. Чеботарева при Казанском государственном университете, затем заведующим отделом подземной гидродинамики. В 1958 г. С.Ф. Сайкин становится деканом физико-математического факультета, а с 1961 по 1967 г. возглавляет механико-математический факультет Казанского университета.

В 1965 г. С.Ф. Сайкин успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Водонепроницаемый контакт и некоторые гидромеханические методы определения его положения». Проблемы научных исследований, которыми занимался ученый, и в настоящее время остаются одними из фундаментальных направлений исследований в аналитической механике.

В 1967 г. по рекомендации Чувашского обкома КПСС и Совета Министров Чувашской АССР С.Ф. Сайкина, много лет проработавшего в Казанском университете и имевшего большой опыт руководителя, назначают ректором только что открывшегося Чувашского государственного университета. Возглавить и дать мощный импульс вновь открываемому вузу – непростая работа. После некоторых раздумий С.Ф. Сайкин соглашается, и, работая в течение 14 лет ректором ЧГУ, он с честью и достоинством оправдал доверие народа, показав себя как умелый организатор науки и высшей школы.

Первый ректор ЧГУ С.Ф. Сайкин вложил немало сил в дело организации, становления и развития Чувашского госуниверситета, формирования научно-педагогического коллектива, совершенствования качества подготовки специалистов, развития научных исследований, в укрепление и расширение материально-технической базы вуза. Солидный научный авторитет воспитанника Казанской школы механиков, большой организаторский талант, его благородные качества притягивали к нему людей, помогли укомплектовать во вновь открываемом Чувашском госуниверситете известными учеными разных вузов страны, создать коллектив единомышленников, профессионалов, знающих свое дело. Благодаря его умелому руководству были открыты новые факультеты, кафедры, лаборатории, аспирантура.

За период руководства С.Ф. Сайкина университетом ЧГУ стал первым многопрофильным вузом в России, подлинным центром научной мысли и кузницей национальных кадров. В своих воспоминаниях «Университету – 10 лет» С.Ф. Сайкин пишет: «Открытие Чувашского государственного университета 10 лет тому назад, в канун 50-летия Октября,

явилось одним из ярких событий, продемонстрировавших торжество Ленинской национальной политики в развитии экономики и духовной жизни народов нашей многонациональной Родины. В краю, где еще в 1913 г. имелось только 6 средних учебных заведений и единицы людей с высоким образованием, появилась третья высшая школа, университет, открытие которого республика начала уже готовиться в первые же годы после Октября.

К 1967 г. республике была создана определенная материальная база, а также по ряду важнейших специальностей – научные кадры. Однако вновь созданный университет, как учебный и научный центр, не смог бы получить за 10 лет существования значительного развития без прямой и существенной поддержки со стороны вузов многих братских республик. Вузы гг. Горького, Москвы, Казани, Свердловска и многие другие научные центры помогли комплектоваться квалифицированными научными кадрами, научной и ученой литературой, оказали нужную методическую помощь в налаживании учебного процесса и организации научных исследований в новом университете...

За 10 лет своего существования университет уже сумел оформиться в значительный центр подготовки высококвалифицированных специалистов. Он подготовил и направил в народное хозяйство 8712 учителей, врачей, экономистов, инженеров, молодых научных работников. В самом университете, на восьми факультетах и 60-и кафедрах, ведут учебную и научную работу более 600 человек только профессорско-преподавательского состава, около половины которых с учеными степенями и званиями, в том числе – 32 доктора наук. 16 человек защитили докторские диссертации, уже работая в стенах университета. По ряду научных направлений сформировались сильные научные коллективы, проводящие широкие исследования, как по фундаментальным наукам, так и по проблемам прикладного характера для нужд народного хозяйства... Более чем в два раза расширены учебно-лабораторные площади. Построены новые общежития, столовые и другие подсобные помещения». За 9-ю пятилетку коллективом университета было выполнено исследовательских работ только непосредственно в помощь производству в объеме 5,3 млн руб., а за два года уже ежегодно на 2,3 млн руб. Примерно 60% этого объема работ проводятся по договорам с производственными предприятиями и научными учреждениями нашей республики. Эти работы идут ежегодно с экономическим эффектом 3–4 рубля на один вложенный рубль [1].

В 1968 г. на физико-математическом факультете открылась кафедра теоретической механики, которой до 1987 г. заведовал С.Ф. Сайкин. С 1987 г. и до конца своих дней он работал на должности профессора этой кафедры. За годы существования кафедры в ней были подготовлены одна докторская и шесть кандидатских диссертаций [4].

Будучи ректором, С.Ф. Сайкин выполнял большую общественно-политическую работу. Являлся депутатом Верховного Совета СССР 8-го и 9-го созывов, депутатом Верховного Совета Чувашской АССР 10-го созыва. Обладая высокой эрудицией, требовательностью и принципиальностью, вниманием к людям С.Ф. Сайкин заслужил уважение и при-

знательность общественности. Все, кому приходилось общаться с С.Ф. Сайкиным, отмечают его доброжелательный подход ко всему, тактичность и мудрость при решении разных проблем.

За заслуги в научно-исследовательской, педагогической и общественной работе С.Ф. Сайкин награжден ведомственными и правительственными наградами: орденами Красной Звезды (1944), Трудового Красного Знамени (1971), Октябрьской Революции (1974), Отечественной войны II степени (1985), медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За победу над Германией» и др. медалями. Он награжден знаком Министерства высшего и среднего специального образования СССР «Отличник высшего образования СССР» и «Почетный работник высшего образования России». В 1975 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Чувашской АССР». В 1981 г. его имя занесено в Почетную Книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР, в 1984 г. – в Книгу Почета и Трудовой Славы Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова [8].

В Чувашском госуниверситете делается очень многое для увековечения памяти выдающегося ученого, педагога, организатора высшего образования, общественного деятеля, участника Великой Отечественной войны С.Ф. Сайкина.

Решением Ученого совета ЧГУ от 3 октября 2002 г. кафедре теоретической механики присвоено имя С.Ф. Сайкина – в честь первого ректора Чувашского госуниверситета и первого ее заведующего. 1 июля 2015 г. в результате слияния двух успешно и самостоятельно функционирующих кафедр высшей математики и кафедры теоретической механики имени С.Ф. Сайкина была образована кафедра высшей математики и теоретической механики имени С.Ф. Сайкина [7].

11 ноября 2010 г. установлена мемориальная доска на стене дома №31 по улице Дзержинского в память о проживании в нем Семена Федоровича Сайкина (1914–2002).

Важной коммеморативной практикой по сохранению памяти о С.Ф. Сайкине является проведение научных конференций, круглых столов, научных семинаров, выставок. 16 сентября 2014 г. на факультете прикладной математики, физики и информационных технологий состоялось расширенное заседание научного семинара кафедры теоретической механики им. С.Ф. Сайкина, посвященное 100-летию Семена Федоровича Сайкина. В заседании приняли участие ведущие профессора нашего университета, аспиранты, магистранты, студенты и преподаватели [9]. Они ознакомились с основными фактами биографии и научными работами первого ректора университета С.Ф. Сайкина.

16 сентября 2014 г. в фойе первого этажа корпуса «Г» Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова состоялось открытие выставки «Ученый, педагог, общественный и государственный деятель». В торжественном мероприятии участвовали родные и близкие, коллеги, ученики С.Ф. Сайкина, студенты и преподаватели университета. Посетители выставки могли ознакомиться с фотодокументами, наградами первого ректора [2].

В музее истории университета оформлена экспозиция, в котором представлены рабочий стол, докторская диссертация, книги, личные вещи ученого.

17 октября 2014 г. в ЧГУ имени И.Н. Ульянова состоялось открытие Всероссийской научно-практической конференции «Механика: современное состояние, проблемы, перспективы», посвященной 100-летию со дня рождения С.Ф. Сайкина. В конференции приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Кемерово, Уфы, Чебоксар [3].

Конференции, выставки, посвященные памяти С.Ф. Сайкину, способствуют активизации научной деятельности преподавателей, сотрудников и студентов нашего университета, но и являются важной формой коммеморации. В материале сборника конференции включены также статьи о трудовой и научно-педагогической деятельности С.Ф. Сайкина.

С 22 апреля по 07 мая 2019 г. в университете объявлен конкурс на лучший эскизный проект памятника первому ректору университета Семену Федоровичу Сайкину, который будет установлен в фойе первого этажа главного корпуса Чувашского государственного университета, расположенного по адресу: г. Чебоксары, Московский проспект, д. 15 [11].

Благодаря целеустремленности, упорству характера, природному таланту, трудолюбию Семену Федоровичу удалось стать крупным ученым, широко известным в научном мире, организатором науки и высшей школы, общественным и государственным деятелем. Его образ является ярким примером для нынешнего поколения. Память о С.Ф. Сайкине навсегда сохранится в сердцах его коллег, учеников и благодарных потомков и чувашского народа.

Список литературы

1. Александров А.Ю. С.Ф. Сайкин – ученый, педагог, общественный и государственный деятель / А.Ю. Александров, О.Н. Галошева // Механика: современное состояние, проблемы, перспективы: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (17 октября 2014 г.). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. С. 3–8.
2. Артамонова Н. Ученый, педагог, общественный и государственный деятель... // Ульяновец. – 18.09.2014. – С. 1–2.
3. Артамонова Н. Современное состояние, проблемы и перспективы механики обсуждены на конференции, посвященной 100-летию первого ректора ЧГУ Семёна Фёдоровича Сайкина // Ульяновец. – 23.10.2014.
4. Галанин А.В. Научное творчество и научно-педагогическая деятельность профессора Сайкина С.Ф. // Актуальные задачи математики и механики: Сб. статей. Изд-во Чуваш. ун-та, Чебоксары, 1995. – С. 5.
5. Дмитриев В.Д. С.Ф. Сайкин: воин, ученый, педагог, общественный деятель. – Чебоксары, 1994. – С. 8.
6. Жебит В.А. В памяти нашей сегодня и вечно...: книга для чтения. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. – 60 с.
7. О кафедре высшей математики и теоретической механики имени С.Ф. Сайкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pmfit-chgu.ru/kafedry/vysshej-matematiki/110-2011-01-19-06-48-37/o-kafedre-vysshej-matematiki-i-teoreticheskoy-mekhaniki-imeni-s-f-sajkina> (дата обращения: 22.04.2019).
8. Полвека на nive образования: к 50-летию ЧГУ имени И.Н. Ульянова / О.Г. Вязова, О.Н. Галошева, А.П. Данилов [и др.]. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2017. – С. 22–24.

9. Состоялось расширенное заседание научного семинара кафедры теоретической механики им. С.Ф. Сайкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=12000 (дата обращения: 22.04.2019).

10. Фронтвики-ученые Казанского университета. – Казань: Хэтер, 2000. – С. 160.

11. Чувашский государственный университет объявляет конкурс на лучший эскизный проект памятника первому ректору университета Семену Федоровичу Сайкину [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=10599:%D1%87%D1%83%D0 (дата обращения: 22.04.2019).

12. Галошева О.Н. Опыт создания и перспективы развития музея истории Чувашского госуниверситета им. И.Н. Ульянова / О.Н. Галошева, О.Н. Широков // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения): сборник статей. – 2014. – С. 70–80.

13. Полвека на nive образования: к 50-летию ЧГУ имени И.Н. Ульянова / О.Г. Вязова, О.Н. Галошева, А.П. Данилов [и др.]. – Чебоксары, 2017.

Гринченко Наталья Александровна

канд. пед. наук, доцент

Институт филологии

ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

г. Елец, Липецкая область

DOI 10.31483/r-32472

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ СЯТИТЕЛЯ ЛУКИ

Аннотация: *статья посвящена выдающемуся учёному и новомученику двадцатого столетия Валентину Феликсовичу Войно-Ясенецкому. В нём сочетались глубокие научные познания и вера в Бога, за что в годы советского богоборчества он подвергался гонениям. Вся его жизнь была посвящена служению людям. Его философское, медицинское и педагогическое наследие представляет интерес для учёных, практикующих врачей и педагогов, священнослужителей, верующих и неверующих, всех, кто уважительно относится к национальному культурному наследию.*

Ключевые слова: *ученый; хирург; проповедник; служение; воспитание.*

Архиепископ Лука, в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, доктор медицины, выдающийся хирург, лауреат Сталинской премии, духовный писатель, священник, учёный, философ, мыслитель, жил, творил, страдал в трудные годы русских революций, двух мировых войн, репрессий и богоборчества. Трижды пришлось пройти ему через кошмар ссылок, пыток и тюрем, в которых в общей сложности он провёл 11 лет из-за гонений за веру, но всегда он находил силы для служения людям, для спасительных проповедей и размышлений о вечном. И позже вспоминал о своих страданиях без злобы, отстранённо.

Сведения о семье самого святителя Луки мы узнаём из разных источников: «Автобиографии» и ряда книг, написанных о нём. Родился в 1877 году в Керчи. Скончался 11 июня 1961 года в Симферополе. Его

единственная жена Ольга Васильевна Ланская умерла от туберкулёза, когда он в первые годы советской власти работал хирургом в Ташкенте. После этого он больше никогда не женился, а заботу о его детях взяла на себя его медсестра Софья Сергеевна Белецкая. У Луки было трое сыновей – Михаил, Валентин, Алексей и дочь Елена. Все четверо детей стали известными врачами, докторами наук [2, с. 5–56; 6, с. 8].

Дети и внуки вспоминают, что Валентин Феликсович очень любил природу, цветы, море, хорошо плавал, трепетно относился ко всем детям, давая им ласковые прозвища: внучатого племянника Юру называл «комариком», а малыша родной племянницы Майи Прозоровской называл «чижиком» и очень любил рассказы о детях и животных. Он был светлым, добрым, располагающим к себе. Дом его был открыт для всех. В голодном 1946 году в его доме варили огромную кастрюлю каши, заправляли её постным маслом и кормили детей и стариков. Все последние годы своей жизни он отправлял десятки денежных переводов всем, кто к нему обращался за помощью [1].

По своим политическим взглядам, он считал себя прогрессистом и непримиримым противником фашизма и, несмотря на репрессии, сторонником социализма и коммунизма, т. к. чистые идеи коммунистов, по его мнению, близки к евангельскому учению.

Всю жизнь он оставался верен своим принципам: даже в ссылках продолжал лечить людей и заниматься наукой, в годы оголтелого атеизма он в рясе читал лекции студентам-медикам и в его операционной всегда висела икона, которую он категорически отказывался снимать. Осенью 1943 года Войно-Ясенецкий издал монографию «Очерки гнойной хирургии», которая приобрела мировую известность и за которую он получил 130 тысяч рублей. Все деньги он пожертвовал детям-сиротам войны. Он никогда не проводил время в праздности. Будучи уже пожилым человеком на восьмом десятке, он служил в Свято-Троицком храме Симферополя, а на двери его квартиры висела табличка: *«Приём больных каждый день, с четырёх до пяти. Для всех бесплатный»* [1].

Святитель Лука участвовал в качестве военно-полевого хирурга в трёх войнах: Русско-Японской, Гражданской и Великой Отечественной. В Красноярске, где Святитель дважды отбывал ссылку и служил в небольшом храме, Священный Синод приравнял лечение раненных к архиерейскому служению и возвёл епископа Луку в сан Архиепископа. С именем Луки связаны и чудеса исцеления как при его жизни, так и после его смерти. Чудеса – это и есть то доказательство, которое позволяет комиссии по канонизации принять решение о причислении к лику святых того или иного мученика или исповедника. Мощи Луки, которые хранятся в Свято-Троицком храме Симферополя, оказались нетленными и обладают целительной силой, также как и молитвы к Луке [7].

В ноябре 1995 года святитель Лука Ясенецкий в числе других пострадавших от репрессий новомучеников был канонизирован Русской Православной Церковью, а в 2000 году был полностью реабилитирован. Но он был также прославлен и как исповедник, его исповедничество заключается о несении учения Христа людям почти всех возрастов и национальностей и обоих полов [7].

Его мысли о семье и воспитании детей изложены в двух статьях: «И будут двое одна плоть» и «За своих детей дадите ответ перед Богом».

Основные идеи святителя Луки *о браке и семье* согласуются с Библейским пониманием семьи и брака: Семья – это *союз мужчины и женщины, построенный на взаимной любви*. Муж и жена – одна плоть, муж глава семьи, и в браке от мужа исходит самое лучшее. Виды любви различны: между мужем и женой, между детьми и родителями, но есть и более высокая форма любви – ко всем людям, ведь во всяком человеке мы должны видеть образ Божий. Самая совершенная степень любви, самая высокая и самая святая – любовь к Богу. Семья – это восхождение в искусстве любви от простого к сложному, которая не ограничивается только плотской любовью, а является школой высшей любви.

Муж и жена *взаимно дополняют друг друга*. В отношениях между супругами с огромной силой должны проявляться те особенности духа, ума и сердца, которые свойственны только мужчине и только женщине, и половые не должны меняться местами. Согласно Библии, жена должны подчиняться мужу, но речь, по мнению святителя Луки, идёт о любовном, свободном подчинении. В нашей стране женщине даны все права: политические, гражданские, семейные. Однако не должны ли быть некоторые ограничения в этой свободе? Ведь женщина и по телесной своей организации отлична от мужчины. Особенности анатомии и физиологии женщины во многом определяют ее духовные особенности. У женщины, есть великое назначение, которого нет у мужчины, – деторождение и, следовательно, воспитание детей. Эта обязанность – тяжелейший и святой долг женщины перед государством и перед обществом. От этой обязанности она отказаться не может и не смеет, ибо совершит тяжкий грех. Пусть она занимается науками и всеми трудными делами наравне с мужчинами, но при этом никогда не забывает своего основного призвания. Школа не может заменить *семейного воспитания*. И если в семье некому заниматься воспитанием детей, то не будет и благополучного общества. Сильное государство состоит из крепких нравственно здоровых семей.

Святитель Лука настаивает на освещении брака *таинством венчания*, и считает только гражданскую регистрацию недостаточной. Главный дар, который приносят друг другу молодые люди, вступаая в брак, это девственность жены до брака и супружеская верность в самом браке. Развод является допустимым только в случае супружеской неверности. Важно так построить свой брак, чтобы он был союзом, благословленным Самим Богом [5].

В семейном воспитании детей самое главное – *выполнение родителями своих обязанностей*. Нельзя возлагать на других и на Бога то, что должны делать сами родители. Пренебрежение воспитанием детей в духе христианских заповедей хуже детоубийства (И. Златоуст). Удержание от тяжких грехов (разврата, лжи, воровства и др.), воспитание благочестия – долг родителей. Христианская молитва должна сопровождать ребёнка с ранних лет (после пробуждения, перед отходом ко сну, перед едой, перед началом всякого дела и после), а христианский пост не толь-

ко очищает тело, но и закаляет волю и характер, обучает ребёнка воздержанию. Все родители хотят, чтобы их дети были образованными, учеными. Но важно, чтобы их обучение и воспитание не ограничивались только светской мудростью. Важнее, чтобы они научились различать высшую правду и истину, законы Божии и заповеди Христовы. Тогда и только тогда они не заблудятся.

Главный метод и принцип воспитания – *личный пример*. Нравственность, целомудрие, чистоплотность, отвращение и презрение к воровству и хулиганству, пустословию и дракам, злопамятству и тщеславию – вот главные секреты семейного воспитания. Главное сокровище – не золотая кривля или статуя, а «душа золотая» (И. Златоуст). Детей надо *воспитывать с пелёнок*, т. к. «малое деревце, куда наклонил, туда и будет расти; новый сосуд будет издавать тот запах, каким напитаете вы его, вливая в него или смрадную жидкость или ароматную, чистую» (Т. Задонский). Дочерей необходимо удерживать от чтения сладострастных романов и пустых зрелищ, приучать к тихой домашней жизни. Нельзя воспитать малого ребёнка, *никогда не наказывая*, однако в наказании нужна умеренность. Нельзя наказывать детей со злобой и ненавистью, нужно наказывать так, чтобы ребёнок чувствовал родительскую любовь, но понимал, что заслужил наказание. Даже маленькие проступки нельзя оставлять без внимания, иначе из малых ненаказуемых проступков могут появиться большие проступки, чтобы не лить потом слёзы [5].

Как видно из вышеизложенного, многие идеи святителя Луки совпадают прежде всего с библейскими представлениями о семье и браке. Есть много идей, созвучных лучшим идеям отечественной педагогики: любовь к детям, воспитание – целенаправленный процесс и прямая обязанность, прежде всего, родителей. Школа не может заменить семейного воспитания. Метод личного примера – один из главных, трудовое, нравственное, эстетическое воспитание – разные грани воспитания благополучной личности (К.Д. Ушинский, Л.Н. Толстой, А.С. Макаренко, Н.К. Крупская). Однако часть идей в светском государстве может вызвать несогласие. Это – обязательное православное воспитание, молитва, пост, допустимость легких физических наказаний.

Важно, каким был святитель Лука по отношению к детям в реальной жизни. Один из внуков святителя Луки Владимир Александрович Лисичкин делится своими детскими впечатлениями о нём, когда он впервые увидел его в 7-летнем возрасте. Святитель жил тогда в Крыму, снимал дачу у писателя Гаршина, и находил время на общение со своими близкими почти каждый день, заранее предупредая, в какие часы может их принять. Рассказывал библейские сюжеты, поведал почему кулаков называли кулаками. Оказывается, это были самые работающие крестьяне, которые работали по 14–16 часов в сутки, прерываясь в страдную пору лишь на короткий сон прямо в поле, подложив под голову кулак [7].

У Луки Ясенецкого есть и величайшее философское наследие. В своём богословском трактате «Дух, душа и тело» он размышляет об отношениях между телом, душой и духом с позиций современного естествознания и религии и приходит к выводу, что нет жёсткой грани между миром материальным и нематериальным, живой и неживой материей и

заявляет, что сердце является центром духовной жизни и органом высшего познания, в котором могут поселиться и высшая божественная любовь, и сатанинское смятение. Именно от устремлений сердца определяется выбор жизненного пути человека, всё его поведение. Он не отрицает роли мозга в мышлении и во всех психических процессах, в нём есть двигательные и сенсорные центры, вазомоторные, дыхательные, тепловые, однако не известны центры радости и печали, гнева и страха, эстетического и религиозного чувства. Наши пять органов чувств есть только ощущения, анализаторы (И.П. Павлов), кора мозга анализирует не чувства, а ощущения. Мысли, вырванные из мозга, без глубокой обработки в горниле чувств и воли, нашем сердце, были бы незаконченным сырым материалом. Ощущения сердца передаются уму, в мозг, и в огромной степени определяют все процессы, происходящие в уме и духе, сердце, таким образом порождает мысли и размышления [3, с. 580–588]. Эти воззрения согласуются со Священным Писанием, которое представляет сердце как центр духовной жизни и Богопознания. По мнению Луки Ясенецкого, нет непреодолимой грани между наукой и религией. Наука ставит те же самые вопросы, на которые отвечает религия. Религия опирается на веру, наука на факты, часто религия объясняет то, на что наука пока не может ответить в силу недостаточности фактов [4, с. 683]. Учение о том, что сердце является важнейшим центром духовной жизни человека имеет огромное значение особенно в наши дни, когда образование является в основном вербальным. Следует отметить, что современные педагоги и психологи тоже признают важность эмоциональной вовлечённости во всех видах человеческой деятельности, а советский педагог В.А. Сухомлинский настаивал на необходимости воспитания чувств у детей – через общение с природой, в трудовой деятельности, с помощью силы слова, хорошей музыки, сказок, чтения книг [8].

В 1998 году внук Владимир Александрович Лисичкин основал фонд имени Святителя Луки, который занимается восстановлением храмов по всей России, организует музеи Святителя, а также помогает школам, детским и родильным домам [7].

Таким образом, Святитель Лука был не только уникальным иерархом РПЦ, но и феноменом русской культуры. Его жизнь – подвиг. Это был выдающийся врач, учёный, философ, выдающийся исповедник, духовное наследие которого составляет около двухсот проповедей. Его учение о семье и детях согласуется с христианскими воззрениями, лучшими идеями отечественного воспитания и заслуживает самого уважительного и внимательного отношения со стороны родителей и педагогов. Православное воспитание в семье, на необходимости которого настаивал Святитель Лука, помогает противостоять многим соблазнам современного мира, таких как безудержное потребление, вседозволенность, половая ориентация на выбор, наркотики на выбор, материальное взамен духовного.

Список литературы

1. Внучка профессора Войно-Ясенецкого: «В 1946 году дедушка пожертвовал 130 тысяч рублей детям-сиротам войны» // Факты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fakty.ua/174272-vnuchka-professora-vojno-yaseneckogo-v-1946-godu-dedushka-pozhertvoval-130-tysyach-rublej-detyam-sirotam-vojniu> (дата обращения: 05.04.2019).
2. Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Автобиография // Святитель Лука, архиепископ Симферопольский и Крымский. Избранные творения. – М.: Сибирская Благовонница, 2010. – С. 5–66.
3. Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Дух, душа и тело // Святитель Лука, архиепископ Симферопольский и Крымский. Избранные творения. – М.: Сибирская Благовонница, 2010. – С. 563–664.
4. Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Наука и религия // Святитель Лука, архиепископ Симферопольский и Крымский. Избранные творения. – М.: Сибирская Благовонница, 2010. – С. 665–742.
5. Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. О семье и воспитании детей // Предание.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://predanie.ru/book/83173-o-seme-i/> (дата обращения: 05.04.2019).
6. Поповский М.А. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга // Азбука веры. Художественная литература [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/fiction/zhizn-i-zhitie-vojno-yaseneckogo-archiepiskopa-i-xirurga/> (дата обращения: 05.04.2019).
7. Ахундова И. Сказы дедушки Луки. Беседа с потомком Свт. Луки (Войно-Ясенецкого). Ко дню памяти святого / И. Ахундова, В. Лисичкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2013/06/14/skazy_dedushki_luki/ (дата обращения: 05.04.2019).
8. Сухомлинский В.А. Как воспитать настоящего человека / сост. О.В. Сухомлинская. – М., 1990. – 273 с.

Гуров Максим Иванович

канд. ист. наук, доцент

Качевский Павел Сергеевич

канд. ист. наук, доцент

Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
г. Таганрог, Ростовская область

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ЛИТВИНЕНКО – ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ЛЮДЯМ И НАУКЕ

***Аннотация:** в статье раскрываются основные направления научной и учебно-педагогической деятельности Владимира Петровича Литвиненко, связавшего свою сознательную жизнь с Таганрогом. Авторы, обращаясь к воспоминаниям его коллег и учеников, научным публикациям, сохранившимся источникам личного происхождения, биографическим материалам, освещают жизненный вклад ученого в развитие образования и науки в Таганроге.*

***Ключевые слова:** биографистика, повседневная жизнь, научная жизнь, Юг России, палеонтология, археология, музейное дело.*

«...Пожалуй, я бы никогда и не увлекся своим делом, если бы не богатство и многообразие моего края...». Так иногда говорил Владимир Петрович Литвиненко, чья научная жизнь и учебно-педагогическая деятельность тесно связаны с изучением палеонтологии, археологии, краеведения и истории Северо-Восточного Приазовья. Владимир Петрович родился 8 августа 1951 года. Первые годы его жизни прошли на неповторимых таганрогских улочках, обрывистых берегах у водной глади залива, опоясывающих городские кварталы маленького южного города, удивительным образом сохранившиеся во всем своем историко-культурном многообразии в бурных исторических потрясениях первой половины прошлого столетия.

Будучи студентом биолого-почвенного факультета Ростовского государственного университета (1968–1973 гг.), В.П. Литвиненко начал первые научные изыскания под руководством крупного донского палеонтолога В.С. Байгушевой. Собранный им подвѣнный материал стал основой блестяще защищенного диплома, а разнообразие найденной древней фауны углубило его интерес к естественным наукам.

К сожалению, как отмечали позже В.С. Байгушева, В.В. Титов и И.В. Форонова, большая часть результатов тех ранних сборов была утрачена. Однако, несколько позже, этот пробел удалось восстановить благодаря его дальнейшим научным изысканиям [1]. Именно тогда он стал активно собирать остеологический материал в районах Ростовской области, богатых следами третичной и раннечетвертичной палеофлоры и палеофауны. Ну а обрывистые берега Дона, примыкающие к станции

Вешенской, побережье Таганрогского залива, песчаные карьеры приносили богатейшие находки, ставшие солидной базой для разнообразной палеонтологической коллекции, пополнявшейся более сорока лет.

После успешного окончания РГУ Владимир Петрович начал трудовую деятельность в Ростовском садоводческом тресте, затем короткий период сотрудничал с Азовским краеведческим музеем. С 1974 по 1993 г. судьба связала его с Таганрогским городским парком культуры и отдыха им. М. Горького, где В.П. Литвиненко были пройдены все основные ступени работы. С июня 1974 года он энтомолог в штате сотрудников, спустя четыре года – главный агроном, с декабря 1986 – исполняющий обязанности, а с июня 1987 – директор. С 1989 по 1993 гг. – вновь главный агроном. В те годы он был награжден орденом «Знак Почёта», Большой медалью «За охрану природы России», четырьмя медалями ВДНХ, званием «Отличник Министерства культуры СССР» [8, с. 24]. Работая на благо родного города, Владимир Петрович совмещал административно-хозяйственную работу со своим главным увлечением – палеонтологией, популяризировал среди молодежи естественные науки, ежегодно совершал палеонтологические обследования Северо-Восточного Приазовья.

Преподавательская деятельность в Таганрогском государственном педагогическом институте (1993–2011 гг.) стала тем этапом в жизни В.П. Литвиненко, на котором по его собственному утверждению: «...удалось в полной мере реализовать себя в увлечении всей своей жизни...». Его палеонтологическая коллекция, формировавшаяся в течение двадцати лет, стала основой создаваемого музея природы при кафедре естествознания факультета педагогики и методики начального образования ТГПИ. Её отдельные части располагались на временных передвижных стеллажах, что позволяло формировать тематические выставки и проводить экскурсии, пользовавшиеся большой популярностью. Ежегодные полевые практики и полевые сборы студентов и преподавателей дополняли её уникальными окаменелостями прошлого.

В эти годы наблюдается активизация его научно-исследовательской деятельности [2, с. 239; 3, с. 27; 9, с. 56–58]. Этому в немалой степени способствовала поддержка в рамках гранта РФФИ, нацеленного на изучение ископаемой териофауны Приазовья, под руководством его ученика В.В. Титова.

В сентябре 2007 года Владимир Петрович принял предложение декана исторического факультета ТГПИ В.А. Селюнина и возглавил лабораторию археологии и палеонтологии, что дало более широкую перспективу для хранения разраставшейся палеонтологической коллекции, часть из которой стало возможным полноценно описывать и вводить в научный оборот. Благодаря его неукротимой энергии лаборатория, созданная в 2004 году, получила мощный импульс для дальнейшего развития. На её базе новому заведующему удавалось успешно совмещать научные изыскания не только в палеонтологии, но и в области археологии и краеведения, проводившиеся в рамках чтения учебных спецкурсов, проведения активных летних практик студентов-историков, приобретавших более глубокое и разностороннее содержание. Летом 2009 года часть такой

ежегодной полевой практики впервые удалось провести на палеонтологическом местонахождении у станции Морская (побережье Таганрогского залива). Студенты факультета под руководством В.В. Титова и В.П. Литвиненко принимали участие в раскопках мастодонта и современной ему палеофауны доледникового периода [6, с. 143–144].

В последующие два года в результате полевой археологической разведки, а также, что немаловажно, благодаря грантовой поддержке руководством института, удалось обследовать ряд палеонтологических и археологических памятников в окрестностях Таганрога. Владимир Петрович был глубоко убежден, что в перспективе они имеют большое научное значение для выявления комплексов палеолитических артефактов и находок палеонтологических ископаемых [4, с. 268–272; 7, с. 165–168]. Благодаря его энергии, личному примеру и самоотверженности, в результате мониторинга Северо-Восточного Приазовья были найдены кремнёвые «эолиты». Ученый отмечал, что с большой долей вероятности можно утверждать, что на них имеются следы обработки, а их возраст составляет около двух миллионов лет. А это давало надежду найти следы присутствия древнейшего человека – выходяца из Африки – в регионе [5, с. 64]. Эта надежда не покидала его до конца жизни.

Важнейшим достижением Владимира Петровича стало создание на базе исторического факультета действующего музея-аудитории истории, археологии и палеонтологии. Главный замысел, который удалось тогда воплотить, состоял в совмещении стационарно расположенного музея, «вписанного» при этом в действующую учебную аудиторию, где возможно и должно проводить учебные занятия по самой разнообразной тематике. Учебный музей истории, археологии и палеонтологии был открыт при непосредственной поддержке ректората института в октябре 2010 года [6, с. 141–145]. Именно Владимир Петрович выступал генератором идей, и, казалось бы, был «вечным двигателем», с утра до позднего вечера руководившим оформлением прекрасных стационарных витрин уникальной экспозиции, являющейся гордостью факультета до сих пор.

Со временем возможности музея-аудитории переросли границы факультета, а богатейший материал, скомпонованный в своеобразных «волнах времени», позволял охватить историческое поле с древнейших времен до современности. Экспозиция постоянно пополнялась разнообразными палеонтологическими, археологическими и краеведческими артефактами. Благодаря разработке Владимиром Петровичем интереснейших экскурсий многие из них проводятся до сих пор и стали частью расширяющегося спектра научно-популярных занятий не только для студентов института, но и для учащихся всех возрастов.

Тексты его экскурсий еще ждут своей научной обработки. Приведем лишь небольшой фрагмент одной из них, хранящийся у его ученика: «...Кроме просто необходимого знания человеком своей истории, теоретические знания палеонтологии нужны для борьбы с тормозящими прогресс суевериями расистов, националистов, бурно расцветающими в последнее время, для формирования подлинно научного мировоззрения. Без знаний этой науки невозможен эффективный поиск полезных иско-

паемых, геологические исследования. Познавание закономерностей развития органического мира, реконструкция палеоландшафта и палеоклимата дает широкие возможности для понимания экологических законов, что очень актуально в современную эпоху.

Азовское побережье, Миусский лиман, Нижний Дон – настоящий «Клондайк» для охотников за древностями. Окрестности Таганрога буквально напичканы различными свидетельствами прошлого, сбор и изучение которых позволит пролить свет на прошлое нашего родного края...».

Владимир Петрович не собирался подводить итоги. Он думал о расширении перспектив научного сотрудничества, планируя пополнить экспозицию новыми историческими артефактами. На август 2011 года была запланирована очередная полевая экспедиция вдоль побережья Азовского моря, полным ходом шла подготовка к созданию передвижной экспозиции, охватывающей первую половину 1940-х гг. В сентябре он собирался довести «до ума» экспозиционные стеллажи, пополнить их новыми артефактами по отечественной истории XX столетия. К декабрю планировалось «заполучить» на выставку документы личного происхождения и артефакты периода Гражданской войны на Юге России...

...30 июля 2011 года Владимир Петрович Литвиненко скоропостижно скончался. Можно с уверенностью утверждать, что после него осталось не только «тире между двумя датами». Остались многочисленные ученики. Живет и развивается его любимое детище – музей археологии и палеонтологии, продолжающий плодотворно функционировать благодаря поддержке деканата факультета истории и филологии и администрации Таганрогского института имени А.П. Чехова.

Сегодня его последователи и ученики, как и прежде, осуществляют учебно-просветительскую и научную деятельность, основы которой были заложены этим незаурядным человеком, столь сильно любившим жизнь и так много сделавшим для развития науки и образования.

Список литературы

1. Baigusheva V.S. [Obituary] Vladimir Petrovich Litvinenko (1951–2011) / V.S. Baigusheva, V.V. Titov, I.V. Foronova // Russian Journal of Theriology. – 2012. – Vol. 10. – №2. – P. 83–84 [in English] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zmmu.msu.ru/tji/articles/ther10_2_083_084_Obituary_for_Inet.pdf
2. Байгушева В.С. Позднеплейстоценовый фаунистический комплекс / В.С. Байгушева, В.П. Литвиненко, А.С. Тесаков, В.В. Титов // Флора, фауна и микобиота государственного музея-заповедника М.А. Шолохова. – Вёшенская, 2004.
3. Байгушева В.С. Позднеплейстоценовая фауна из речных отложений ст. Вёшенской / В.С. Байгушева, В.П. Литвиненко, В.В. Титов // Териофауна России и сопредельных территорий. Мат-лы междунар. совещ. – М., 2003.
4. Качевский П.С. Результаты научно-исследовательской работы лаборатории археологии и палеонтологии исторического факультета ТГПИ / П.С. Качевский, В.П. Литвиненко, В.А. Селюнин [и др.] // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. – 2011. – №2.
5. Качевский П. Некоторые результаты исследования раннего палеолита и раннеплейстоценовых палеонтологических местонахождений в Северо-Восточном Приазовье / П.С. Качевский, В.П. Литвиненко // Четвертичная стратиграфия и палеонтология Южной России: взаимосвязи между Европой, Африкой и Азией: Материалы международной конференции INQUA-SEQS (Ростов-на-Дону, 21–26 июня 2010 г.). – Ростов н/Д., 2010. – 228 с.

6. Качевский П.С. Творческая лаборатория преподавателей и студенчества (из опыта развития учебного музея археологии и палеонтологии в таганрогском институте имени А.П. Чехова) / П.С. Качевский, М.И. Гуров // Культура и туризм как инструменты повышения человеческого потенциала нации: Труды Всероссийской научно-практической конференции. Национальная академия туризма, Санкт-Петербург, 14–15 апреля 2016 г. – СПб.: Д.А.Р.К., 2016. – 416 с.

7. Качевский П.С. Археологические исследования исторического факультета Таганрогского педагогического института в 2011 году / П.С. Качевский, М.И. Гуров, В.П. Литвиненко // Приложение к 14-му выпуску Международного научного альманаха. – Таганрог: Актюбинск, 2011. – 275 с.

8. Киричек М.С. Два века Таганрогского парка. – Таганрог: Лукоморье, 2007. – 129 с.

9. Литвиненко В.П. Находки остатков пещерных медведей в низовьях Дона / В.П. Литвиненко, В.В. Титов // Проблемы палеонтологии и археологии Юга России и сопредельных территорий. Материалы международной конференции (Ростов-на-Дону, Азов, 18–20 мая 2005 г.). – Ростов-на-Дону: ЦВВР, 2005. – 138 с.

Данилова Антонина Петровна

канд. ист. наук, профессор

Чебоксарский филиал

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

**НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
КАФЕДРЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА:
ВАЙНЕР ИОСИФ СЕМЕНОВИЧ**

Аннотация: статья посвящена анализу жизненного и творческого наследия одного из ведущих преподавателей кафедры всеобщей истории ЧГУ И.С. Вайнера. Рассматриваются учебно-педагогическая и научная деятельность преподавателя, его вклад в развитие исторического образования в республике.

Ключевые слова: Чувашский государственный университет; кафедра всеобщей истории и археологии; научная работа; учебно-методическая работа; научно-педагогическое наследие; методика преподавания; общественная деятельность.

Преподавательский состав исторического факультета Чувашского государственного университета всегда отличался высоким научным и учебно-методическим уровнем. Это определялось тем, что в период становления, историческое отделение целиком было переведено из Чувашского государственного педагогического института, где в то время сложилась команда профессиональных историков. Кроме того, после создания университета были приглашены недостающие специалисты из ве-

дущих вузов, в первую очередь из Казанского государственного университета. Среди них были И.С. Вайнер и А.А. Загидуллин.

Данная статья посвящена одному из моих учителей, а потом и коллеге по кафедре – И.С. Вайнеру. Опубликованные материалы о нем практически отсутствуют. Имеются лишь отдельные упоминания в юбилейных статьях и обзорах. В тоже время он оставил заметный след в истории кафедры и воспитании многих поколений историков, выпускников ЧГУ.

И.С. Вайнер (10.01.1927 – 24.04.2008) родился в Одессе в семье служащих. Ему было четырнадцать лет, когда началась война. Как и все подростки того времени рыл окопы, подносил строительный материал для сооружения дотов и дзотов, гасил зажигательные бомбы, участвовал в перегоне табунов лошадей из Сальских степей за большой Кавказский хребет через Моздок. Потом был направлен в Куйбышевское пехотное училище. Боевое крещение получил в марте 1945 года в составе 338 стрелкового полка 11 гвардейской дивизии Первого Белорусского фронта под Кенигсбергом. После окончания войны продолжил учебу в военном училище и до 1956 года служил в Забайкалье в городе Нерчинск [1].

После демобилизации получил среднее образование и поступил в Казанский университет, который закончил в 1961 году. После окончания университета был оставлен для работы на кафедре. В 1961–1968 гг. возглавлял кабинет археологии, читал археологию СССР заочникам, принимал участие в археологических раскопках казанских ученых.

И.С. Вайнер был участником учредительного съезда Общества историков, археологов и этнографов Поволжья и Приуралья, который состоялся в Казани в 1962 году. Представителем Чувашии на съезде был Каховский В.Ф. Здесь они познакомились.

После образования ЧГУ И.С. Вайнер был приглашен для работы на кафедре всеобщей истории. 22 года (1968–1990 гг.) он работал старшим преподавателем кафедры, которую первое время возглавлял В.Ф. Каховский.

Научные интересы старшего преподавателя были многосторонними. У него есть статьи по археологии, истории Чебоксарского завода «Текстильмаш», воспоминания о Великой Отечественной войне и др. Но приоритетной, конечно, была археологическая тематика. Он был учеником известных советских археологов А.П. Смирнова и Г.А. Федорова-Давыдова. Вместе с последним участвовал в раскопках золотоордынской культуры в Нижнем Поволжье [2].

В 1969–1973 годах И.С. Вайнер участвовал в археологических раскопках в Чебоксарах, которые велись Институтом археологии АН СССР в рамках программы строительства Чебоксарской ГЭС. Эти раскопки дали богатый материал, позволяющий сделать вывод о том, что город старше его официальной даты рождения. Он возник на рубеже XIII–XIV веков [3].

В ЧГУ Иосиф Семенович вел один из основных курсов – историю средних веков – и спецкурсы по методике археологических исследований. Мне больше всего запомнились именно спецкурсы. Темы спецкурсов он знал досконально, так как был археологом с большим опытом. Его лекции были полны примеров, как из истории мировой и отечественной археологии, так и его собственных исследований. Постоянно звучали имена известных советских археологов А.П. Смирнова,

Ю.А. Краснова, Г.А. Федорова-Давыдова. С двумя из них нам самим, студентам первой специализации по археологии, посчастливилось общаться на археологических раскопках. Поэтому мы ощущали свою сопричастность большому делу археологического изучения родного края.

На практических занятиях в кабинете археологии факультета, который создавался как раз в это время, мы работали с только что привезенным материалом из археологических раскопок и разведок, в которых сами принимали участие. Мы осваивали приемы датировки тех или иных предметов, учились восстанавливать реальные размеры керамической посуды по обломкам, описывать археологический материал. Его занятия всегда были увлекательными, эмоционально окрашенными, проходили незаметно. Правда, иногда порывы фантазии уносили нашего лектора в сопредельные темы, а учебный материал не всегда полностью раскрывался.

Особенно это касалось курса Средних веков. Но студенты этого не замечали. Я сама обратила на это внимание только тогда, когда стала его коллегой по кафедре и заведующей этой кафедрой, ответственной за качество учебно-методической работы. В студенческие годы это нам никому не казалось изъясном. Тогда для нас главным было не формальное освоение всего положенного программой материала, а увлеченность темой, растущее желание знать больше по теме, формирующаяся потребность самостоятельно узнавать из книг и научных статей то, на что еще не получили ответы на учебных занятиях.

У студентов складывались с Иосифом Семеновичем дружеские отношения, нередко грань преподаватель – студент стиралась. Емуверяли самое сокровенное, которое можно было доверить только другу. При этом он не был просто созерцателем, слушателем. Чаще всего он активно участвовал в проблемах, которые возникали у студента, чего бы это не касалось: пересдачи экзаменов и зачетов, поиска места жительства, устройство в больницы родственников из деревни, личных проблем молодых людей.

О нем говорили: «Вот пришла скорая помощь». Он всегда ходил с объемистым портфелем, в котором помещалось все – от материалов лекций и новинок исторической литературы до ниток, иголок, бинтов, самых необходимых лекарств, сала и чеснока, спирта для обработки ран. Он говорил, что этому его научила практика жизни в полевых условиях во время археологических раскопок, когда в любую минуту могло потребоваться и то, и другое и надо, чтобы все это было под рукой.

Такая рациональность была незаменима во время археологических разведок и раскопок. Особенно когда каждый день надо было менять место ночлега, разворачивать палаточный лагерь, обустраиваться на новом месте. При этом И.С. Вайнер, как, впрочем, и другие археологи, не признавал питания всухомятку, обязательным было трехразовое горячее питание, которое он учил нас организовывать. Он быстро находил контакты с местными жителями. У нас постоянно были свежие продукты. Так во время разведки в Воротынском районе Горьковской области во время нашего выходного дня мы рыли картошку в деревне Белавка. Зато

потом пользовались сетями этой семьи, установленными на Суре рядом с нашим палаточным лагерем. Никогда ни до, ни после этого я не видела столько стерляди. Другую рыбу мы просто не брали. Из нее мы варили не только уху, но и жарили, запекали эту благородную рыбу. Вечерами все собирались у костра, обсуждали итоги дня, пели, любовались красотой ночной реки.

И.С. Вайнер был человеком добродушным. Прощал человеческие слабости, чем особенно пользовались студенты. Его трудно было вывести из равновесия. Он не любил конфликтов, всегда готов был идти на компромисс. До последнего стремился избежать противостояния, ссоры. Хотя иногда на заседаниях кафедры всеобщей истории, когда обсуждались какие-то принципиальные методологические проблемы, ему не удавалось сохранять нейтралитет, поэтому разгорались жаркие дискуссии, участниками которых были, кроме Вайнера И.С., чаще всего доценты Ю.Б. Лебедев и Е.Г. Беляев.

На кафедре особые отношения у него сложились с А.А. Загидуллиным, вместе с которым они в 1968 году приехали из Казани. Ахат Абдрахманович в 1949–1954 году учился на историко-филологическом факультете КГУ. Потом (1955–1958 гг.) был аспирантом, а потом младшим научным сотрудником (1958–1968 гг.) Института языка, литературы, истории Казанского филиала (ИЯЛИ КФ) АН СССР. Под руководством известного советского этнографа Н.И. Воробьева в 1966 в МГУ Загидуллин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Семейный быт татарских крестьян северо-западных районов ТАССР (вторая половина XIX – первая половина XX в.)». Этой же теме были посвящены его первые публикации. После переезда в Чебоксары и до 1972 года он читал историю стран Азии и Африки студентам историкам.

Вместе они представляли очень колоритную пару, это было единство противоположностей. И.С. Вайнер – живой, быстрый, открытый, говорливый, постоянно улыбающийся. А.А. Загидуллин – медлительный, малоразговорчивый, закрытый, постоянно как бы сам в себе. Они и одевались по-разному. Если одежда Иосифа Семеновича была светло серых тонов с оттенками, то Ахат Абдрахманович всегда ходил только в черном: черное длинное пальто, черная шляпа, надвинутая на глаза. Но при всей этой внешней противоположности у них было много общего: увлеченность археологией и этнографией, глубокие знания в этих областях, научный интерес к проблемам мироздания. Их часто можно было видеть вместе, постоянно что-то обсуждающих. И когда А.А. Загидуллина не стало, Иосиф Семенович долго не мог оправиться после этой трагедии. Потом у него не было такого близкого друга, как Загидуллин.

Вайнер активно занимался общественной деятельностью. Был заместителем секретаря партбюро ИФФ, членом президиума профкома университета, заместителем председателя комитета народного контроля университета. Являлся популярным лектором общества «Знание», членом методсовета лекционной пропаганды ЧАССР. Со своими лекциями он объездил всю Чувашию.

В 1990–2000-ые годы И.С. Вайнер сотрудничал с газетой «Почтовый экспресс», где им опубликовано около 40 статей на тему Великой Отече-

ственной войны. По их названиям можно судить о его интересах: «Письма с фронта», «Нам было трудно, но мы не пали духом», «Конечно, героиня» (о Зое Космодемьянской), «Этот день мы приближали как могли», «На весах истории», «Против фальсификации истории», «Сталинград в пламени сражений», «Битва за Днепр», «По Рейхстагу! Огонь!» и др.

В этом же издании появилась большое интервью с ним – «Солдат – один из многих» (1998, №19, с. 9), которое стало для меня важным источником сведения о его детстве и юности.

В 1990 г. он завершает преподавательскую работу, но продолжает работу в ЧГУ в качестве начальника штаба гражданской обороны. Он награжден 11 медалями, удостоен звания «Ветеран труда», имел многочисленные почетные грамоты и благодарности за активную общественную деятельность. С 1996 года находился на заслуженном отдыхе.

Иосиф Семенович был прекрасным семьянином. Его жена, Галина Михайловна 1940 года рождения, также закончила исторический факультет Казанского университета. Познакомились они на археологических раскопках. После переезда в Чебоксары 15 лет работала в министерстве культуры, потом 20 лет в школе №35.

Дочь Евгения окончила Казанскую консерваторию по классу фортепьяно и работает в одной из музыкальных школ Пензы. У нее два сына – Роман и Илья.

И.С. Вайнера не стало в 2008 году.

Список литературы

1. Матвеева Е. Солдат – один из многих // Почтовый экспресс. – 1998. – №19. – С. 9.
2. Вайнер И.С. О надписи и рисунке на кости из Нового Сарая / И.С. Вайнер, Г.А. Федоров-Давыдов // Советская археология. – 1963. – №3.
3. Вайнер И.С. Серебряная пряжка из Сарая Берке // Советская археология. – 1964. – №1.
4. Вайнер И.С. Музыкальный духовой инструмент из Нового Сарая. // Советская археология. – 1965. – №2.
5. Вайнер И.С. Раскопки на царевом городище / И.С. Вайнер, А.Г. Мухаммадиев, Г.А. Федоров-Давыдов // Археологические открытия 1965 года. – М.: Наука, 1966.
6. Вайнер И.С. Раскопки золотоордынских городов в Нижнем Поволжье / И.С. Вайнер, Н.М. Булатов, Л.Л. Галкин, В.Л. Егоров [и др.] // Археологические открытия 1968 года. – М.: Наука, 1969.
7. Вайнер И.С. Береста с надписью из Чебоксар / И.С. Вайнер, В.Ф. Каховский, Ю.А. Краснов // Советская археология. – 1971. – №3.
8. Работы Чебоксарской экспедиции // Археологические открытия 1971 года. – М., 1972.

Захарченко Ольга Валерьевна

старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

СЕМЕЙНЫЙ АСПЕКТ БИОГРАФИИ С.А. КОТЛЯРЕВСКОГО

Аннотация: в статье описывается семья научно-педагогического и общественно-политического деятеля С.А. Котляревского, позволяющая определить особенности его личной биографии.

Ключевые слова: новая биографика; Котляревский С.А.; интеллигенция; Россия первой половины XX в.

Развитие новой биографической истории все чаще обуславливает обращение исследователей к биографиям малоизученных российских ученых [1]. Особенный интерес представляют биографии деятелей, подвергшихся репрессиям и неза заслуженному забвению. К одним из них относится Сергей Андреевич Котляревский (1873–1939) – историк и юрист, сочетавший в своей жизни как научно-педагогическую, так и общественно-политическую работу. События личной жизни С.А. Котляревского повлияли на судьбу ученого, поэтому немаловажным аспектом в воссоздании его полной биографии является его семья.

О семье, из которой происходил С.А. Котляревский, имеется крайне мало сведений. Большой помехой в реконструкции биографии этой личности явилось отсутствие его личного архива. Не оставил ученый и полной автобиографии, кроме той, что говорит о его ученой деятельности [5]. Его происхождение подтверждает копия метрической справки, хранящаяся в личном деле ученого в архиве Московского университета [10, л. 4].

Семья Котляревских принадлежала к представителям дворянства, имевшим украинские корни. В дворянской родословной книге Полтавской губернии, на основе подтверждающего дворянство указа Герольдии Сената №3572 от 2 апреля 1855 г., имеется запись о включении в нее родителей Сергея Андреевича вместе со старшим братом [9, с. 313]. Ученый же родился в Московской губернии 23 июля 1873 г., крещен 27 июля 1873 г. в Николаевской церкви в Гнездниках и был самым младшим из детей.

Наименьшие сведения имеются о его матери Антонине Ивановне. Небольшое упоминание самим ученым, что она принадлежала к семье Якоби, имеется в воспоминаниях его бывшего ученика, однако точно не известно к каким представителям этой фамилии она относилась.

Отец Котляревский Андрей Иванович (умер в 1895 г.) в 1847 г. и старший брат Иван Андреевич (1853–1909) в 1874 г. были выпускниками Императорского училища правоведения – престижного учебного заведения закрытого типа для детей потомственных дворян. Выпускники училища заканчивали его с чином IX класса Табеля о рангах и определялись

на государственную службу в Министерство юстиции. Андрей Иванович стал членом Московской судебной палаты, председателем Пермской казенной палаты и завершил свою службу в чине действительного статского советника. Судьба его старшего сына Ивана Андреевича также была связана с системой судебной власти. Он состоял в чине тайного советника и служил председателем департамента Киевской Судебной палаты [3, с. 165].

Молодое поколение Котляревских имело определенную общественную позицию, и было не безразлично к проблемам российского общества. Иван Андреевич занимался благотворительной деятельностью, являлся «активным членом киевского комитета Общества попечительства лиц, отбывшим наказание, и детям бесприютным» [8, с. 19]. Сестра Екатерина Андреевна отличалась некоторой оппозиционностью. Она числилась в особом отделе как «занимавшаяся агитацией среди крестьян Самарской губернии, а с 1902 г. состоящей под негласным надзором полиции» [4, л. 15]. Сохранившееся эпистолярное наследие ученого говорит о поддержке отношений с сестрой, которая проживала за границей. В письмах к ней он делился настроениями, царившими в российском обществе. Сергей Андреевич также попал под негласный надзор полиции, перипетии жизни привели его к общественно-политической деятельности в качестве члена и идеолога кадетской партии, участника многих других организаций.

Успешная карьера отца и брата демонстрируют изменения в положении сословий российского общества, где большее значение стало приобретать экономическое благосостояние. Дворянское происхождение давало приоритет в службе и получении классического гимназического и высшего образования. Их статус был некоторым гарантом благонадежности молодого человека. Однако он не пошел по стопам отца и брата, решив связать свою жизнь с научно-педагогической работой. С молодости С. А. Котляревский отличался самостоятельностью своих решений и в 1891 г. поступил на историко-филологический факультет Императорского Московского университета, где «занятия всеобщей историей и историей философии» в студенческие годы подготовили основу его научно-мировоззрения» [6, с. 69].

Несомненно, в детстве и юности ученого сформировалась потребность в интеллектуальной деятельности, был заложен потенциал, позволивший проявить его уникальные способности к владению несколькими, в том числе древними, языками и большую эрудированность, которую отмечали его современники.

Вместе с другими объективными причинами наследственный интерес к юриспруденции способствовал повороту научных интересов от истории к юриспруденции. Так, после защиты магистерской (1902 г.) и докторской диссертации (1904 г.) по истории, С.А. Котляревский занялся проблемами правового государства, которая стала предметом исследования в его двух диссертациях по государственному праву и других трудах.

В период подготовки к профессорскому званию Сергей Андреевич женился 12 июля 1898 г. в Никольской церкви села Репьевка Балашов-

ского уезда Саратовской губернии на Екатерине Николаевне Орловой (17.03.1859 – 1957) [10, л. 56]. Она происходила из рода декабриста Орлова и по бабушке Екатерине Николаевне Раевской из рода М.В. Ломоносова, чей архив позже передала в Румянцевский музей [11, с. 43].

У молодых супругов изначально не имело своего домовладения. Большой частью первые годы их семейной жизни прошли заграницей в связи с подготовкой молодым ученым диссертаций по всеобщей истории и обучением тем же его жены на Высших женских курсах. Позже супруги Котляревские стали постоянно проживать в Москве в Никольском переулке в доме Елизаветы Николаевны Орловой, сестры Екатерины Николаевны. В связи с благотворительной деятельностью Е. Н. Орловой и занятиями домашними чтениями ее дом посещали философы и литераторы, круг которых был всегда интересен С.А. Котляревскому.

После женитьбы новые семейные связи в некотором роде способствовали началу общественно-политической деятельности С.А. Котляревского. Шурин ученого Михаил Николаевич Орлов, «поручик запаса Армейской Кавалерии, владелец 2–3 имений в Саратовской губернии» [4, л. 13 об.] активно занимался земской деятельностью и был председателем земского собрания и предводителем уездного дворянства в Балашовском уезде [2, с. 244]. Именно в работе саратовского земства принял участие Сергей Андреевич, для чего было необходимо владение землей. Архивные данные из личного дела и агентурных доносов указывают на то, что в конце августа 1900 г. ненадолго вернувшимся из заграничной командировки ученым и его женой было приобретено 200 десятин земельных владений в деревне Отрадино. Войдя в земство, С.А. Котляревский получил возможность участия в различных земских общественно-политических организациях таких, как кружок «Беседа», «Союз земцев-конституционалистов», «Союз Освобождения», земских съездах, а затем был избран депутатом I Государственной думы в 1906 г. от Саратовской губернии.

В 1906 г. в семье Котляревских родилась дочь Павла. В период революционных изменений в стране она, как сначала и ее отец, осужденный в 1920 г. по делу «Тактического центра», заняла антибольшевистскую позицию. В 1926 г. она подверглась аресту и приговору к двум годам концлагеря условно за участие в нелегальной организации «скаутов». «Заместитель начальника «Отряда черного волка», дав слово при освобождении из-под первого ареста прекратить всякую скаутскую работу, не только ее не прекратила, а, наоборот, взялась за нее еще с большим рвением и энергией. До назначения в Совет начальников отрядов принимала активное участие в работах клуба, театра, курсов инструкторов и издании подпольных журналов...» [12]. В 1934 г. Павла Сергеевна окончила геологический факультет Московского университета, вышла замуж за Семена Ивановича Киселева. После расстрела Сергея Андреевича 15 апреля 1939 г. его жена вместе с дочерью, ее мужем и детьми проживала в Москве. В 1955 г. в связи с празднованием 200-летия Московского университета о семье Котляревских-Киселевых в журнале «Смена» вышла заметка как об одних из потомков М.В. Ломоносова [7]. Так дворянская семья Орловых-Котляревских стала советской семьей Киселевых.

Научно-педагогическая и общественно-политическая деятельность С.А. Котляревского была неразрывно связана с особенностями личной судьбы. В то же время через эту индивидуальность представляется портрет его эпохи, пример судьбы представителя российской интеллигенции конца XIX – первой трети XX в., вышедшего из дворянской среды.

Список литературы

1. Агеева Н.Н. Портрет интеллектуала: к 165-летию С. Ф. Фортунатова / Н.Н. Агеева, Т.Н. Иванова // Диалог со временем. – 2015. – №50. – С. 287–306.
2. Адрес-календарь Саратовской губернии на 1898 г. – Саратов: Паров. скоропеч. губ. правления, 1898. – 582 с.
3. Биографический словарь. Высшие чины Российской Империи (22.10.1721–2.03.1917). – Т. II. И–П / сост. Е.Л. Потемкин. – М., 2017. – 661 с.
4. ГА РФ. Ф.102. Оп. 231. Д. 1992. О приват-доценте Московского университета С.А. Котляревском. – 29 л.
5. Захарченко О.В. Новые факты жизненного пути С. А. Котляревского (к публикации его автобиографии) / О.В. Захарченко, Т.Н. Иванова // Вестник Екатеринбургского института. – 2017. – №2 (38) – С. 30–32.
6. Захарченко О.В. Студенческие годы С.А. Котляревского и формирование его исторического мировоззрения // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2014. – №5 (116). – С. 66–70.
7. Игнатов М. У потомков Ломоносова // Смена. – 1955. – №16 – С. 16.
8. Курас Т.Л. Общественная деятельность служащих судебных палат Российской империи (1866–1917 гг.) // Сибирский юридический вестник. – 2013 – №4(63). – С. 16–22.
9. Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Полтавской губернии. – Полтава: Изд-во Полтавского Губернского правления, 1898. – 792 с.
10. ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 68. Д. 181. Канцелярия Совета. Котляревский С.О. принятии в число приват-доцентов. – 63 л.
11. Шумилов Н.А. Род Ломоносовых: поколенная роспись. – Архангельск: Правда Севера, 2001. – 152 с.
12. Котляревская Павла Сергеевна // Открытый список [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.openlist.wiki> (дата обращения: 16.04.2019).

Митрофанова Антонина Игоревна

магистр, преподаватель
Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
г. Таганрог, Ростовская область

МАТВЕЙ ИВАНОВИЧ ПЛАТОВ: К ВОПРОСУ О ВОЕННОЙ БИОГРАФИИ ДОНСКОГО АТАМАНА

Аннотация: статья посвящена биографическому описанию жизненного пути наказного атамана Войска Донского Матвея Ивановича Платова. Автором рассматривается становление и развитие личности атамана, прослеживается рассмотрение его жизненного опыта.

Ключевые слова: Матвей Иванович Платов; биография; донское казачество; наказной атама; Отечественная война 1812 г.; войско; воинская служба.

Монументальный образ Матвея Ивановича Платова, бюст которому установлен напротив главного корпуса Таганрогского института имени А.П. Чехова, как нам известно, в студенческой среде олицетворяет героизм и верность родине. Думается, такой же образ Платова существует и в массовом сознании жителей юга России. Если сейчас задать студентам вопрос о том, как давно этот памятник, который каждый день они видят утром, когда идут на занятия, здесь находится, то по их ответам может показаться, что монумент был установлен еще в XX веке. Однако, открыли бюст работы скульптора А. Скнарина и архитектора И. Жукова лишь в 2003 году, а на вопрос: «Кто такой Матвей Иванович Платов?», студенты, в основном, отвечали кратко: «Это донской казачий атаман, участник почти всех войн Российской империи рубежа XVIII – XIX вв.».

Между тем, биография М.П. Платова пестрит знаковыми событиями, а его образ может служить отличным примером героизма и смелости. Недаром о Платове, его современник, выдающийся русский поэт В.А. Жуковский высказался так:

«Хвала, наш вихорь – атаман,
Вождь невредимых, Платов!
Твой очарованный аркан
Гроза для супостатов».

Матвей Иванович Платов родился 8 августа 1753 года [7, с. 3]. Дата его рождения вызывает споры. По одной из версий, первый раз описанной в труде Н. Ф. Смирной (первого биографа атамана), датой рождения Матвея Ивановича является 6 августа 1751 года [5], этой версии придерживается в своем труде и другой историк Е. И. Тарасов [8]. Тем не менее, в заметке И.М. Сулина говорится, что в найденной им метрической книге в церкви святых апостолов Петра и Павла города Черкаска (станции Прибылянской) была запись от 8 августа 1753 года под №22, в ко-

торой значилось, что «родился у казака Ивана Платова сын Матвей» [7, с. 3]. Опираясь на вышеуказанные факты, за дату рождения атамана Платова принимаем 1753 год.

В XVIII веке большое влияние на формирование личности молодых казаков оказывали рассказы бывалых воинов. В своем подражании отцам и дедам казачья молодежь мужского пола проводила свободное время в играх военного характера. В их число входили: рыбная ловля, упражнения в стрельбе, состязания в верховой езде и другие [1]. В этой среде и прошло детство Матвея Платова.

Будущий донской атаман не получил образования. Е.И. Тарасов, когда упоминает об этом факте, пишет следующее: «При отсутствии на Дону в то время школ мальчик Платов не получил никакого образования и на тринадцатом году жизни поступил на службу сначала урядником...» [8, с. 5], но быстро был произведен в офицеры благодаря своему незаурядному уму и любознательности. Именно в этот период у Платова появилась четкая жизненная цель: постараться стать настоящим донским полководцем наряду с его кумиром А.В. Суворовым.

В ответ на совершенный набег 1769 г. со стороны Крыма на Юг империи, русским командованием было принято решение о создании двух армий, в которые входили бы и части донских казаков (на момент создания армий численность казаков в них составит около 10 тыс. человек – прим. А.И.). Именно в этот период истории Платов принимает окончательное решение о военной службе в армии. Поступив в 1770 г. в ведение к командующему 2-ой русской армией В.М. Долгорукову [8, с. 5] (в Крыму – при. А.И.), будущий атаман вскоре был произведен в звание есаула.

В марте 1773 года полк Платова переброшен на Кубань. Именно тогда имя Матвея Ивановича впервые будет упомянуто в видных военных кругах Российской империи. Данное событие связано с тем, что в 1774 году казачий полк под предводительством Платова был атакован ордами хана Девлет-Гирея. Платов блестяще отразил нападение крымских татар, ко всему прочему еще и превосходивших его в численности. Тогда он произнес одну из первых своих пламенных речей: «Друзья, – сказал Платов казакам, – нам предстоит или славная смерть, или победа. Не будем мы русские и донцы если устранимся врага. С божьей помощью отрази злые его замыслы!» [1]. В память о победоносном сражении над ордой хана на реке Калалах, по сведениям Тарасова: «будет выбита особая золотая медаль, ставшая наградой герою (Платову – прим. А.И.) и изображаемая среди других орденов на многих его портретах» [8, с. 7].

В период своей службы у Потемкина Платов в 1782 году лично познакомиться со своим кумиром А. В. Суворовым, от которого он с огромным интересом и глубоким почтением перенимал военные навыки.

Во времена турецкой войны 1787–1791 гг. М.И. Платов участвовал в осаде города Очаков [8, с. 7], а также в атаке на Гассан-Пашу и Беглер-Бей, за что им было получено звание походного атамана.

После смерти Екатерины II, несмотря на клевету и заточение в Петропавловской крепости, Матвей Иванович как настоящий казак стойко

переживал все удары судьбы. Так, когда император Павел I предложил Платову идти в Индию, он не раздумывая согласился: «Хоть к черту на рога (говорил Платов – прим. А.И.)... но только не в этот проклятый, гнилой каземат» [8, с. 10]. Понимая все абсурдность данного приказа, Платов все же приступил к его исполнению в 1801 году. Наверное, этот поход был самым тяжелым в жизни Матвея Ивановича, так как именно в этой «экспедиции к дальним берегам» на глазах у него погибает огромное количество ее соратников, которых будущий атаман не в силах был спасти, но верный своему слову, государю, он не мог отступить. Отряд Платова спасло лишь то, что к власти неожиданно пришел сын Павла I Александр, который своевременно успел отдать приказ об возвращении казачьего отряда домой.

В 1801 году, наконец, сбылась мечта многих донских казаков, М.И. Платов был назначен наказным атаманом Войска Донского. Получив эту должность, Матвей Иванович с присущей ему основательностью и казачьим пылом начал заниматься внутренней политикой в войске. Огромная его заслуга состоит в том, что он смог ходатайствовать о переносе столицы Войска Донского. Новой столицей стал город Новочеркасск, который географически находился на возвышенности, от чего столица Войска Донского перестала страдать от ежегодного разлива реки Дон.

К несчастью, заниматься внутренними делами дольше атаману мешали войны империи с Наполеоном. Вот как упоминает в своей статье историк Ю.А. Стецура об Отечественной войне 1812 г.: «Отечественная война 1812 г. являлась крупнейшим событием не только в русской, но и в европейской истории... Все сословия российского общества приняли участие в борьбе против наполеоновских войск. Особенно активно с первых дней войны выступили казаки» [6, с. 36].

Во время военной кампании 1806–1807 гг. Платов осуществлял командование над 16-ю донскими полками. За военную кампанию донской атаман был удостоен ордена Святого Георгия и ордена Святого Владимира вторых степеней.

В первый период Отечественной войны донские казаки под предводительством Матвея Ивановича входили в состав второй армии под командованием П.И. Багратиона. В этот период перед русским имперским командованием стояла задача соединения 2-х армий (1-й, которой командовал М.Б. Барклай-де-Толли и 2-ой, под командованием П.И. Багратиона – прим. А.И.). Так, выполняя задачу, поставленную командующим – любыми путями остановить французскую армию. В самом начале войны в сражении у Мира 28 июня 1812 г. казачья конница Платова одержала победу и задержала движение неприятельских сил. Во многом такому успеху способствовал приказ, изданный Матвеем Ивановичем перед началом боя. В пояснении значилось, что казакам без лошади надлежало биться пехе, а раненым предписывалось сражаться до истощения всех сил. В приказе, на наш взгляд, Платов выразил все свою любовь к Родине, характеризуя ее словами: «Мы должны при самом начале показать врагам, что помышляем не о жизни, но о чести и славе России» [4, с. 47].

Во время Бородинского сражения по плану М.И. Кутузова корпуса донского атамана Платова и генерала Уварова должны были вплавь форсировать реку Колочу и идти в глубь французского тыла, дабы посеять замешательство в тылу врага. «Сегодня в среде историков, – замечает исследователь В.М. Безотосный – Наибольшие споры вызывают результаты (участия казаков в Бородинском сражении – А. И.), поскольку Платов и Уваров оказались среди немногих высших генералов, не получивших наград за Бородино» [2, с. 5]. Тем не менее нельзя отрицать, что казачьим корпусом 26 августа были захвачены 450–500 человек пленных, а в целом русской армии удалось в тот день взять пленными около 1000 французов, что бесспорно является одним из доказательств эффективности казачьих корпусов в Бородинском сражении, а такое пренебрежительное отношение к заслугам М.И. Платова, связано лишь с тем, что у него сложились достаточно напряженные взаимоотношения с командующим русской армией Кутузовым [3, с. 99–101].

В заграничных походах русской армии Матвей Иванович тоже принимал непосредственное участие. Так в 1813 году он преследовал французскую армию до Рейна, а в начале 1814 года участвовал в полном разгроме Франции.

Обретя в этот период бессмертную славу, М.И. Платов, несмотря на все почести, ей сопутствующие, понимал, что слава – это не главное, важно то, что казаки под его началом сражались во имя родины и отстаивали ее доброе имя. Военная биография Матвея Ивановича очень показательна тем, что она формирует положительный и героический образ донского казака, человека высоких моральных принципов, который до конца верен своему долгу.

Список литературы

1. Агарков Л.Т. Атаман М.И. Платов – выдающийся русский полководец // Доклад конференции 1955 года, опубликованный сайтом Раздорского этнографического музея-заповедника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.razdory-museum.ru/a_platov.html
2. Безотосный В.М. Атаман М.И. Платов в Бородинском сражении // Материалы VI международной научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы», посвященной 185-летию Бородинского сражения. – Бородино, 1998. – С. 3–10.
3. Бородино: Документы, письма, воспоминания / гл. архивное упр. при Совете Министров СССР. Центр. гос. воен.-ист. архив СССР. Гос. 4. Бородинский воен.-ист. музей-заповедник. – М.: Советская Россия, 1962. – 413 с.
4. Быкадоров И.Ф. Казаки в Отечественной войне 1812 года. – М.: Яуза: Эксмо, 2008. – 253 с.
5. Мартиросова М.Б. К вопросу о дате рождения Матвея Ивановича Платова // Донской вестник. – 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m5/4/art.aspx?art_id=1492
6. Стецура Ю.А. Казачество юга России в отечественной войне 1812 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2012. – №2. – С. 36–42.
7. Сулин И.М. Странички прошлого // Донские областные ведомости. – 1902. – №1. – С. 3–4.
8. Тарасов Е.И. Донской атаман Платов (175 – 1818). Его жизнь и подвиги / сост. Е.И. Тарасов. – СПб.: Изд. Вестника казачьих войск, 1902. – 32 с.

Хоруженко Виктория Константиновна
канд. ист. наук, заведующая кафедрой истории
Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
г. Таганрог, Ростовская область

ИСТОРИК НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ: ЛИЧНОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОБЫТИЙ 1917-1920 гг. Ю.В. ГОТЬЕ

***Аннотация:** в статье анализируется дневник известного профессора русской истории, ученика В.О. Ключевского, Юрия Владимировича Готье. Автор попытался показать, как историк в своих записках рассматривал, оценивал Революцию 1917 года и годы гражданской войны, выявить личностные и профессиональные суждения о переживаемых переломных событиях эпохи.*

***Ключевые слова:** биографистика; личностное измерение истории; революция; гражданская война; большевизм; школа Ключевского.*

Современный интерес к жанру биографии, а также возникновение целого направления междисциплинарных исследований – биографистики, несомненно, играет большую роль в развитии исторических исследований, расширении познавательной территории науки.

Биография любой личности, будь это знаменитость, оказавшая серьезное влияние на ход исторического процесса, или обычный «усредненный» человек, является определенной «лакмусовой бумагой», на которой мы видим отражение исторической ситуации, любых социально-экономических, политических, культурных изменений, происходящих в государстве. Таким образом, биографию личности по праву можно считать «измерителем» социально-культурных процессов [5, с. 8].

Использование подобной «измерительной линейки» в познании драматических, переломных исторических событий особенно важно, поскольку такой метод позволяет раскрыть всю подоплеку противоречий и случайностей событий прошлого, являясь тонким звеном, связывающим события микро- и макроистории.

Биография Юрия Владимировича Готье, ученика и последователя В.О. Ключевского, оставшегося в Советской России после революции, и уже в СССР достигшего звания академика, показательна как одна характерных судеб людей, живших при советской власти, но не принявших ее до конца. Для современных историков изучение личности профессора важно и с источниковедческой позиции, так как Ю.В. Готье оставил после себя дневниковые записи, которые он вел с 8 июля 1917 года по 23 июля 1922 года. Для изучения такого глобального события, как Октябрьская революция, сейчас привлекается множество источников личного происхождения – дневники, письма, записки, мемуары научной и творческой интеллигенции, как сторонников, так и противников революции [1; 3; 6]. Особенно интересны те из них, которые не под-

вергались редактированию в советское время, содержат непосредственный отпечаток мыслей и эмоций того времени.

В этом плане дневник Ю.В. Готье бесценен, так как был передан автором за границу через знакомых, покинувших страну на «философском» пароходе, и опубликован впервые в Англии в 1988 году, в России – в 1991–1993 гг. Этот дневник является не только источником знаний об истории революции, и ее повседневности [11], но и позволяет по-новому взглянуть на личность самого историка, погруженного в гущу событий, что в корне изменили историю родной страны, изучению которой была посвящена вся его предшествующая жизнь.

Дневники Готье до сих пор малоизучены, хотя в последние десятилетия мы видим целый ряд работ о Готье и его наследии [7–10]. Нам интересен взгляд на события революции историка-профессионала. Насколько Ю.В. Готье понимал их значение? Помогли ли его знания и умения (как историка) осознать влияние этих событий на последующее развитие? Смог ли он абстрагироваться от собственных ощущений и переживаний, и посмотреть на происходящее рациональным взглядом, взглядом аналитика? Ответ на эти вопросы – еще один штрих к портрету именитого профессора.

Уже в начале записок мы видим осознание ученым своего долга, как историка – запечатлеть события настоящего. Целью написания дневника Ю.В. Готье обозначил необходимость создания исторического источника «который, может быть, кому-нибудь пригодится в будущем» [2, с. 14], что, собственно, оказалось предвидением важности создаваемого им документа, дающего современному исследователю «срез» эпохи.

Свои записки Готье вел не дома, по собственному признанию [2, с. 424], что сказывалось «на исправности их ведения» – не всегда записки делалась в тот же день, когда происходили те или иные события. Однако, это было правильным решением – в квартирах профессоров время от времени производились обыски, один из которых в течение полутора часов происходил 18 июля 1920 года и на квартире Готье, но чекисты ничего не нашли [2, с. 415–416].

Та часть интеллигенции, что не приняла активного участия в событиях революции 1917 года, тяжело переживала обрушившиеся на страну события, чувствуя свое бессилие что-то изменить. Записки стали для Готье способом принести хоть не большую, но пользу, утешением, что в сложившейся ситуации он не сидит «сложая руки»: «Что мог бы я сделать большего, чем писать эти горькие строки, я – профессор, специалист по русской истории? Сколько я ни думал, я не находил другого ответа, как ничего. Я не политический деятель <...>» [2, с. 17].

Историк осознал значимость происходивших в стране событий, связанных с падением монархии, и пытался сформулировать его причины. Главной из них он называет «столетнее растление старого режима», «подточенного Николаем II» [2, с. 13]. Он пишет, что «Россия погибает» в силу внутренних причин «от своих собственных недостатков и пороков». Однако, Готье не мог в силу того, что он являлся участником событий, оценить их со стороны, найти исторические параллели происхо-

дящего, это, как писал историк, «эпизод, имеющий мало аналогий во всемирной истории» [2, с. 14].

Маятник истории качнулся налево и, по мнению Готье, вызвал «господство сил развивавшихся в подполье и годных только для разрушения» [2, с. 13]. Надо сказать, что вина «левых сил» в событиях, с точки зрения историка, велика – это они «уже сто лет носят с федерациями», они слишком долго «сбивали с толку несчастного русского человека» – глупого, темного, не подготовленного никакой «Республике» [2, с. 14].

Разрушители России, к которым с брезгливостью относится автор дневника – это и Керенский, и Чернов, и Ленин. Особенно презрительный тон принимает описание большевиков: «Большевики – истинный символ русского народа <...> – это смесь глупости, грубости, некультурного озорства, беспринципности, хулиганства и, на почве двух последних качеств, измены» [2, с. 14].

Готье называет русскую революцию «великой» с большим сарказмом. Он пишет, что в России «цивилизации подписан смертный приговор», «страна приходит в состояние полного первобытного варварства» [2, с. 322–323].

Мрачные мысли были вызваны страшной ситуацией осени-зимы 1919–1920 гг., сильным подорожанием продуктов и морозами, когда «мозги начинают стучаться о стенки черепа от холода» [2, с. 323]. Пессимизм ученого был связан и с трагическим событием в его жизни – после долгой болезни в конце 1919 года умерла его жена.

Тем не менее, тяжелые условия осени–зимы 1919–1920 гг., безусловно, оказывали влияние на настроения всех современников, независимо от их политических убеждений. Интересно, например, сравнить описание этих ноябрьских дней в дневнике историка-марксиста Н. Дружинина, у которого Ю.В. Готье на тот момент читал лекции на филологическом факультете Московского университета. Несмотря на то, что Дружинин работал в военном комиссариате (и, таким образом, находился в лучшем положении в плане быта), и воевал за советскую власть, его настрой был не более оптимистичен – записи пестрят следующими эпитетами «минорное настроение», «казенно-мертвое настроение» (последнее, между прочим, относилось к мероприятиям празднования годовщины Октября), «мучительное состояние», «дьявольский холод», «собачий холод» и т. д. [3, с. 130–131].

Не все историки «старой школы» были пессимистичны, как Готье. По свидетельству самого профессора, на заседании ученого совета Университета выступил Кизеветтер, который «стал доказывать, что русский народ – государственный народ, и что он воссоздаст то государство, которое он долго и упорно созидал» [2, с. 382]. Между тем, такая позиция ученого не спасла его положения из-за его членства в кадетской партии – его сначала арестовали, затем отпустили на поруки, а в ноябре 1920 года уволили из университета (но дали второй паек, по свидетельству Готье) [2, с. 431].

К сожалению, Готье не выделяет ничего из позитивных реформ большевиков. Неприязнь к ним и их деятельности наполняет страницы с начала по конец дневника. Готье именует большевиков и им сочувству-

ющих «гориллами», «гуннами», «жидами», «идиотами» и так далее, при этом констатируя свою тенденциозность: «Мои заметки, помимо меня, приобретают характер субъективности, которой я им ранее старался не придавать. Но что же делать?» [2, с. 423].

Профессия историка давала возможность Готье видеть генетические связи событий и часто очень верно определять их будущее значение. Так, делая замечания о советско-польской войне, профессор писал: «Как русские не могли понять, что надо отпустить поляков на все четыре стороны, так теперь поляки не могут понять, что забирая западно-русские области, они в будущем открывают эру новых войн между Польшей и Россией» [2, с. 401]. Эти слова написаны очень провидчески, учитывая последующее присоединение к СССР земель восточной Польши, постоянные разногласия из-за них в годы ВОВ, после распада СССР и в настоящее время, учитывая большой «украинский вопрос».

Пессимизм при взгляде на происходящее вызывал у Готье желание покинуть Россию, выехать за границу, о чем он неоднократно пишет. Он не верил, что из «сплошного погрома, называемого русской революцией» вырастет «Доброе семя» [2, с. 423]. Однако, как справедливо указывает М. Пантыкина, исследовавшая языковой дискурс дневника, он «не содержит однозначной отсылки к эмиграции как единственно возможному варианту разрешения накопившихся семейных проблем и реализации позитивных ожиданий» [8, с. 750]. Как один из вариантов смены обстановки рассматривался отъезд из Москвы. Даже побывав в Петрограде и сравнивая с ним Москву, Готье приходит к выводу, что это «в эти ужасные годы он сохранил свое значение наиболее цивилизованного из русских городов» [2, с. 408].

Между тем, Готье остался в стране и не выехал вместе с другими историками-коллегам. Может, в том числе, и потому, что понимал, что заниматься любимым делом – историей родной страны – не сможет за границей. Ведь работа в горькие годы была его отдушиной. Так, в мае 1920 года, попав в Архив Государственного Совета он писал: «Какое счастье сидеть с документами, зная, что тебя никто не потревожит и никуда не нужно спешить» [2, с. 406]. Многие историки, покинувшие Россию, либо по собственной инициативе, либо под принуждением в 1922 году, вынуждены были менять научные интересы, находясь в рамках работы с теми архивами, которые были за границей – в Софии, Праге, Париже, Ватикане. Подобная перспектива была тяжкой для Готье, ведь несмотря на свою критику России и русского народа, которой пестрят страницы дневника, Юрий Владимирович очень любил свою родину. Так, он с горечью писал, что одной из причин падения России, как великой и единой державы является «полная атрофия чувства Отечества» [2, с. 14].

Наблюдение за событиями приводило Готье к неутешительным выводам. Перспективы, судьба России которые он пытался неоднократно предсказать, были неутешительны. «Россия, предаваемая во власть недочек <...> – погибает» – писал историк. Его позитивистские представления о прошлом пошатнулись: «Случайно руль истории повернул

Россию в эту сторону, случайно он мог бы повернуть ее в другую сторону. Я все более и более прихожу к заключению, что случайность, именно случайность, есть истинный двигатель истории» [2, с. 414].

К счастью, не все выводы профессора Ю.В. Готье были справедливы. Как историк, он старался определить причины, роль и значение событий революции 1917 года, но делал это с большой долей субъективизма. С другой стороны, дневник потому и не может стать научным трудом, поскольку имеет целью фиксацию личных переживаний. Тем не менее, взгляд Готье на события все-таки отразил его профессиональную и социальную принадлежность. Некоторые исследователи сравнивают позицию Готье со взглядами авторов сборника «Из глубины» [4]. Действительно, параллели в их взглядах на русскую революцию очевидны. Однако П.И. Новгородцев писал как философ, А.С. Изгоев как литератор, П.Б. Струве как политик. Заметки Ю.В. Готье отличают скрупулезность, внимание к фиксации мелочей, попытка сделать анализ описываемых событий с позиции историзма, что делает их уникальным источником как об истории революции, так и о самой личности автора.

Список литературы

1. Гиппиус З. Дневники: в 2 кн. – М.: Интелвак, 1999. – Кн. 2. – 718 с.
2. Готье Ю.В. Мои заметки. – М.: Терра, 1997. – 588 с.
3. Дневник Н.М. Дружинина // Вопросы истории. – 1996. – №4. – С. 112–134.
4. Вехи. Из глубины: сборник / Ин-т общественной мысли; сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н.И. Канищева. – М.: Российская политическая энцикл. (РОССПЭН), 2010. – 599 с.
5. Иконникова С.Н. Биографика как часть исторической культурологии // Вестник СПбГУКИ. – 2012. – №2 (11). – С. 6–10.
6. Неизданный В.Г. Короленко: публицистика, письма, дневники, записные книжки: в 2 т. / предисл., публ., сост., коммент. Т.М. Макагоновой, И.Т. Пяттоевой; Рос. гос. б-ка, НИО рукописей. – М.: Пашков дом, 2013. – Т. 1. – 351 с.
7. Мандрик М.В. Юрий Владимирович Готье, 1873–1943 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – СПб., 2000. – 302 с.
8. Пантыкина М. Сценарии политической жизни 1917–1922 гг. в дневнике Ю.В. Готье: опыт когнитивно-дискурсивного анализа // Quaestio Rossica. – 2018. – Т. 6. – №3. – С. 742–756.
9. Тихонов В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века: научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. – М.; СПб.: Нестор-История, 2012. – 320 с.
10. Шарапов Ю.П. Читая дневник Ю. Готье // Вопросы истории. – 1993. – №4. – С. 106–125.
11. Шеуджен Э.А. 1917 г. Заметки Ю.В. Готье: к истории повседневности // Диалоги с прошлым. – 2000. – №1. – С. 5–10.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ДИСКУССИЙ

Павлушков Александр Рудольфович

канд. ист. наук, доцент

ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики ФСИН»
г. Вологда, Вологодская область

ПЕТРОВСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КАРАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Аннотация: Собрание законов Российской империи представляет собой комплекс законодательных актов, отражающих эволюцию отечественной государственности. Развитие государственно-церковных отношений в карательной сфере в первой четверти XVIII века относилось к разряду узких направлений, но вместе с тем игравших важную роль. В статье ставится проблема оценки информативности законодательных актов относительно участия церкви в карательной политике государства. Результатом исследования является вывод о содержательной полноценности источников, показывающих общую тенденцию утверждения абсолютизма.

Ключевые слова: исторический источник, законодательный акт, абсолютизм, полное собрание Российской империи.

Эпоха Петра I вошла в отечественную историю как период кардинальных реформ, принципиально изменивших российское общество [1, с. 50] и выразивших протест против застоя [5, т. 14, с. 427]. Модернизация затронула все сферы, в том числе и карательную. Законодательные акты в этом отношении сыграли принципиальную роль, поскольку создавали правовой фундамент для воплощения социальных проектов. С 1689 по 1725 г. было принято 3314 различных актов, вошедших в Полное собрание законов Российской империи. В качестве отправной точки берется 1689 г., когда было ликвидировано регентство Софии, а фактической властью стал обладать Петр I. Роль соправителя – Ивана (брата Петра) была номинальной. Для сравнения при Екатерине II, правившей во времени практически столько же, сколько и Петр Великий, законодательных актов было принято почти в два раза больше (5948 законов). Однако величие и масштаб законодательного корпуса петровской эпохи вызывает уважение.

Общая доля законодательных источников, непосредственно связанных с государственно-церковными отношениями в карательной сфере и представленных в первом издании полного собрания законов Россий-

ской империи (далее ПСЗРИ-I) составляет около 2%. Это достаточно много, если иметь в виду, что карательная сфера не была приоритетной деятельностью Петра, а тем более в разрезе государственно-церковных отношений. Большая часть представленных документов связана с вопросами разграничения судебных полномочий церкви и государства, а также реализацией задач абсолютистского государства, требующего от церкви не просто лояльности, но выполнения ею новых государственных функций [2].

Законодательные акты, собранные в ПСЗРИ-I являются одновременно и правовым и историческим источником. Для исторической науки важно понять, насколько действовавший юридический комплекс соответствовал развитию общественных отношений. Кроме того, документы того времени дают неоценимый исторический материал. Именно фактическая сторона дела интересна для понимания общественных отношений того времени. На примере именного указа о казни богоотступников 1689 г. возможно воспроизводство фрагментов социальных отношений внутри социума, изучение отношения населения к «чародеям» [3, №1362].

Научный интерес представляют обнародованные именные указы и следственные дела. Их отличает подробное описание «злодейств», простой язык изложения. Такие законы играли воспитательную роль. В указах о наказании участников стрельеческих бунтов, к которым были причастны и духовные лица, содержится дополнительная информация о месте церковных учреждений в карательной системе. В них сообщалось о месте розыска мятежников (Троицкий Сергиев монастырь), примененных пытках, назначенных наказаниях [3, №1349, 1371, 1648]. Не меньший научный интерес имеют резолюции на доклады в Сенате. Из докладных пунктов князя Меншикова очевидно, что отношения в провинциях между церковной и местной властью были крайне напряженные. Неоднократные челобитные архимандрита Соловецкого монастыря на Олонецкого коменданта за нарушение монастырских промыслов, незаконные аресты, пытки, избияния монахов привели к тому, что делом вынужден был заниматься главный государственный орган. Архимандрит просил вмешаться Сенат и прекратить злоупотребления коменданта и поручика. Определенную роль сыграла приписка настоятеля о том, что в результате беззакония «монастырь пришел в оскуднение» и нечем кормить стрельцов, присланных для «бережения от неприятеля» [3, №2194, с. 408].

Имеющиеся законодательные акты можно разделить на несколько видов. Первую группу составляют основополагающие законодательные акты, в которых определялись основы карательной политики, разграничивалась юрисдикция церкви и государства и определялось место церковных учреждений в карательной сфере (Артикул воинский, Духовный регламент, Морской устав, Наказ сыщикам). Они имеют принципиальное значение, поскольку раскрывают статус различных церковных учреждений и институтов (например, в Духовном регламенте, регламентировались полномочия Синода; в Морском и Артикуле воинском конкретизировалось применение церковного покаяния). К этой группе относятся также именные указы Петра I о подсудности священников, монахов и церковных людей [3, №1872, 1876].

Вторая группа источников включает в себя документы, связанные с розыском, надзором и наказанием раскольников [3, №2921, 3183]. К ним относятся именные указы; распоряжения Сената; решения Синода, утвержденные императором. Раскольники представляли и для государства, и для церкви серьезную проблему, поскольку задевали общие интересы. Розыск и судебное производство раскольников осуществлялось совместными усилиями церкви и государства. Если судить по содержанию документов, то можно сделать вывод о достаточно мощном противодействии раскольников официальной церкви. Поэтому предписывалось заключать сопоставлявшихся раскольников в отдаленные монастыри [3, №4153]. Решения такого рода также отличаются информативностью, поскольку задачей их опубликования было стремление вызвать негативный общественный резонанс к расколу.

В третью группу объединяются многочисленные резолюции императора на докладные пункты Синода. В них разрешались спорные ситуации и уточнялась компетенция церкви в вопросах наказания светских и духовных лиц. Такого рода документы представляли собой объединение нескольких дел, по которым предварительно выражалась позиция Святейшего Синода в форме предложения императору. Отметим, что довольно часто решение императора не совпадало с предложениями духовной коллегии, и Синод безропотно подчинялся воле самодержца [3, №3769].

В отдельную (четвертую) группу законодательных актов можно отнести именные указы и постановления Синода о монастырях как карательных учреждениях. В них помещали безумных преступников, учителей раскола [3, №3891, 3962]. Самостоятельную группу составляют дела о духовенстве. По ним можно составить представление о духовном состоянии в целом, его правовой культуре.

Содержание и формы опубликованных законодательных актов говорят о европеизации. Они стали принимать более строгую форму. Появилось делегированное правотворчество, когда с императором согласовывались только важные вопросы. Тексты законов стали иметь печатный вид отсылаться на места.

На формирование законодательства во многом повлиял противоречивый характер эпохи [4, с. 5]. При первом приближении законодательные акты имели бессистемный характер, дублировали друга по смыслу. Во многом это связано с тем, что население страны еще не имело определенного уровня правовой культуры. «Крайнее невнимание к закону и казне глубоко укоренилось в нравах русских людей», — пишет С.М. Соловьев, оценивая состояние русского общества в начале XVIII в. [5, с. 768]. Это объясняло и жесткий характер санкций по отношению к нарушителям. Смертная казнь занимала ведущее место среди карательных мер.

Часть указов имела казуальный характер. В них раскрывалась связь между принимаемым решением и причинами его породившим. В большинстве случаев это были правонарушения, которые подробно описывались в тексте закона. Как правило, факты излагались последовательно, что позволяет восстановить не только хронологию событий, но и понять мотивы поступков людей. Именно эта часть документов интересна с по-

зиции исторической науки, поскольку в ней отражалась не только реакция общества и государства, но и затрагивалась социальная материя: люди, события, действия.

Таким образом, законодательные акты Полного собрания законов Российской империи вполне информативны, чтобы охарактеризовать отдельные аспекты развития государственно-церковных отношений в карательной сфере. Они отражают различные стороны карательной политики государства, дают определенное представление о карательно-исправительной системе Русской православной церкви в контексте утверждения абсолютизма.

Список литературы

1. Нефедов С.А. Петр I: блеск и нищета модернизации // Историческая психология и социология истории. – 2011. – №1. – С. 47–53.
2. Павлушков А.Р. К вопросу о статусе Русской Православной Церкви и применении церковного наказания во второй половине XVII – начале XVIII в. // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. – 2013. – №3. – С. 29–37.
3. Полное собрание Российской империи (1649–1825). – Т. 3–7.
4. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. – Т. 4. – М.: Юрид. лит., 1986. – 521 с.
5. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 29 тт. – Кн. 4. Т. 18. Гл. 3. – СПб.: Общественная польза, 1859–1871. – 1656 с.

Вязова Ольга Георгиевна

канд. ист. наук, доцент

Недвигина Олеся Максимовна

студентка

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-32577

ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКИХ ИГР ЖИТЕЛЕЙ Г. ЧЕБОКСАРЫ (1940–1980-е гг.)

Аннотация: в статье на основе собранных интервью и анкетирования жителей города Чебоксары были выявлены локальные особенности детских игр в 1940–1980-х гг., а также факторы, влияющие на их формирование.

Ключевые слова: детская игра, придомовая территория, приспособление окружающей среды, локальные особенности, профессиональная принадлежность.

Детские игры в своей основе являются носителями фольклорных, мифологических традиций и собирают в себе память многих поколений людей. Они всегда были составной частью повседневности человека, его культуры. На сегодняшний день в обществе остро стоит вопрос сохранения и развития богатой игровой культуры, в особенности, когда современное поколение детей подвергается сильному воздействию средств

массовой информации, рекламы, распространению компьютерных игр. Сегодня некоторые исследователи выделяют целую детскую субкультуру, которая становится предметом изучения историков, педагогов, психологов, культурологов и других специалистов. Проводятся различные научно-практические конференции, посвященные изучению детской игрушке и игре [1]. Проявляется интерес не только к народным играм, но и к игровой деятельности городских детей советского времени [3]. Подчеркивается, что детские игры в школе или во дворе выполняли такие важные функции как формирование морально-этических установок, способствовали физическому развитию, творческих способностей, логического мышления, оказывали огромное влияние на формирование личности ребенка. Следует также отметить, что в последние годы значительно возрос интерес к истории советского города, причем к повседневной его жизни [4]. Следовательно, на взгляд, обращение к изучению детских игр городских жителей позволит расширить наши представления о городской повседневности, а также собрать дополнительный материал для анализа психологами, педагогами поведенческих практик детей.

В данной работе мы решили рассмотреть локальные особенности детских игр жителей г. Чебоксары в 1940–1980-е годы.

Источниковой основой исследования стали материалы, во-первых, полученные в ходе длительных глубинных интервью со взрослыми чье детство прошло в 1940–1980-х гг., во-вторых, анкеты, на вопросы которой респонденты самостоятельно письменно отвечали, в-третьих, нами были использованы данные, размещенные на региональном портале «НА-СВЯЗИ.ru». На нем в разделе «Форумы» ежедневно общаются жители Чувашии и г. Чебоксар. В двух из таких форумов проходит обсуждение детской повседневности в советский период, где пользователи охотно делятся своими воспоминаниями из детства и фотографиями из личных архивов. Некоторые участники форума достаточно подробно характеризуют игры, в которые они играли в детстве. На форуме можно также найти интересные описания улиц самого города Чебоксары и его дворов. Форум позволяет даже представить глазами детей, как осуществлялась застройка нашей столицы Республики.

С целью более последовательного и системного анализа детских игр мы выделили следующие группы: подвижные игры, которые, в свою очередь, делятся на сезонные – летние, зимние и межсезонные; сюжетно-ролевые игры, в которых дети следуют определённому заданному сценарию; интеллектуальные игры; творческие игры.

Самой обширной и многообразной группой оказалась первая группа, так как в детском возрасте высока потребность в активной двигательной деятельности. На всем протяжении выбранного хронологического периода и во всех районах города дети играли в прятки, догонялки, вышибалы, футбол, волейбол, пионербол, классики, «12 палочек», «Царь горы», городки, лапту, «штандер-стоп», «жмурки», катались на коньках, санках, самокатах и велосипедах. Но можно выделить такие подвижные игры, которые встречались только в отдельных районах города.

Особая планировка первых многоэтажных домов, строившихся по проспекту Ленина, когда между окнами имелись достаточно большие расстояния, способствовала изобретению девочками новой игры с мячом. Мяч подкидывался, ударялся об стену, в момент удара об асфальт нужно было через него перепрыгнуть и при этом не задеть за него никакими частями тела. Выигрывал тот, кто мог подкинуть мяч как можно выше, и перепрыгнуть через него в момент удара об асфальт. С девочками в эту игру иногда играли и мальчики. Некоторые участники могли перепрыгнуть через мяч, даже подкидывая его до уровня второго этажа. Игра увлекала! Очень часто прерывалась только потому, что не выдерживали жильцы квартир, об стены которых постоянно ударялся мяч [2]. Некоторые респонденты, эту игру называли «в козла» [7]. Появление дворов, в которых проезжая часть с помощью бордюров отделялась от тротуара, привело к изобретению такой игры, как «набиваль» [5]. В эту игру, как правило, играли девочки. Мячом нужно было ударить об асфальт, дальше мяч должен был отлететь от бордюра и попасть в руки игрока.

Активное строительство Новоюжного района г. Чебоксары в 1970–1980-х гг., наличие большого количества строительного материала способствовало появлению такой игры, как «плитка». Ее можно назвать модификацией игры в «гольф», только в ямку нужно было, кидая палку, закинуть, затолкать керамическую плитку [6]. Возведение в этом же районе высотных многоэтажных домов, соединенных в одну большую придворную территорию, размещение во дворах различных металлических конструкций для выбивания ковров, способствовали появлению модификации игры в догонялки. Дети бегали по этим конструкциям, перебраться с одной на другую можно было, только прыгая на одной ноге, и в этот момент водящий мог догнать другого игрока и сделать его водящим [6].

Очень часто подручный материал для игр и развлечений дети мастерили сами. То, что делалось, из чего делалось, в каком количестве очень часто определялось особенностями территории района, двора. «В нашем доме, по проспекту Ленина, находилась столовая и кулинария, поэтому во дворе всегда имелись деревянные ящики, состоящие из дощечек. Эти ящики и дощечки активно использовались как мальчиками, так и девочками разных возрастов. Совсем маленькие их использовали в песочнице, делая из них мосты и дороги, просто кидая, кто дальше закинет. Дети постарше из ящиков сооружали дома для себя и кошек, которых во дворе тоже было очень много, блиндажи, штабы, обустроивая своеобразные дома на деревьях. Мальчики с помощью ножей вырезали пистолеты, ружья, самострелы, которые стреляли с помощью прищепки, резинки и вишневой или сливовой косточки. Отдельные умельцы даже делали самокаты и доски на подшипниках, на которых потом гоняли по двору и всему проспекту, который спускался вниз, чуть ли не до Волги. Я очень хорошо помню, что эти деревянные ящики очень ценились, за ними «охотились» ребята из соседних дворов, которые тоже мечтали их активно использовать в своей деятельности [2]».

В северо-западном районе мальчики отправлялись на территорию главного корпуса университета. Около здания, где располагалась военная кафедра, стоял МиГ-15. Некоторые его детали были сделаны из маг-

ния. Брли какой-нибудь точильный инструмент, стачивали им магний. Эта магневая пыль удивительно горела, если ее смешать с серой... Все дворы этим как раз и пылали в 1980-х годах. Еще собирали гильзы на территории парка «500 лет Чебоксар». Часть этого парка сейчас называется «Амазония». Там постоянно учились стрелять холостыми патронами студенты университета, поэтому оставалось большое количество гильз. Мальчишки их собирали, а у некоторых даже дома складывались целые арсеналы [8]. Собранные гильзы использовались в самых различных целях. Они были предметом своеобразной гордости, их даже можно было на что-то поменять.

Не только специфика придворовой территории приводила к появлению локальных игр, интересов, пристрастий, но и среда, в которой общались дети. Эта среда, как нам удалось выяснить, оказывала влияние на такую категорию игр, как творческие игры. Так, некоторые респонденты вспоминали об организации театральных постановок, концертов, объясняя это тем, что во дворе жили актеры, работники театра, которые даже приносили с работы для детских выступлений костюмы, декорации [2; 7]. Инициаторами этих выступлений становились, как правило, уже подростки, но они привлекали к этому процессу всех жителей. «Помню, как нам дали задание пройтись по квартирам и собрать деньги на занавес, который у нас стал совсем старым. И вот ходили, просили, давали. Потом купили ткань, и председатель нашего домового комитета сшила нам новый занавес. Выступления устраивали в беседке, которая была достаточно большой, перед ней стояли в несколько рядов скамейки. Все как в настоящем театре, сцена, занавес, скамейки – кресла. Мест иногда не хватало, и кто-то из дома даже выносил свои стулья. Участвовала я в двух постановках. Первую организовывали старшие девочки, и мне тогда было лет 5, поэтому я запомнила только сказку «Про курочку Рябу». Я в ней играла бабку, а мой сосед тоже пятилетний Илья деда, очень хорошо помню, как нас учили причитать, когда яйцо разбилось. Готовились специальные объявления о предстоящем концерте, они развешивались на дверях подъездов. Весь дом, как правило, собирался, мест на скамейках не хватало, и некоторые даже смотрели стоя.

Вторую постановку мы уже организовывали сами, привлекая к этому более маленьких детей: проверяли у них, как они могут читать стихи, петь песни. Нашему примеру последовали и ребята из соседнего дома, у них во дворе тоже была беседка со скамейками и поэтому они тоже смогли организовать один концерт [2]». Организация подобных выступлений – это бесценный опыт, который получали дети в области организационной работы: нужно составить план концерта, решить, кто за что отвечает, договориться с артистами (иногда это было не просто, так как очень многие хотели выступить, но не у всех получалось, нужно было научить, объяснить). Ребята также учились держаться на сцене, преодолевать страх и боязнь выступления перед большим количеством людей.

Таким образом, дети, играя, проявляя смекалку и фантазию, активно осваивали и «приспосабливали под себя окружающую среду». Даже на территории одного города она могла отличаться, что приводило к появ-

лению локальных отличий в детских играх. Эти отличия, во-первых, определялись особенностями придомовой территории, во-вторых, окружающими детей людьми, а именно их профессиональной принадлежностью.

Список литературы

1. Абраменкова В.В. Социальная психология детства: учеб. пособ. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – 431 с.
2. Игра и игрушки в истории и культуре, развитии и образовании: материалы междунар. науч.-практ. конф. 1–2 апреля 2012 года. – Пенза – Витебск – М.: Социосфера, 2012. – 251 с.
3. Морозов И.А. «Игра» и «ритуал» в современном научном дискурсе // Традиционная культура. – Научный альманах. – М., 2001. – №1. – С. 20–28.
4. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве взрослых [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://klex.ru/875>
5. Волосова Е.Б. Повседневность советского детства как фактор формирования личности (на примере г. Усть-Илимск) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – №1 (21). – С. 78–83.
6. Егорова О.В. Чувашская женщина в современном городе: этнокультурный аспект / О.В. Егорова, Н.А. Петров, И.В. Дмитриева // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2017. – №4. – С. 93–103.
7. Косякова Е. Новый быт сибирского Чикаго: очерки городской повседневности Новосибирска между войнами / Благотворительный фонд «Мемориальный комплекс маршала А.И. Покрышкина». – Новосибирск: Сибирская Горница, 2006. – 237 с.
8. Интервью с Казаковым Николаем Александровичем (род. в 1975 г.). Интервьюер – Недвигина О.М. 14 марта 2018 // Полевые исследования авторов.
9. Интервью с Жерженовой Еленой Владимировной (род. в 1974 г.). Интервьюер – Недвигина О.М. 13 декабря 2017 г. // Полевые исследования авторов.
10. Анкета. Вязова Ольга Георгиевна, 1970 г.р. // Полевые исследования авторов.
11. Интервью со Степановой Светланой Тимофеевной (род. в 1950 г.). Интервьюер – Недвигина О.М. 7 апреля 2018 г. // Полевые исследования авторов.
12. Интервью с Широковым Олегом Николаевичем (род. в 1970 г.). Интервьюер – Недвигина О.М. 8 мая 2018 г. // Полевые исследования авторов.

Гаврилов Олег Елизарович

канд. геогр. наук, доцент, заведующий кафедрой

Карягин Федор Александрович

канд. геогр. наук, профессор

Гаврилов Александр Олегович

студент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

В.Д. ДИМИТРИЕВ О ПРИРОДЕ ЧУВАШСКОГО КРАЯ

Аннотация: в статье рассматриваются малоизученные аспекты в научно-исследовательской деятельности В.Д. Димитриева, а именно исследование им природы Чувашского края. Проанализированы работы Василия Димитриевича, где описаны природные составляющие территории Чувашии: почвы, растительность, животный мир, водные объекты. По работам ученого можно выявить, в каком направлении шли изменения в природе с тех пор до наших дней на территории Чувашии.

Ключевые слова: природа; угодья; лесные площади; лесистость края; дикие животные; мельничные пруды; водоемы; ветряные мельницы; климатические условия Чувашии.

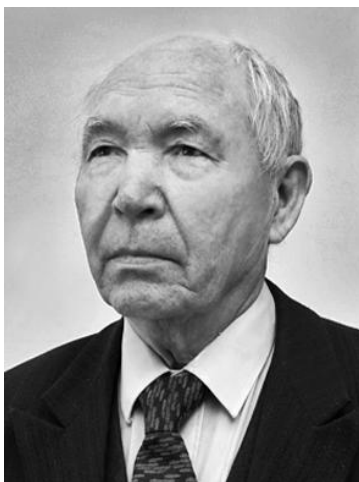

Рис. 1

Димитриев Василий Димитриевич один из видных ученых-историков, организатор исторической науки, общественный деятель, патриот. Он автор двух десятков монографий, более 300 публикаций по

истории Чувашского края, Чувашской Республики, ее столицы, один из ведущих ученых Российской Федерации по средневековой истории Поволжья и народов, его населяющих. Он инициатор издания и один из основных авторов двухтомной Истории Чувашской АССР (1966, 1967). Монографии Василия Дмитриевича «История Чувашии XVIII века» (1959), «Дореволюционное прошлое города Чебоксары» (1969) и «Чувашия в эпоху феодализма» (1986), а также многочисленные статьи получили высокую оценку не только отечественного исторического научного сообщества, но и зарубежного. Свои многочисленные исследования и труды В.Д. Дмитриев создавал, опираясь на достоверные исторические факты, отраженные в архивных документах или на фактических материалах кропотливо собранные им лично. Как общественный деятель Дмитриев В.Д. избирался депутатом Верховного Совета Чувашской АССР и на этом поприще ответственно выполнял свои депутатские обязанности, добивался выполнения наказов своих избирателей. Как патриот и гражданин своей страны он добровольно ушел на фронт и прошел по военным дорогам от Черкасс до Восточной Пруссии, был командиром батареи.

Патриотизм его проявлялся не только на полях сражения во время Великой Отечественной войны, но и в трудах по истории. В своих исследованиях Василий Дмитриевич показал отчаянное сопротивление Великой Булгарии многократно превосходящим по численности войскам Золотой Орды, гнет, испытываемой чувашами и народами Среднего Поволжья от Золотой Орды, затем от Казанского ханства, добровольное вхождение чувашей в состав Русского государства, испытываемую несправедливость чувашами и другими «инородцами», исходящую со стороны царского правительства. Он восторгался победой трудового народа в Великой Октябрьской революции и Гражданской войне, огромными успехами в социалистическом строительстве, победой советского народа в Великой Отечественной войне и послевоенными успехами, экономическим, социальным и культурным развитием родной Чувашии.

Однако мало кто из тех, кто знаком с трудами В.Д. Дмитриева, обращал внимание на его исследования природы Чувашского края в прошлом. В ходе анализа истории развития чувашского народа и Чувашского края он не оставлял без внимания и историко-географические аспекты территории. Знакомство с трудами В.Д. Дмитриева показывает, что его исследования о состоянии природы прошлого весьма глубокие и их ценность со временем постоянно возрастает. Мы поставили цель восполнить в какой-то степени этот пробел.

Вот одно из описаний В.Д. Дмитриева о природе времен появления человека в Среднем Поволжье: «в те далекие времена значительная часть Северного полушария подвергалась оледенению. Однако территория Среднего Поволжья даже в эпоху самого большого, днепровского, оледенения не была занята льдами. Граница ледника проходила по верховьям Дона, вдоль реки Суры – к западу от нее, через низовья Ветлуги, севернее Вятки и Камы и уходила на Обь. Но близость ледника сказывалась на природных условиях Среднего Поволжья. Климат был холод-

ным. Здесь, в тундре, водились мамонты, шерстистые носороги и северные олени» [7, с. 12].

Для историков-географов представляет особый интерес соотношение угодий, представленный в своих работах ученым. В силу того, что большинство чуваш были государственными крестьянами, то и площади их угодий были больше чем приусадебные участки русских помещичьих крестьян Чувашского края (2,5% против 1,7%) [3, с. 74, 4, с. 389].

В.Д. Дмитриев обращал внимание и на нагрузку на земельные ресурсы. Уже в XIV–XV вв. почти половина земель представляли собой сельскохозяйственные земли и в их структуре большую часть представляли пашни. Наиболее высокий процент пашни (66,6%) в чувашской части Тетюшского уезда – в степном районе. В чувашских частях Алатырского, Буинского и Курмышского уездов пахотные земли занимали от 20,6 до 34,8% площади всех угодий [3, с. 72, 74; 4, с. 392]. Тут Василий Дмитриевич приводит подробную таблицу о структуре земельных ресурсов в разрезе уездов и их частей, вошедших в состав Чувашского края [3, с. 70–71].

Подтверждая также таблицей, В.Д. Дмитриев далее описывает площади сенокосных угодий в каждом уезде (от 4,6% в Ядринском уезде до 13,4% в Тетюшском уезде [3, с. 74; 4, с. 392].

Немаловажный интерес для современных исследователей природы представляет описания В.Д. Дмитриева о лесных массивах и сведения о почвах Чувашского края по состоянию в XVIII веке. По его описанию в это время лесистость территории края составляла 49,0%. причем довольно высокая была и в тех районах, которые в настоящее время относятся к безлесным (на территории Цивильского уезда, ныне почти безлесном районе, лесистость составляла 48,6%). Высок был процент лесистости и в Ядринском уезде (45,2%). Преобладающий удельный вес занимали леса в Алатырском, Буинском и Курмышском уездах. Отступив от темы, можно заметить, что за 1,5 столетия удельный вес лесов Чувашии снизился до 31%: их площадь сократилась на 36%. Общий процент современной лесистости края составляется за счет присурских и завожских лесов, которые с рубежа XVII–XIX вв. сохранились почти без убыли. Леса населенных территорий оказались уничтоженными за 150 лет на 80% [3, с. 74, 4, с. 383].

Известно, что В.Д. Дмитриев в своих трудах при описании природы опирался на материалы Генерального межевания. Указывая, что «главнейшим природным ресурсом Чувашии являлась обрабатываемая земля», – он отмечает, что «при описании каждой дачи в Материалах указывается состав почвы». Однако эти указания большей частью не совпадают с современной классификацией состава почв. На правобережной части Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов преобладали подзолистые почвы (в описаниях «грунт земли черноземный с песком»). На левобережной части этих уездов – песчаные почвы (в описаниях «грунт земли песчаный»), а по долине Волги – пойменные (в описаниях «грунт земли иловатый», «иловатый с песком»). В Цивильском уезде между Большим и Малым Цивильями – чернозем, по долинам Цивилей – пой-

менные почвы, на большей части территории уезда – слабо оподзоленные почвы, которые в описаниях названы либо черноземом, либо черноземом с песком. Такие же почвы преобладали в Ядринском уезде. Юго-восточная часть Чувашии, входившая в Тетюшский и Буинский уезды, покрыта черноземными и отчасти слабо оподзоленными почвами. На территории присурских лесных массивов Алатырского, Буинского и Курмышского уездов – песчаные, отчасти супесчаные и суглинистые почвы. Та часть Курмышского уезда, которая входит в Чувашию, характеризовалась пойменными (по правобережью Суры), черноземными (левобережье Суры), супесчано-суглинистыми и частично оподзоленными (в Шумерлинском подрайоне) почвами (в описаниях эти почвы названы илистыми, черноземными, серопесчаными, сероглинистыми). На территории чувашской части Алатырского уезда – черноземные, оподзоленные, пойменные, супесчано-суглинистые почвы (в описаниях: черноземные, черноземные с песком, глинистые, сероглинистые, серопесчаные и иловатые)» [3, с. 74, 4, с. 394].

Описания генерального межевания не содержат конкретных сведений о плодородии почв. Преобладают замечания: «земля к плодородию без удобрения способна», реже встречаются указания на то, что «земля к плодородию без удобрения не способна» [3, с. 75, 4, с. 393].

При изучении материалов Генерального межевания В.Д. Димитриев не оставил без внимания: «...интересные сведения о лесах, о породах деревьев, высоте и толщине деревьев строевого леса, о пригодности лесов к корабельному строению и поташному делу» [3, с. 75; 4, с. 394].

Следующее исследование представляет большой интерес для орнитологов, – «леса того времени были более богаты фауной, чем ныне. Во всех лесах, даже в небольших, водились волки, лисицы, горностаи, белки и зайцы, а в крупных, кроме них, обитали медведи, лоси, куницы. Мир пернатых был представлен кречетами, соколами, балобанами, орлами, беркутами, ястребами, тетеревами, куропатками, чижами, щеглами, рябчиками, горлицами, клинтухами, вяхирями (виды голубей), кукушками, соловьями, скворцами, синицами, зябликами, дроздами, совами, сороками, филинами, дятлами, воронами, коростелями, сойками, грачами, малиновками, ласточками, снегирями, пеночками и др. Кстати, в числе полевых птиц описания называют жаворонков, перепелов, овсянок, ласточек, воробьев, галок, грачей и пр. Насельники края добывали в лесах строительные материалы, топливо и корм для скота, охотились на зверей, собирали плоды, грибы, съедобные травы» [3, с. 77; 4, с. 395].

Вот это описание представляет большой интерес не только для гидрологов, но практический интерес для руководителей и специалистов органов гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций охраны окружающей среды. «Судя по имеющимся в описаниях данным о глубине и ширине рек и речек, можно заключить, что в изучаемое время они были значительно полноводнее, чем сейчас. Это, прежде всего, зависело от высокого уровня лесистости края. К тому же на реках и речках было очень много мельничных прудов и водоемов, которые препятствовали развитию эрозии почвы. Реки широко использовались как источник водной энергии, отчасти для сплава леса. Волга, Сура и Цивиль служили

водными путями» [3, с. 77; 4, с. 395]. Что касается качества воды в них, в описаниях к материалам генерального межевания XVIII века указывается, что «вода во оных для употребления людям и стоку здорова, и ловится рыба разная» [1, с. 76; 2, с. 111].

При анализе материалов Генерального межевания В.Д. Дмитриев не оставил без внимания изучению рыбных ресурсов и околородной дичи. «В те времена не только в крупных и средних реках, но и в малых реках и речках, а также в озерах водилось много рыбы. Волга и ее заливы в пределах Чувашии изобиловали осетром, белугой, шипом, стерлядью, щукой, лещом, судаком, сазаном, сомом, язем, ершом, гольцом, окунем, налимом, линем, плотвой, пескарем и пр., заволжские озера – щукой, лещом, карасем, язем, головнем, линем, окунем, ершом, плотвой, вьюном и др. Сура и ее старицы, присурские озера славились стерлядью, сомом, лещом, судаком, в них водились также щуки, лососи, язи, синцы, окуни, сазаны, налимы, шересперы, жерехи, ерши, пескари, плотва, головни, уклейки, гольцы, караси, лини и пр. В речках водились щуки, окуни, налимы, уклея, гольцы, ерши, вьюны, плотва, пескари и пр., в озерах – караси, лини, окуни, ерши, язи, налимы, гольцы, плотва, пескари, а в некоторых – щуки и лещи. Почти при всех реках, речках и озерах налетом бывали дикие гуси, утки, кулики и бекасы, местами – пигалицы, лебеди, вальдшнепы, мартышки, бакланы, журавли, бабы-птицы (пеликаны), рыболовы (чайки)» [3, с. 77–78; 4, с. 395–396].

Сказанное В.Д. Дмитриев иллюстрирует более подробной таблицей. Мы, используя таблицу Василия Дмитриевича, построили сравнительную таблицу, отражающую состав ихтиофауны того времени по данным ученого и современный перечень видов рыб по данным Н.Г. Игнатьева и В.М. Шабалкина [10, с. 234]. Состав современного состояния рыбного населения оказался весьма бедным по сравнению с составом ихтиофауны наших рек времен Генерального межевания.

Для экологов представляет большой интерес и то, что В.Д. Дмитриев обратил внимание на использование энергетических ресурсов, которых мы сейчас причисляем к альтернативным. «Многочисленными были мелкие предприятия мукомольного производства – водяные и ветряные мельницы. В Чувашии численно преобладали водяные мельницы (736 мельниц, или 91,2% их общего количества). Они были во всех уездах. Старинные чувашские мельницы – колотовки – были в значительном количестве (всего 102) в Ядринском уезде. Немного (7) их было в Цивильском уезде, лишь 1 – в Чебоксарском, причем здесь каким-то образом она попала в русское помещичье селение. Из общего количества водяных мельниц колотовки составляли 14,9%. По характеристике описаний дач, колотовки действовали только весной, осенью и в дождливое время. Колотовки были не только однопоставные, но и двухпоставные, трехпоставные.

Преобладали мельницы русского типа с наливным колесом. Мельниц с «подосевным колесом» (колесо крутится от силы воды, протекающей под ним) было мало. В числе водяных мельниц русского типа составляли 85,1%. Среди них преобладали однопоставные мельницы.

Ветряные мельницы получили распространение в Курмышском (58) и Алатырском (12) уездах. Одна мельница была в Ядринском уезде» [3, с. 119; 4, с. 433–434]. Абсолютное большинство мельниц (612 водяных и 27 ветряных) было расположено на землях чувашских государственных крестьян. Немало мельниц было на землях помещиков и русских государственных крестьян» [3, с. 124; 4, с. 437]. Сказанное В.Д. Дмитриев опять же сопровождает подробнейшей таблицей.

«Положение в Болгарском улусе, как во всей Орде и русских княжествах, усугублялось начавшимися в Восточной Европе в 1361 г. бесснежными морозными зимами, летними тяжелыми засухами и эпидемиями, продолжавшимися более десяти лет. В 1361 г. на Волге была зима суровая и бесснежная, а лето очень жаркое и «бысть в татарах глад великий». В 1362 г. при таких же природных условиях «бысть мятеж силен в Орде, мнози цари (т. е. ханы – В.Д.) и царевичи и радци иссекошась меж собой». «Того же (1362) лета бысть морь на люди в Орде, так по ряду и пошел по русским городомь». В 1364 г. «бысть сухмень велиа по всей земли и воздух куряшесь м земля горяше», из золотоордынских поволжских городов (в т. ч. болгарских), из Бездежа проникает в Нижний Новгород, а оттуда во многие русские города «разыдеся морь силен и страшень». На третий день люди умирали. Умерших хоронили по 5–20 человек в одну могилу. Должно быть, так было и в Болгарском улусе. В 1365 г. «мгъла стояла съ поллета, и зной и жара бяху велицы, лесы и болота и земля горяше, и реки презхоша (т.е. пересохли. – В.Д.)... и бысть страх и ужась на всех человецех и скорбь велиа». В 1366 г. «бысть сухмнь и зной великъ, и въдух куряшесь и земля горяшее, и бысть хлбна дороговь повсюду и глад велий по всей земле, и съ того люди мряху», распространился «морь великъ». Не только войны, но и голод и эпидемии сокращали в эти годы численность населения Болгарского улуса. (ПСРЛ. Т. 11. С. 3–6; Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. – Казань: Фэн, 1994. – С. 65) [7, с. 124].

Изучая труды В.Д. Дмитриева, можно узнавать не только о состоянии природы исследуемого им исторического времени, но и можно судить о том, в каком направлении шли изменения в природе с тех пор до наших дней и какие изменения следует ожидать в дальнейшем. Такую возможность нам дают сведения не только о состоянии природы, но и о способе ведения и состоянии хозяйства в наших краях 200–300 лет тому назад, содержащиеся в трудах В.Д. Дмитриева.

Список литературы

1. Гаврилов О.Е. Экономико-географический анализ природных ресурсов Чувашской Республики. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005 – 180 с.

2. Гаврилов О.Е. Природно-ресурсный потенциал: дис... канд. геогр. наук: 25.00.24 – Воронеж: Воронеж. гос. университет, 2002 – 199 с.

3. Дмитриев В.Д. Чувашия в конце XVIII – начале XIX века (по материалам генерального межевания): Исторический сборник. Ученые записки НИИЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966 – Вып. 31. – С. 64–137.

4. Дмитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX в.). – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. – 456 с.

5. Димитриев В.Д. Чувашский народ в составе Казанского ханства: предыстория и история. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. – 190 с.
6. История Чувашской АССР. – Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской революции. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966 – 259 с.
7. Карягин Ф.А. Картирование перенесенных географических названий // IV республиканская ономастическая науч.-практ. конф. – Киев: Наукова думка, 1969. – С. 47–49.
8. Карягин Ф.А. Перенесенные географические названия и их связь с историей заселения Чувашской АССР // Ономастика Поволжья. Материалы 11 Поволжской конференции по ономастике. – Горький, 1971. – С. 190–193.
9. Карягин Ф.А. Топонимические параллели Мордовской и Чувашской АССР // Краеведение Мордовии: Материалы 1-й Мордовской краеведческой конференции. – Саранск: Мордовкнигоиздат, 1973. – С. 247–252.
10. Карягин Ф.А. Роль хозяйственной деятельности в изменении природной среды Чувашской Республики. В 2-х кн. – Кн. 1. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. – 366 с.
11. Карягин Ф.А. Климатические изменения в Чувашии // Использование и охрана природных ресурсов в России. – М: Национальное информационное агентство «Природные ресурсы», 2004. – Вып. 1–8. – С. 136–144.
12. Карягин Ф.А. Антропогенный фактор в изменении рельефа, геологической среды и земельных ресурсов региона // Регионология. – Саранск: НИИ регионологии при Мордов. ун-те им. Н.П. Огарева, 2004. – Вып. 2. – С. 284–292.
13. Карягин Ф.А. Роль антропогенного фактора в изменении речных систем малых рек на примере Чувашской Республики // Проблемы гидрометеорологии и мониторинга загрязнения окружающей среды в бассейнах великих рек. Великие реки 1999–2004. – СПб: Гидрометеоиздат, 2005. – С. 261–262.
14. Карягин Ф.А. Современные изменения местного климата (на материале Чувашской Республики) // Проблемы гидрометеорологии и мониторинга загрязнения окружающей среды в бассейнах великих рек. Великие реки 1999–2004. – СПб: Гидрометеоиздат, 2005. – С. 392–394.
15. Карягин Ф.А. Влияние современных изменений климата на экономику региона // Ученые записки Российского государственного социального университета. – М.: Изд-во РГСУ. – 2009. – №7/2. – С. 136–142.
16. История создания чувашского филиала географического общества СССР / О.Н. Широков, М.А. Широкова // Вестник Чувашского университета. – 2018. – №2. С. 160–168.
17. Кафедра истории СССР Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (1967–1992 гг.) / О.Н. Широков, М.Ю. Харитонов // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения Сборник трудов Всероссийской научной конференции / редколлегия: О.Н. Широков [и др.]. – 2019. – С. 52–56.

Евдокимова Анжелика Николаевна
канд. ист. наук, доцент

Лянкина Анастасия Леонидовна
студентка

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ФОРМЫ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 20–30-е ГОДЫ

Аннотация: в статье рассматриваются формы просветительской деятельности Союза воинствующих безбожников в Чувашской автономии, направленные на трансформацию христианского мировоззрения в атеистическое, осуществление антирелигиозного просвещения среди чувашского народа, раскрываются особенности организации антирелигиозной пропаганды среди чувашского населения.

Ключевые слова: атеизм; просветительство; Союз воинствующих безбожников; антирелигиозное просвещение.

Вопрос о формах и методах антирелигиозной деятельности Союза безбожников был широко обсуждаем. Острая дискуссия развернулась между представителями Наркомпроса и активом Союзом воинствующих безбожников (СВБ). Одни считали, что пропаганда должна иметь радикальный характер, необходимо полное искоренение религии из умов людей, предлагали обвинить религию врагом, который мешает созданию справедливого общества, где люди свободны от предрассудков и ложных надежд, с которым необходимо немедленно бороться самыми решительными мерами. Другие выступали за умеренную пропаганду, считая, что будет достаточно заменить духовное образование естественнонаучным, которое, в скором времени принесет плоды в виде воспитания человека, осознанно отвергающего любую религию. Государство создало особый цензурный режим для религиозных изданий, чтобы воспрепятствовать распространению оппозиционных идей.

Чувашский отдел СВБ активно занимался вербовкой подписчиков среди своих членов на газету и журнал «Безбожник» и ставил своей задачей достижения не менее 20% показателей в этом вопросе. В каждом районе Чувашии были введены по одному уполномоченному, который следил за распространением антирелигиозной литературы [2, ф. 1. Оп. 9. Д. 175. Л. 2. Оп. 10. Д. 240. Л. 68]. На протяжении всего функционирования данной организации во всех официальных документах неоднократно говорилось о необходимости распространения антирелигиозной литературы среди населения, как в виде подписок на журналы и газеты, выпускаемые данной организацией, так и в виде снабжения красных уголков, изб-читален, школ и библиотек различной антирелигиозной литературой, которую также стремились переводить на национальный язык.

Одна из форм антирелигиозной пропаганды, которая практиковалась в большей степени в начале 20-х гг. и перестала использоваться – публичные диспуты между безбожниками и защитниками религии. Интерес к данным мероприятиям проявляли крестьяне, так как в сельской местности религия была сильнее, чем в городе. Кроме того, сами атеисты понимали, что у них порой недостаточно аргументов, чтобы опровергнуть устойчивые тезисы служителей Церкви. После данных собраний большинство слушателей оставалось на стороне последних, с недоверием и опаской относились к докладчикам-атеистам. Поэтому постепенно диспуты прекратились, а основной и самой распространенной формой антирелигиозной пропаганды стали антирелигиозные шествия и карнавалы, митинги, беседы, лозунги, стенгазеты, вечера, выступления, пьесы, спектакли, кино и радио агитация.

Первые подобные мероприятия были организованы в 1923 г. в рамках т.н. «комсомольского рождества» и «комсомольской пасхи» [1, с. 37]. В Чувашии также активно использовались данные методы. Например, 24 апреля 1927 гг. состоялся антирелигиозный митинг в деревне Большие Ильбешы Чебоксарской волости. Секретарь волостной партийной ячейки Архипов выступил с докладом «Пасха верующих и неверующих». Другие ораторы пытались сравнить жизнь чувашского народа при царизме и при советской власти, а также вскрывали «реакционную» сущность религий. Как сообщается, их неоднократно прерывали громкими аплодисментами, криками и даже смехом [6, с. 118].

Повсеместно, в каждом уголке республики, руководство велело проводить борьбу с постами, чувашскими национальными обычаями с чтением антирелигиозных докладов, постановок, спектаклей, кино, создавать местные ячейки СВБ, организовывать антирелигиозные кружки, привлекая медицинский и ветеринарный персонал для активной антирелигиозной пропаганды среди населения; охватывать антирелигиозной массовой работой дома отдыха, пионерлагеря, представлять ячейкам СВБ помещения для собраний, лекций, диспутов, пополняя библиотеки клубов, красных уголков, антирелигиозной литературой [2, ф. 1. Оп. 10. Д. 240. Л. 6, 68; ф. 6. Оп 7. Д. 6. Л. 41].

Первые успехи в этом направлении стали проявляться уже в самом начале деятельности СВБ. Расширялась тематика лекций. Если в 1922–1923 гг. лекции и доклады читались по 5–6 темам, то в середине 20-х гг. на вооружении сельских лекторов было уже свыше 20 атеистических тем. Самыми популярными среди них были «Происхождение жизни на земле», «Происхождение человека», «Сущность христианских праздников», «Религия и коммунизм» [3, с. 387]. Известно, что за первое полугодие 1934 г. только в городе Чебоксары проведено 22 антирелигиозных лекций, не считая докладов и лекций, проведенных в дни рождества и пасхи [2, ф. 6. Оп 7. Д. 6. Л. 35].

Во второй половине 30-х гг. активная работа по чтению докладов, проведению бесед и чтений на антирелигиозные темы среди чувашского населения продолжалась. Организовывались и оформлялись новые ячейки, увеличивалось число членов в них, рос интерес к научному обоснованию

ванию религиозных проблем. К 1936 г. всего в республике насчитывалось 93 лектора. Из постановления ЦС СВБ СССР Чувашсовету СВБ в 1937 г. рекомендовано прислать еще несколько десятков опытных лекторов-антирелигиозников для усиления антирелигиозной работы в районах республики. Например, в Порецком районе в 22 колхозах проведена такая работа, пушено ряд стенгазет, сделано 16 постановок, 12 вечеров, 8 работающих ячеек СВБ и 18 кружков ЮВБ. По информации о состоянии антирелигиозной работы в Ядринском районе за 1937 г., известно, что к маю месяцу лекторская группа там состояла из 17 человек. Прочитано 8 лекций (о вреде религии – 5, о происхождении – 3), сделано 10 докладов, проведена 21 беседа на антирелигиозную тему, проведено 13 антирелигиозных вечеров и постановок [2, ф. 1. Оп. 17. Д. 195. Л. 1, 2, 7, 143].

В это же время безбожники получили в свои руки мощный пропагандистский инструмент, который на тот момент не мог быть использован церковью: театр, радио и кино. Театральная самодеятельность стала одним из не менее важных средств массовой атеистической агитации. Все антирелигиозные вечера сопровождалась постановкой пьес и инсценировок атеистического содержания. Ввиду отсутствия чувашских антирелигиозных пьес местным драматургам и писателям приходилось переводить на национальный язык уже имеющиеся русские пьесы. Но были и исключения. Так, заведующий избой-читальней в с. Ходары Ядринского уезда Г. Кузнецов написал для сельской сцены ряд пьес на актуальные темы из жизни чувашской деревни. Художественная самодеятельность в с. Ходары так заинтересовала крестьян, что многие из них в дни религиозных праздников предпочитали идти смотреть спектакли и концерты сельской молодежи [2, с. 384].

Но особенно велико было значение радио и кинофильмов, их действенность основывалась на технической новизне этих средств информации, производившей сильнейший психологический эффект [1, с. 38]. «Чувашкино» также взяло на вооружение этот метод. ЦС СВБ ЧАССР считал, что одним из вернейших методов борьбы с религиозным дурманом является широкое распространение и популяризация научных сведений о природе и ее тайнах. Из фильмов, затрагивающих эту тему в театрах «Чувашкино» в 1928–1929 гг. прошли следующие картины: «Жизнь моря», «Загадка жизни», «Морозко», «Любовь в природе», «Алкоголь, труд и здоровье».

Исходя из того, что Чувашия являлась национальным регионом и на ее территории проживали различные народности, необходимо было включить и такие фильмы, которые могли бы показать быт и религиозные верования этих народов. К этой группе можно отнести такие как «Байкал», «Местные люди», «К берегам Тихого океана», «Сердце Азии» [2, ф. 1. Оп. 9. Д. 175. Л. 5].

Но большей популярностью среди жителей Чувашии пользовались кинохроники, отражавшие лицемерие, ханжество, разврат, жадность и другие общественные пороки. Среди них встречаются такие названия: «Его превосходство», «Над властью Адата», «Из-под сводов мечети», «Овод», «Девятое января», «Волжские бунтари», «Крылья холопа», «Де-

ло с застежками». С помощью таких поучительных фильмов руководство стремилось в очередной раз подчеркнуть то, что капиталисты используют религию в своих целях лишь для одурманивания и эксплуатации народных масс. Все эти пленки в Чувашию поставляло «Роскино». К концу 30-х гг. оно распространило во все области и республики до 20 различных кассет антирелигиозного содержания [2, ф. 1. Оп. 14. Д. 269. Л. 2]. Важной деталью было то, что перед каждым показом для зрителей выступали лектора с соответствующими докладами, что давало еще больший эффект.

Еще в 1926 г. на заседании Центрального совета СБ в Москве обсуждался вопрос об организации антирелигиозных передач на радио. С 1928 г. начались регулярные антирелигиозные передачи – и пропагандистские, и учебные для кадров – антирелигиозников СБ [4]. Подобные мероприятия проводились и в Чувашии, однако по сравнению с кино не имели большого успеха. Радио слушали чаще в городах, нежели в селах и деревнях. По имеющимся данным известно лишь то, что за первые 6 месяцев 1934 г. в городе Чебоксары было проведено 35 радиолекций [2, ф. 6. Оп. 7. Д. 6. Л. 35]. Чаще всего лекции на радио читали в дни праздников – посев урожая, рождество, пасха, первое мая.

Под лозунгом «Каждый безбожник должен быть ударником!» СБ проводил акции по сбору средств на оборону страны. Чувашский СБ также внес свой вклад в этом направлении. Еще в 1928 г. СБ ЧАССР проводил по своим ячейкам и среди членов сбор средств на постройку самолета «Безбожник». Для наиболее успешной работы все местные организации Осоавиахима Чувашии должны были оказывать содействие Союзу в проведении данной кампании. Для этого необходимо организовать совместные вечера, доклады, лекции, художественные выступления, митинги, посвященные вопросам войны и религии, выступать, где это возможно, с объединенными воззваниями к трудящимся, развернуть соответствующую агитацию в печати [2, ф. 1. Оп. 10. Д. 240. Л. 71]. II республиканский съезд единодушно одобрил предложение товарища Ярославского по созданию специального фонда на строительство тракторных колонн «Безбожник». Здесь же Чувашсовет СБ принял решение об отчислении 10 тыс. руб. на тракторную колонну «Безбожник». Однако в целом в Чувашии кампания по сбору средств проходила слабо, пассивно.

В докладах, резолюциях и др. официальных документах Союза на протяжении всего времени существования данной организации, неоднократно говорилось о том, что антирелигиозная пропаганда в республике развита недостаточно, что присутствует ярко выраженная нехватка литературы, что необходимо укреплять антирелигиозную работу в избачитальных, красных уголках, клубах, театрах и кино.

В тех же документах нередко прописывались и меры, которые необходимо было принимать для устранения всех этих недостатков. Вот некоторые из них: 1) уделять внимание антирелигиозному воспитанию своих членов-женщин, сельхозработников и безработных; 2) раскрывать вопросы антирелигиозной пропаганды в стенгазетах и местной периодической печати; 3) повысить издание антирелигиозной литературы на

родном языке; 4) усилить работу в тех районах, где распространено сектанство; 5) организовать курсы по подготовке работников по антирелигиозной пропаганде; 6) проводить соревнования ячеек СБ и райсоветов; 7) создать антирелигиозный кабинет; 8) объединиться с другими областями для оказания помощи в антирелигиозной работе; 9) связывать содержание антирелигиозной работы с текущими общественно политическими задачами социалистического строительства; 10) разоблачать реакционную роль религии, тормозящей социалистическое строительство, разъяснять антисоветскую сущность религиозных организаций, начисто вытесняя из сознания трудящихся ложно-мистические взгляды на казнь, путем внедрения в него материалистически-марксистского понимания о мире, человеке и обществе; 11) внести в практику работы СБ выделение из более подготовленных ее членов кадры групповых агитаторов по антирелигиозной пропаганде; 12) местным организациям СБ теснее связаться с общественно-добровольными организациями ОДН, Осоавиахим, Шефобщество для их вовлечения в общую антирелигиозную работу; 13) обратить внимание писательских организаций на необходимость создания художественных антирелигиозных произведений – пьес, рассказов на родном языке [2, ф. 1. Оп. 9. Д. 175. Л. 37, 38; оп. 10. Д. 240. Л. 7].

Как сообщалось в газете «Красная Чувашия» за 1937 г., антирелигиозная пропаганда в республике за последние годы ослабла. Перестали вести антирелигиозную пропаганду профсоюзы, слабо ведут комсомольские организации и печать, антирелигиозная книжка стала библиографической редкостью. Во всех районных газетах за последний год нет ни одного слова об антирелигиозной пропаганде, поэтому наблюдались попытки попов, сторонников церкви распространить работу не только среди взрослых, но и среди молодежи и школьников. Так, например, в Чуратчиках, поп, угощая школьников медом, призывал их посещать церковь, а агент по сбору пухо и мехсырья Ибрессинского отделения Союзпушнины Давыдов занимался спекуляцией крестами, у него было обнаружено 1234 штук крестов. Давыдов, «будучи советским служащим творил поповские дела, обманывая в основном стариков и старух» [5].

Среди чувашского населения оставалось немало верующих, в том числе и молодых женщин. В Чувашии имелись десятки тысяч трудящихся, порвавших с религией совсем недавно, но не выработавших еще стройного материалистического мировоззрения, которое помогло бы научным путем разобраться во всех явлениях, которые они раньше объясняли себе, основываясь на религии. В этой связи для распространения идей антирелигиозной пропаганды в республику в конце 1937 г. были посланы перечень докладов и информация для их подготовки, во время весеннего сева 1938 г. проведены различные доклады, в частности, на тему «Религия – враг народа!», привлечены такие организации как профсоюз, комсомол, стахановцы [2, ф. 1. Оп. 17. Д. 195. Л. 32].

Таким образом, формы и методы антирелигиозной деятельности СВБ были разнообразными. Чувашия также широко использовала все основные методы антирелигиозной пропаганды, руководство СВБ ЧАССР приложило немало усилий для создания устойчивой базы, с помощью

которой в республике распространялись и укоренялись атеистические идеи.

Список литературы

1. Булавин М.В. Методы антирелигиозной пропаганды в деятельности Союза воинствующих безбожников на Среднем Урале. Вопросы теории и практики // Грамота. – 2011. – №5. – С. 37.
2. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР).
3. Денисов П.В. Религия и атеизм чувашского народа. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. – 477 с.
4. Жирков Г.В. Советская журналистика в тотальном наступлении на Церковь (1928–1930-е гг.) // Электронный научный журнал «Медиаскоп» – 2015. – №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mediascope.ru/ (дата обращения: 13.04. 2019).
5. Красная Чувашия. – 20.04.1937. – №90.
6. Кудряшов Г.Е. Пережитки религиозных верований чуваш и их преодоление. – Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1961. – С. 119–125.

Иванова Татьяна Николаевна

д-р ист. наук, профессор

Андреева Виктория Александровна

студентка

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ИСТОЧНИКОВ УСТНОЙ ИСТОРИИ И ПАМЯТЬ О 1990-х гг. (НА ПРИМЕРЕ ВОСПОМИНАНИЙ ЧЕБОКСАРЦЕВ)

Аннотация: в статье анализируются особенности методологии и методики устной истории. Авторами на основе впервые вводимых в научный оборот источников (интервью, личных воспоминаний и анкет) воссоздаются факты об общественно-политической, социально-экономической и культурной истории г. Чебоксары в 1990-е годы.

Ключевые слова: устная история; история г. Чебоксары; 1990-е гг.; социальная история; история повседневности.

В современной науке происходит интенсивное методологическое и методическое осмысление нового междисциплинарного поля научных исследований, известного как «устная история», «oral history», «живая история». С одной стороны, эти научные изыскания создают новые источники для исторической науки. С другой стороны, интерпретация этих источников напрямую связано с методами социологии, психологии, статистики, филологии, что создает определенные проблемы интеграции методологии различных наук.

Не касаясь в данной статье методологических проблем устной истории, сосредоточимся на проблемах методологии создания источников устной истории. Эти источники помогают реконструировать неизвестные до того исторические факты, не отраженные по тем или иным причинам в традиционных источниках. Однако присущая источникам устной истории субъективность требует разработки новой методики их исторической критики с целью повышения объективности и достоверности новых источников. Каждый факт, сообщаемый респондентом, нуждается в проверке и сопоставлении с данными других источников. Лежащее в основе социологических исследований стремление к увеличению числа респондентов с целью повышения репрезентативности полученных данных, не всегда соответствует особенностям исторических исследований. В последних интервью с одним хорошо осведомленным респондентом, обладающим уникальными сведениями порою более ценно, чем сухие формализованные данные сотни анкет [4].

Поэтому наиболее объективным методом устной истории П. Томпсон называет интервью, в ходе которого происходит личный контакт интервьюера с рассказчиком. В ходе интервью рассказчик, погруженный в атмосферу прошедшей эпохи, передает не только сведения о тех или иных событиях, сколько дает их эмоциональное восприятие и субъективную оценку. При этом интервьюер должен обладать определенными навыками психолога. Подготовленные им газеты, фотографии, вещественные источники позволяют в ходе интервью воссоздать дух прошлого. Полученные свидетельства нуждаются в критическом анализе и сопоставлении данных интервью с другими источниками. Однако после этого сопоставления исследователь может получить многомерную картину изучаемых событий.

Цель нашего исследования – создание новых источников устной истории о повседневной истории Чебоксар 1990-х гг. Хронологические рамки исследования определяются несколькими аспектами. 1990-е годы – это время распада СССР, отказа от коммунистической идеологии, время широких общественных инициатив и глубокого кризиса в социально-экономическом развитии страны. В научных исследованиях присутствуют крайне противоречивые оценки этого периода развития России. В то же время еще живы непосредственные участники тех событий и поэтому необходимо именно сейчас зафиксировать их воспоминания. Следует отметить и тот факт, что прошедшие с момента изучаемых событий десятилетия притупили их сиюминутную актуальность и субъективность, что позволяет предполагать стабилизацию чувственных ощущений и более спокойную и обдуманную оценку респондентами этого времени. Выбор фокусной группы респондентов – чебоксарцев определяется, в том числе, приближающимся юбилеем города – 550-летием первого летописного упоминания г. Чебоксары.

Источниковая база работы включает широкий круг как опубликованных, так и не опубликованных материалов. Все источники можно разделить на три группы: интервью, личные воспоминания и анкеты. Данный комплекс источников создавался рядом исследователей – В.В. Семено-

вой, А.С. Никитиной, А.Н. Самоновой. В ходе работы лично нами были собраны свидетельства 24 респондентов.

При проведении интервью мы опирались на вопросы, составленные заранее, но в ходе диалога круг освещаемых вопросов расширялся. При обработке интервью использовался метод транскрибирования, заключающийся в дословном воспроизведении аудиозаписи интервью в письменной форме. Вместе с методом интервьюирования был применен метод анкетирования. Анкета включила в себя более 20 вопросов, которые касались особенностей организации быта, культурно-массовых мероприятий, условий жизни, общественно-политической жизни города и т. д. Основной недостаток анкетирования – в отсутствии реального диалога между исследователем и информантом. Зачастую ответы на вопросы анкеты были однотипными и формальными. В то же время анкетирование позволило охватить более широкий круг информантов.

Свидетельства респондентов можно систематизировать, объединив их в следующие тематические блоки: изменения в общественно-политической жизни; оценка социально-экономического положения; реформы в образовании; внешний вид города, праздники, мода; общая оценка 1990-х годов.

Для политической жизни Чебоксар, как и всей страны, в начале 90-ых годов были характерны нестабильность, ломка старых структур. Перестройка и демократизация вызвали рост гражданской активности населения Чебоксар. Частным явлением становятся различные митинги, забастовки, собрания. Один из респондентов вспоминает: «В это время настроения резко перестраивались, и вчерашние патриоты становились антипатриотами» [7]. А другие отмечают необычайный подъем настроений, все замерло в ожидании нового, все ждали перемен [2]. Респонденты отмечают активизацию националистского движения в Чувашии в 1990-е годы, в том числе его негативные стороны: «...русские друзья в начале 90-х спрашивали, спасем ли мы их, спрячем ли мы их, если в Чебоксарах начнутся погромы русских, которые как раз тогда в начале 90-х прокатились по всему бывшему Советскому Союзу...» [9].

В 90-е гг. началась перестройка в структуре комсомола с целью выхода организации из состояния инертности. В рядах комсомольской организации сотрудников университета стала проследиваться пассивность и безразличие. В ноябре 1991 г. должна была состояться 39-я республиканская комсомольская конференция, но в связи с тем, что в сентябре 1991 г. 22-й съезд ВЛКСМ объявил о прекращении политической деятельности комсомола, молодежный форум не состоялся. Комсомол Чувашии распался, следом за ним прекратила свое существование комсомольская организация ЧГУ им. И.Н. Ульянова [11].

Наиболее яркие воспоминания остались у горожан о социально-экономических аспектах жизни. Большинство отмечают снижение уровня жизни. 90-е годы встретили жителей города пустыми полками магазинов. Были введены «талоны» не только на основные виды продуктов, но и на промтовары широкого потребления [10]. Отоваривание этих талонов собирало огромные очереди. Жители вспоминают, что так как

обеспечение г. Новочебоксарск было лучше, часто за продуктами ездили туда [6]. С первых чисел января 1992 года по всей стране были «отпущены цены». Страна встала на путь приватизации, и для этого был выбран метод «шоковой терапии». Выбранный метод мгновенно привел не только к появлению товаров в магазинах, но и к многократному увеличению цен на них [6].

В августе 1992 года в обиход входит новое понятие «ваучеры». Гражданам России пообещали, что за один ваучер они смогут приобрести две «Волги» [6]. Однако уже через год стало ясно, что население не смогло распорядиться ваучерами должным образом. Жители Чебоксар несли свои ваучеры в появившиеся тогда фирмы однодневки с громкими названиями «Сибирьалмазвест», «Нефтезолото России» и др. [1]. Основная масса жителей не знала, что делать с ваучерами и обменивали их на товары первой необходимости и водку [6]. Пока остальные пытались выменять «ящик резиновых сапог» на макароны, другие респонденты предпочли опробовать себя в новой роли «...товар таскали в клетчатых больших сумках. Я инженер, тоже занялся торговлей» [1]. Среди интервьюируемых были и те, что сумели приспособиться к изменившимся условиям. Один из них поделился воспоминаниями о том, как он скупал комнаты и квартиры [1]. Большую проблему представляла задержка выплаты зарплаты как работникам бюджетной сферы, так и рабочим заводом. При этом большую роль в обеспечении питанием играло подсобное хозяйство – дача, сад, деревня, участок «под картошку» [10].

Сложные процессы, происходившие в обществе, отразились на сфере образования. В уже существующих вузах открывались и расширялись платные отделения, в городе появляются частные учебные заведения: «Студенты могли учиться одновременно в двух-трех учебных заведениях, не особо себя утруждая ни в первом, ни во втором, ни тем более в третьем» [8].

Как реакция на социальный запрос именно в это время начинают свою работу студенческие общественные объединения. Так возник клуб «Вечерний семинарий» в ЧГУ им. Ульянова. Изначально студенты собирались самостоятельно в свободное время, чтобы обсудить волнующие их вопросы. Нашли кабинет, самостоятельно провели ремонт. В связи с тотальным дефицитом чай и продукты приносили из дома, у кого что было. Темы, которые до этого подавались очень по-марксистски, вдруг стали по-новому интересны. Т.Н. Иванова вспоминает: «Спорили горячо и серьезно. Сейчас нет этого спора, нет этого бесстрашия» [10].

Несмотря на трудности времени свою жизнь продолжает фестиваль творчества студентов «Студенческая весна». Студенты перешивают старую одежду, «тащат всё из дома на благо общества» и, например, рассказывают зрителям об олимпиаде 80-го. С 90-х гг. стал развиваться конкурс художественной самодеятельности преподавателей «Золотая осень» [11].

В описании внешнего облика города все отмечают некое запустение. Залив был «темный и страшный, внизу росли деревья, было болото, кружили вороны» – делятся своими впечатлениями жители – «...были темные улицы. Не было речного порта, там стоя какой-то деревянный

сарай» [6]. Разрушаются построенные еще при союзе фонтаны и парковые сооружения [2]. При этом отмечается роль Игумнова в облагораживании города: «Когда появился Игумнов ее [траву] наконец начали косить, когда появился залив – это была такая гордость, мы туда всех водили» [10].

Несмотря на то, в 1990-е «дефицитным было всё» положительные эмоции вызвал вопрос о моде. Носили: юбки в пол у девушек («метелки»), брюки «бананы», вязанные свитера. Юноши носили широкие штаны («они назывались трубы») [2; 6]. И юноши, и девушки носили яркие «малиновые» пиджаки, спортивные костюмы, «большие джинсовки» [9; 10].

Сложной в городе была криминальная обстановка. Возникли юношеские группировки в каждом районе города, которые находились в жесткой конфронтации между собой. Так, например, Северо-западный район делился в молодежном сленге на 4 района: «Старый», «Новый», «Новейший» и «Вертолет» [10]. Члены группировок организовывали между районами массовые драки. Выйти вечером на улицу, а тем более гулять в чужом районе было очень опасно. Жители города вспоминают о «бандитах на иномарках» и о трудностях предпринимательства: «Тяжело товар было привести, нужно было кому-то заплатить, трусы с карманами были (для денег)» [1; 9].

В целом воспоминания о 90-х годах вызывают неоднозначную реакцию у респондентов: от ностальгических воспоминаний: «Свобода слова, свобода выбора, свобода периодики и печати, предпринимательства...» [1] до: «Ужасная жизнь, ужасный правитель...» [9]. От: «заработную плату не платили месяцами» [2] до: «была возможность начать новое дело и быстро накопить средства. Думали все время о бизнесе» [1]. Для кого-то и вовсе, кажется, ничего не изменилось: «Зароботная плата преподавателей была стабильной, перемен особых не было» [8].

Таким образом, устные источники позволяют зафиксировать уникальную информацию, которую невозможно получить иным образом. Ценность устных источников заключается в том, что они позволяют создать новые образы прошлого глазами очевидцев, позволяют по-новому осветить узловые моменты развития общества, дополнить, а иногда и существенно уточнить данные традиционных источников.

Список литературы

1. Анкета. Иванов В.И. 16.02.2019 // Полевые исследования авторов.
2. Анкета. Ефимова Н.Е. 12.12.2018 // Полевые исследования авторов.
3. Иванова Т.Н. Устная история: воспоминания Е.Г. Беляева как исторический источник / Т.Н. Иванова, В.А. Андреева // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения: материалы Всерос. науч. конф. (Чебоксары, 1 апр. 2019 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2019.
4. Иванова Т.Н. Методика устной истории и создание архива воспоминаний ветеранов Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова / Т.Н. Иванова, В.В. Семёнова // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции). – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 56–60.

5. Иванова Т.Н. Юбилейные коммеморативные практики и развитие университетологии (на примере Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова) // Запад – Восток. – 2018. – №11. – С. 152–161.

6. Интервью с Андреевой Натальей Ивановной. Интервьюер – В.А. Андреева. 23 ноября 2019 г. // Полевые исследования авторов.

7. Интервью с Беляевым Евгением Григорьевичем. Интервьюер – Т.Н. Иванова. 13 февраля 2019 г. // Полевые исследования авторов.

8. Интервью с Беляевым Евгением Григорьевичем. Интервьюер – В.А. Андреева. 10 марта 2019 г. // Полевые исследования авторов.

9. Интервью с Егоровой Еленой Владимировной. Интервьюер – В.А. Андреева. 25 февраля 2019 г. // Полевые исследования авторов.

10. Интервью с Ивановой Татьяной Николаевной. Интервьюер – В.А. Андреева. 28 ноября 2019 г. // Полевые исследования авторов.

11. Полвека на ниве образования: к 50-летию ЧГУ имени И.Н. Ульянова. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. – 374 с.

Кадыров Рамиль Васильевич

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский
технологический университет»

г. Казань, Республика Татарстан

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РАССМОТРЕНИЮ ПОНЯТИЙ «СЛУЖИЛЫЕ ТАТАРЫ» И «СЛУЖИЛЫЕ ЧУВАШИ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

***Аннотация:** в статье проанализированы методологические подходы исследователей к вопросу об этнической принадлежности служилых татар в Среднем Поволжье в XVI–XVII вв. Автор отмечает, что основную массу служилых татар составляли представители тюрко-татарского происхождения, тем не менее в эту социальную категорию населения входили представители и других коренных народов Среднего Поволжья.*

***Ключевые слова:** военно-служилое сословие; служилые татары; служилые чувашки; Среднее Поволжье; этносоциальная группа № ясачные чувашки.*

Формирование этносословной группы служилых татар в Московском государстве в XVI – середине XVII в. явилось одним из важных аспектов в развитии и становлении централизованного Московского государства. Этот процесс занял довольно длительный хронологический период. Официальному оформлению этой социальной категории служилых людей к середине XVI в. предшествовал длительный период его формирования и становления [8, с. 59–60; 14, с. 306–307].

В Российском законодательстве указа о юридическом оформлении «сословия служилых татар» не сохранилось. Поэтому, вопросы их социально-правового статуса и этноконфессионального состава мы можем

проанализировать только по документальным источникам, регулирующих их деятельность на протяжении XVI–XVII вв.

Анализируя понятие «служилые татары», мы считаем, что оно было сформировано как устойчивый термин. То есть, к этой категории населения относились татары, находящиеся на службе у русских князей, а затем у Русского государства. В отдельных случаях к категории «служилые татары» относились и другие представители коренных народов Среднего Поволжья [7, с. 35].

Заметим, что иногда в научной, а также в справочно-энциклопедической литературе употребляется термин «служилые чуваш». Например, в «Чувашской энциклопедии» их относят к военно-служилому сословию [15].

Н.В. Никольский, по поводу социально-правового статуса служилых чувашей относит их к категории «мелких военно-служилых людей» [9, с. 416].

Отметим, что в официальных документах XVI–XVII вв. такой термин нам не встречался. Возможно, что он стал употребляться лишь к XVIII в. В этот период социальный статус служилых татар подвергся процессу деградации. К этой категории стали относить и крестьян-ясачников. Значительная доля ясачных чуваш перешла в категорию служилых людей. Следовательно, в первой четверти XVIII в. социально-правовой статус «служилых татар», а также и «служилых чуваш» значительно упал. Их уже вряд ли можно было отнести к военно-служилому сословию.

При изучении вопросов, касающихся формирования этносословной группы «служилых татар» в Среднем Поволжье, у исследователей нередко возникает вопрос об их этнической принадлежности. Неоднозначны мнения исследователей по данному вопросу в отечественной историографии. И. П. Ермолаев, опираясь на материалы писцовой книги Казанского уезда 1602–1603 гг., считает, что термин «чуваш» интерпретируется как социальный, а не этнический. Например, при описании деревни Евлушеик Ногайской даруги писец противопоставляет землю ясачных людей («ясачной чуваш») и землю «служилого татарина и его чуваш» [5, с. 23–24]. Несколько иначе указанный термин трактовали В.Д. Дмитриев и Р.Н. Степанов. Они утверждали об этносоциальной принадлежности терминов «служилые татары» и «служилые чуваш» [4; 12]. В.Д. Дмитриев высказывался о том, что наряду со служилыми татарами существовали и служилые чуваш. К служилой категории он относил всю феодальную прослойку бывшего Казанского ханства. По его подсчетам, к 1625 г. в Среднем Поволжье проживало 222 служилых чуваша. В документальных источниках, отмечал В.Д. Дмитриев, служилые чуваш часто именовались служилыми татарами, а служилые чуваш, принявшие православие – служилыми новокрещенцами. Гипотеза В.Д. Дмитриева не бесспорна. Потому что «ясачных чуваш» Среднего Поволжья, которые в первой половине XVII в. верстались в «служилые татары», он автоматически причисляет к этническим чувашам. Между тем, понятие «ясачные чуваш», так же, как и «служилые татары» в те времена имело социальную нагрузку, обозначая собой зависимое, подчиненное положение людей в обществе. На наш взгляд мнение В.Д. Дмитриева верно лишь в тех случаях, если «чуваш» верста-

лись на службу в поселениях с этнически чувашским населением, а не с ясачным татарским населением. В татарских поселениях Казанского и Свияжского уездов к «ясачным чувашам» могли относиться и этнические татары. В этой связи, в Писцовой книге Ивана Болгина 1602–1603 гг. приводится ряд примеров. Так, в деревне Укреч Култук Ногайской даруги описано поместье служилого татарина Емая Енибекова и двор его брата Кошая. При этом двор ясачного земледельца Кошая обозначен как «чувашский» [10, с. 33–34]. Также у «ясачного чуваша» Мансура один из сыновей отмечен как служилый татарин, а другой как «ясачный чуваш» [10, с. 228–232].

Указанные примеры вероятнее всего свидетельствуют о том, что термин «ясачный чуваш» во второй половине XVI – середине XVII в. сохранил социальный смысл. Этническое значение этот термин приобрел лишь в том случае, когда речь шла о ясачных крестьянах тех поселений, где проживали этнические чуваша. К тому же, в отдельных источниках, по утверждению Р.Г. Галляма, упоминаются и случаи, когда в деревнях, где проживали «ясачные чуваша», находились только мусульманские кладбища [2, с. 63–64].

Анализ писцовых книг Свияжского уезда 1646–1652 гг., позволило В.Д. Димитриеву составить даже список из 122 населенных пунктов, где проживали служилые люди из числа этнических чувашей. Часть поселений из указанного списка на современном этапе являются татарско-мусульманскими. Поэтому, вероятнее всего, некоторые селения служилых чувашей, отмеченные В.Д. Димитриевым, являлись все же поселениями, где проживали «ясачные чуваша» из числа этнических татар, перешедших в разряд служилых людей.

Р.Н. Степанов к категории служилых татар относил всё татарское население бывшего Казанского ханства, перешедшее на службу русскому царю. С.Х. Алишев, И.П. Ермолаев и др. отмечали этническую неоднородность служилых татар [1; 5]. С.Х. Алишев, не разделяя служилых татар по этническому признаку, в то же время отмечал сложность социальной структуры нерусских служилых людей. И.П. Ермолаев под термином «служилый татарин» понимает представителей феодальной знати коренных народов Среднего Поволжья. Со временем основную группу татарского служилого сословия стали составлять «приборные люди» из числа ясачников.

Материалы писцовой книги Казанского уезда 1602–1603 гг. позволяют сделать вывод о том, что в число «служилых татар», помимо этнических татар, могли входить и представители феодальной элиты некоторых других народностей Среднего Поволжья и Приуралья. В частности, среди служилых татар Казанского уезда начала XVII в. упоминается «башкирский» князь Темиген Муралеев. Правда, в отношении самого князя термин «служилый татарин» в источнике не употребляется, но относительно селения, в котором Темиген имел поместье, говорится, что «деревня Чойдырева за служилыми татарами в поместье». В другом случае среди служилых татар числится «черемисин» Тохтамыш. При этом, термин «служилый черемисин» не встречается. Следовательно, понятие «служилый татарин», кроме этнических татар, включал и некоторое число представителей феодальной элиты других народностей Среднего Поволжья [6, с. 79]. Позднее, в писцовой книге Казанского уезда 1647–1656 гг.

лишь единожды упоминается термин «служилый черемисин» в отношении одного из служилых людей. То есть социальное и этническое содержания понятия в целом совпадают [11, с. 51, 63, 113].

Возможно, что к середине XVII в. в отдельных случаях в делопроизводственных документах подчёркивается этническая принадлежность служилых татар. Эта тенденция усиливается во второй половине XVII в., хотя не отражается в государственных законодательных актах, а лишь в делопроизводственных источниках. Например, в выписке с отказных книг (от 4 марта 1699 г.), выданной Игнатию Никифорову сыну князя Еделева на землю в деревне Еделевои Симбирского уезда, оставшуюся после его отца Черкаса Тетюшина приводится челобитная в которой указывается, что Черкас Тетюшин являлся мордовским мурзой [2, с. 194–197]. То есть д. Едилеево, в которой находилось поместье родителя, являлась селением служилых татар, но сам он указывается как «мордовский мурза». По нашему мнению, Черкас Тетюшин был служилым человеком, носящим титул «мурза», в этническом отношении был мордвином.

Иван Юркин в своей работе «Помещики – служилые татары из чуваш», ссылаясь на Симбирские писцовые книга столника Михаила Пушкина за 1685–1687 гг. отмечает, что в Свяжском стане в деревне Новая Чекурская проживало 19 служилых татар из чуваш [13, с. 11–12]. Значит, во второй половине XVII в. понятие «служилый татарин» не имел этнической нагрузки, а означал социальную категорию. Позже, в начале XVIII в., этническая значимость в понятии социальной категории «служилые татары» приобретает большее значение. Вероятнее всего, такая тенденция и способствовало распространению понятия «служилые чуваша».

Таким образом, изучив методологические подходы к рассмотрению понятий «служилые татары» и «служилые чуваша», можно сделать вывод о том, что термин «служилые татары» в Среднем Поволжье не был моноэтническим. К этой этносословной группе могли относиться представители и других коренных народов Среднего Поволжья и Приуралья – чуваша, башкиры, марийцы, мордва и др. Но все же основная масса служилых татар состояла из этнических татар.

Список литературы

1. Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начале XIX в. – М.: Наука, 1990. – 269 с.
2. Архив Симбирского окружного суда: Гражданские дела Буинского уездного суда / сост. П. Мартынов. – Вып. 2. – Симбирск: Тип. М.Д. Бычковой. 1905. – 216 с.
3. Галлямов Р.Ф. (Галлям Р.Г.) После падения Казани... – Казань: Татар. кн. изд-во, 2001. – 143 с.
4. Димитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. – Чебоксары: Национальная академия наук и искусств Чувашской Республики, 2001. – 120 с.
5. Ермолаев И.П. Писцовая книга Ивана Болгина как источник // Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. – Казань: Изд-во КГУ, 1978. – С. 5–31.
6. Кадиров Р.В. Служилые татары как социальная категория населения Русского государства XVI–XVII вв. // Р.В. Кадиров, Р.Г. Галлям // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – №1 (15). – Ч. 2. – С. 77–79.

7. Кадыров Р.В. Формирование этнословной группы служилых татар в Московском государстве в XVI – начале XVII в. / Р.В. Кадыров, Р.Г. Галлям, Ю.В. Терехина. – Казань: Отечество, 2018. – 160 с.
8. Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – 230 с.
9. Никольский Н.В. Собрание сочинений. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. – Т. 2: Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. – 447 с.
10. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. – Казань: Изд-во КГУ, 1978. – 204 с.
11. Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов: публикация текста. – М.: Институт Российской истории РАН, 2001. – 541 с.
12. Степанов Р.Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ. – Казань: Изд-во КГУ, 1964. – С. 52–70.
13. Юркин И. Помещики – служилые татары из Чуваш (выписка из спорного дела XVII–XIX вв.) // ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 1597.
14. Юркин Ив. Помещики – служилые татары из чуваш ... – С. 11–12.
15. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 336 с.
16. Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006–2011. – Т. 1–4.

Касимов Евгений Витальевич

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
педагогический университет им. И.Я. Яковлева»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧУВАШСКОГО
ФОТОКИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
«ЧУВАШКИНО» И И.С. МАКСИМОВА-
КОШКИНСКОГО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
1920-х ГОДОВ ГЛАЗАМИ
ЧУВАШСКОГО ОТДЕЛА ОГПУ**

***Аннотация:** в статье анализируется содержание докладной записки, составленной в начале апреля 1929 г. Чувашским отделом Объединенного государственного политического управления. В ней критиковалась деятельность Чувашского фотокинематографического управления «Чувашкино» и в первую очередь его управляющего, режиссера, сценариста и актера И.С. Максимова-Кошкинского. Ставился вопрос о ликвидации данного объединения и начале официального следствия по выявленным нарушениям и злоупотреблениям.*

***Ключевые слова:** Чувашкино; Чувашский отдел ОГПУ; И.С. Максимова-Кошкинский; Тани Юн.*

И.С. Максимов-Кошкинский (1893–1975) занимает особое место в истории чувашской культуры. Основатель первого чувашского театра, режиссер первых чувашских фильмов, талантливый артист и драма-

тург – вот немного из того, что сразу вспоминается, когда слышишь это имя. Не случайно биографический очерк о нем вошел в первый том «Выдающиеся люди Чувашии», открывшем многотомную иллюстрированную серию «Библиотека Президента Чувашской Республики» о знаменитых земляках, прославивших высокими достижениями и подвигами родную республику [4, с. 137–144]. А в далеком 1967 г. Имя И.С. Максимова-Кошкинского было занесено в Почетную Книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР. Однако до настоящего времени об основателе чувашского театра не написано ни одного монографического исследования, есть лишь статьи, касающиеся различных аспектов жизни и творчества И.С. Максимова-Кошкинского, а также репрессий по надуманным обвинениям в конце 1930-х годов.

Между тем местные спецслужбы «присматривались» к И.С. Максимова-Кошкинскому уже в конце 1920-х годов. Чувашским отделом ОГПУ 5 апреля 1929 г. была подготовлена развернутая докладная записка (№1362/с) о деятельности Чувашского фотокинематографического управления «Чувашкино» и его руководителе И.С. Максимова-Кошкинском. Она была отпечатана в четырех экземплярах и направлена в Москву (в Информотдел ОГПУ), в Чувашский обком партии и в Областную контрольную комиссию ВКП(б) [5, л. 27–49].

Из положительных моментов в деятельности «Чувашкино» отмечалось лишь то, что первые фильмы – «Волжские бунтари» и «Сарпиге» – принесли прибыль, вернув «с излишком» затраченные бюджетные средства [5, л. 27–28]. Но все остальные несколько десятков страниц содержат исключительно негативную информацию, с резкой критикой деятельности И.С. Максимова-Кошкинского. В тезисной форме выделим наиболее главные из обвинений, представленные в документе:

1. И.С. Максимов-Кошкинский целенаправленно затянул с образованием «Чувашкино», имея цель занять монопольное положение в данной организации [5, л. 28]. В данном случае речь идет о том, что устав «Чувашкино» был утвержден Совнаркомом Чувашской АССР лишь 28 декабря 1927 г., хотя к тому времени под маркой киностудии были сняты уже три художественных фильма и одна документальная лента [2, с. 105].

2. «Чувашкино» было образовано на основе фиктивного баланса. Необходимая для утверждения сумма в 100,0 тыс. руб. была достигнута за счет включения в баланс различных строений, инвентаря и т. п., «с оценкой значительно превышающей их действительную стоимость», а также объектов, не подлежавших включению в баланс [5, л. 29].

3. Аппарат «Чувашкино», включавший 7 человек, был слишком раздут, работники не обрабатывали затраченных на их содержание средств. Так, согласно докладной записке, вся деятельность управляющего организацией И.С. Максимова-Кошкинского сводилась исключительно к написанию сценариев (за что получал отдельную плату), секретарь художественного совета Г.В. Парне (Васильев) и администратор по производству Е.Д. Егоров абсолютно ничем не были заняты, деятельность оператора-хроникера Сидельникова приводила лишь к одним убыткам и т. д. [5, л. 29–32] Работа «Чувашкино» носила сезонный характер, по-

скольку фильмы снимались главным образом летом, тогда как полный штат сотрудников существовал круглогодично, и в зимнее время ничем не занимался [5, л. 43].

4. И.С. Максимов-Кошкинский – «большой индивидуалист», «в работе дерзок и самоуверен», беспартийный; в разное время высказывал мысли, резко расходившиеся с политикой советской власти и Коммунистической партии [5, л. 32]. На съемках «из-за большого самолюбия и несговорчивости» И.С. Максимова-Кошкинского у него с другими работниками «всегда создавались в лучшем случае натянутые отношения, а иногда крайне обостренные». Это сильно влияло на нормальный ход работы и часто задерживало работу [5, л. 45]. Поэтому Чувашским отделом ОГПУ делался вывод, что «по своим настроениям, взглядам, а главное по подходу к делу», И.С. Максимов-Кошкинский «в должности управляющего «Чувашино» весьма нежелателен» [5, л. 33].

5. По мнению Чувашского отдела ОГПУ, «в аппарате «Чувашино» образовалась семейка своих людей, взаимно связанных друг с другом и зависимых друг от друга». При этом состав организации был крайне неблагонадежный: бухгалтер А.К. Корнилов – беспартийный, бывший белый офицер, участвовал в подавлении восстания рабочих Порохового завода г. Казани против комучевского режима в сентябре 1918 г., на прежней работе привлекался к судебной ответственности; администратор по производству Е.Д. Егоров – беспартийный, который «целыми днями околачивается по городу, временами пьянствует и проводит время так, как ему заблагорассудится», всю работу возлагает на выделяемого ему помощника, месяцами без всякой надобности находится в командировках в Москве; заведующий чебоксарским кинотеатром Н.В. Еремеев – сын псаломщика, лишь по недоразумению оказавшийся в комсомоле, совместно с Е.Д. Егоровым «втянулся в выпивки и разврат». Двух партийных работников «выжили» из организации, а еще одного, направленного Чувашским обкомом партии «для использования на какой-либо работе», И.С. Максимов-Кошкинский не принял [5, л. 33–37].

6. Средства на командировки сотрудников «Чувашино» в Москву «тратились ... слишком щедро, беспланово и неразумно» [5, л. 38]. Ревизионной комиссией было установлено, что командировочные расходы в организации систематически переплачиваются. Причем к оплате принимались расходы, как не подтвержденные документами, так и вообще не подлежащие оплате, вроде: «3 руб. – за подыскание извозчика, 1 руб. – за то, что помог купить ж[елезно]д[орожный] билет» и т. д. Всего Чувашским отделом ОГПУ говорится о двух-трех десятках случаев «переплаты и оплаты незаконных и бездокументных расходов только за 9 месяцев 1928 г.» [5, л. 38].

Из-за отсутствия надлежащего контроля происходили «большие траты на материал»: например, при монтаже картины «Черный столб» были «выброшены из картины около 1200 заснятых метров, как непригодные». Отсюда вытекали значительные расходы на наем актеров, «роли которых впоследствии или совершенно выпадали или сводились почти на нет» [5, л. 45]. Кроме того, в ходе съемок картин часто устраивались

кутежи, вина и закуски для которых доставлял бухгалтер А.К. Корнилов [5, л. 45].

7. Финансовое состояние «Чувашкино» было совершенно неважным: имевшихся весной 1929 г. денег (23 тыс. руб.) не хватало для съемок хорошей киноленты, кинотеатры и передвижки приносили убытки. Так, в 1928 г. стационарные кинотеатры действовали в Чебоксарах, Алатыре, Мариинском Посаде, Цивильске и Ядрине, причем только алатырский кинотеатр, имевший собственное здание, был бездефицитным. Также в Чувашии, согласно акту ревизии деятельности «Чувашкино» за время с 1 января по 1 октября 1928 г., насчитывалось 8 кинопередвижек. В 1927/28 г. они работали довольно интенсивно: в среднем на одну передвижку приходилось 11 сеансов в месяц. Однако за три квартала 1928 г. от деятельности передвижек было выручено всего 4,76 тыс. руб., тогда как расходы по ним составили 7,16 тыс. руб. [5, л. 39, 52–55].

8. Свою жену, Тани Юн, И.С. Максимов-Кошкинский «свал» во все картины, кстати и некстати; в каждой картине «выпирал» ее на главные роли, пользуясь отсутствием квалифицированных чувашских актрис. Часто включал в кинофильмы сцены, где могла бы показать себя Тани Юн, хотя они и не имели прямого отношения к сюжету кинокартины. Снимал сцены с ее участием по 5–6 дублей, тогда как других актеров – лишь одним дублем. То есть, своей целью И.С. Максимов-Кошкинский поставил «довести ее до положения Мери Пикфорд» [5, л. 40, 45]. Данный пассаж Чувашского отдела ОГПУ не удивителен: имя американской актрисы, летом 1926 г. посетившей СССР и вызвавшей «массовое помешательство» среди советских граждан, оставалось и через несколько лет на слуху [6].

Как отмечается в докладной записке, на рекламу Тани Юн, воспевание ее как «восходящей звезды», были потрачены огромные деньги, исчисляемые не одной тысячью рублей. Тогда как отзывы специалистов, видевших ее игру в фильмах «Сарпиге» и «Ял», были отрицательны [5, л. 40–41].

9. В «Чувашкино» существовали большие проблемы с подготовкой сценариев. Работа сценарной мастерской, созданной осенью 1928 г. при «Чувашкино», прекратилась из-за отсутствия руководства со стороны И.С. Максимова-Кошкинского, которому «не интересно было тратить время и энергию для подготовки лиц, которые могут отнять у него же кусок хлеба». Сам же руководитель «Чувашкино» не мог сочинять объективные сценарии, все сценарии писались им «с определенной установкой на то, чтобы Тани Юн играла главную роль». Особенно ярко проявилось в сценарии «Пощечина», отвергнутом художественным советом; сценарий затем переделывался несколько раз, причем «роль Тани Юн каждый раз выпирала все больше и больше» [5, л. 42]. Художественный совет, которому следовало предварительно, еще до начала производства кинофильмов, просматривать и утверждать рабочие сценарии, не делал этого. В итоге рабочие сценарии писались И.С. Максимовым-Кошкинским в процессе самих съемок, что вело к изменению содержания фильмов, появлению большего числа сцен с участием Тани Юн, а в

отдельных случаях – к увеличению расходов на производство кинокартин и затягиванию их выпуска на месяцы [5, л. 45].

10. При «Чувашкино» отсутствовал надлежащий режиссерский, операторский и актерский состав. В фильмах преимущественно снимались русские актеры или «кустари» – актеры чувашского театра, в зимнее время выступавшие на театральной сцене. Для подготовки национальных кинематографических кадров ничего не делалось, в специальных кинематографических учреждениях никто не обучается [5, л. 44].

11. Народный комиссариат просвещения Чувашской АССР не осуществлял никакого руководства работой «Чувашкино», которое было предоставлено самому себе на все 100%. В результате И.С. Максимов-Кошкинский работал «так, как ему захочется и выгодно, сосредотачивая в своем лице и управляющего «Чувашкино», и сценариста, и режиссера, и актера в главной роли» [5, л. 44]. В первую очередь это объяснялось деятельностью самого И.С. Максимова-Кошкинского, который «всеми своими выходками и подходами к делу умышленно отбивает всякое желание кого бы то ни было, а также и НКПроса, вмешиваться в работу «Чувашкино». Поэтому у него сложились «неважные отношения» как с действующим наркомом просвещения М.С. Сергеевым, так и с предшественниками руководящими работниками – И.С. Степановым и А.Н. Никитиным [5, л. 44–45].

12. И.С. Максимов-Кошкинский, поработав со многими московскими киноработниками, сумел «отвадить их от дальнейших желаний принимать более или менее решающее участие в продвижении кинодела в Чувашской республике» [5, л. 28]. Здесь речь идет о том, что съемки художественного фильма «Черный столб» и документальной ленты «Страна Чувашская» летом 1927 г. прошли в «больших трениях» между И.С. Максимовым-Кошкинским, снимавшим (совместно с режиссером Б. Шелонцевым) первый фильм, и московским журналистом В.В. Королевичем, приглашенным для съемок документального фильма. Эти трения, по словам Чувашского отдела ОГПУ, сопровождались «большими пакостями друг другу, с целью сорвать производство один у другого, и, в конечном счете, имевших основанием желание занять место управляющего несуществующего тогда «Чувашкино», причем конфликт был даже «перенесен в печать» [5, л. 28–29]. По всей видимости, имеется в виду то, что, потерпев фиаско в Чувашии, В.В. Королевич опубликовал в московском журнале «Советское кино» статью с резкими выпадами против И.С. Максимова-Кошкинского, где его обвинил «в засилии молодой чувашской кинематографии»: сам пишет, сам ставит, сами с женой играют, при этом часто допускают художественные и идеологические ошибки, обращаясь к американским стандартам. Автор сделал вывод, что в дальнейшем производство чувашских фильмов надо переложить на могучие плечи специалистов из центра [1]. При этом следует отметить, что в Чувашии негативно отнеслись к содержанию «Страны Чувашской», так как картина получилась поверхностной, постановщик увлекся частностями, второстепенными фактами, экзотикой; лента воспринималась даже как клевета на чувашский народ [2, с. 104].

Завершается докладная записка следующими выводами:

а) «Чувашкино» является организацией, исключительно поглощающей средства;

б) возможно, следует «поставить вопрос о дальнейшем существовании «Чувашкино»;

в) для выявления более полных «безобразий», отмеченных в докладной записке, необходимо организовать официальное следствие [5, л. 49].

Впрочем, для И.С. Максимова-Кошкинского эта докладная записка, к счастью, не имела очень серьезных последствий. Да, «Чувашкино» осенью 1930 г. перестало существовать, влившись в «Востоккино» (специальное кинематографическое объединение по производству национальных фильмов), но на это были объективные причины и речь о вхождении в «Востоккино» велась уже в 1927 г [2, с. 105, 107]. При фабрикации дела против И.С. Максимова-Кошкинского в конце 1930-х годов прозвучавшие десятью годами раньше обвинения не всплывали, теперь он был обвинен в «национализме» и осуществлении контрреволюционной деятельности [3, с. 109–120].

Список литературы

1. Алексеев В.Н. Чувашское лицо «великого немого» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=236050

2. Антонов М.К. Из истории «Чувашкино» // Ученые записки ЧНИИ. – Вып. 35. – Чебоксары: ЧНИИ ЯЛИЭ, 1967. – С. 98–109.

3. В трагические годы: репрессированные чувашские писатели, журналисты и ученые / авт.-сост. В.П. Кошкин. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. – 287 с.

4. Выдающиеся люди Чувашии / редкол.: Н.Ю. Паргасова (пред.). – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2002. – 239 с.

5. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). – Ф. П-1. – Оп. 10. – Д. 32.

6. Сагдиев Т. Как приезд актрисы Мэри Пикфорд вызвал массовый психоз в Советской России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian7.ru/post/kak-priezd-aktrisy-myeri-pikford-vyzva/>

Пакшина Наталья Алексеевна

канд. техн. наук, доцент
Арзамасский политехнический институт (филиал)
ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный
технический университет им. Р.Е. Алексеева»
г. Арзамас, Нижегородская область

DOI 10.31483/r-32502

ИМЕНИНЫ. ТРАДИЦИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

***Аннотация:** в статье рассказывается о праздновании дня Ангела в дореволюционной России. В процессе работы использован просопографический метод. Рассматриваются особенности того, как отмечался этот праздник в разные эпохи. Автор знакомит читателей с традициями и укладом нескольких широко известных в России семей. Исследование базируется на переписке дворян Среднего Поволжья.*

***Ключевые слова:** день Ангела; семейный праздник; обычаи; подарки; Демидовы; Шипиловы; Ляпуновы.*

Именины – день памяти святого, имя которого было дано христианину при крещении. Исключение составляют монашествующие, которые отмечают именины в день памяти святого, имя которого было дано им при постриге.

По церковной традиции имена новорожденным выбираются из имен святых, приходящихся на восьмой день от рождения. В настоящее время имеет место послабление, т. е. имена мальчикам даются в период от рождения до восьмого дня, а девочкам – еще и назад на восемь дней. Если в этом перечне не находится устраивающего имени, то берется понравившееся, а святого заступника с таким именем выбирают, двигаясь вперед по календарю.

Именины – праздник особый, который можно было бы назвать днем духовного рождения, так как он связан, прежде всего, с таинством Крещения и с именами, которые носят небесные покровители людей.

Именины отмечают во многих христианских странах. Например, в Болгарии этот праздник называют «Имен день». Согласно болгарским традициям, поздравить именинника приходят без приглашения, считается, что все, кто благожелательно настроен, вспомнят и придут сами. А именинник в этот день готовится угощать всех пришедших. Поздравляют именинника, открытками, подарками, цветами [4].

Каковы были особенности празднования именин в России? В разные времена отмечали по-разному, да и у представителей разных слоев населения обычаи несколько отличались.

Но, в любом случае, день самого праздника именинник должен был непременно посетить храм, заказать молебен за здоровье и поблагодарить своего святого покровителя. По обычаю днем друзьям и родственникам разносили именинные пироги, причем часто начинка и величина пиро-

га имела особый смысл, определяемый характером отношений именинника и его близких. Вечером устраивалась праздничная трапеза [9].

День ангела (именины) до революции был самым важным праздником в жизни человека и по своему значению даже сравниться не мог с днем рождения. Подарки, которые дарили на именины, всегда были значительнее тех, которые получали на день рождения [5, с. 20]. В качестве примера рассмотрим один такой подарок на день Ангела, который решил сделать жених своей невесте в декабре 1837 года.

Познакомиться с историей этого дарения нам удалось из письма Александра Васильевича Демидова своему отцу нижегородскому помещику Василию Львовичу Демидову.

Жених А.В. Демидов – представитель нижегородской ветви рода Демидовых, потомок знаменитых оружейников, заводчиков и благотворителей. По образованию Александр Васильевич – инженер путей сообщения [7, с. 142]. На момент отправки этого письма проживал в Санкт-Петербурге и служил в Корпусе путей сообщения, в том учебном заведении, которое некогда окончил сам.

Невеста Анастасия Николаевна Суцова происходила из дворянского рода Сузовых, которым за воинскую службу в XVII веке были пожалованы земли к юго-востоку от Нижнего Новгорода [8, с. 358].

Приведем, наконец, фрагмент письма, в котором сохраним особенности написания слов, как в оригинале, т. е. без изменений:

«6 декабря 1837 года

...Я весел и живу в ожидании будущих радостей...

...Любезный папилька, с следующей почтой я вышлю к Вам картину моей работы в подарок Настасье Николаевне: картина эта представляет: Божью мать с Иисусом Христом, Иосифа и Иоанна Крестителя, величина ея $2\frac{1}{4}$ верш. длиной и $1\frac{3}{4}$ в шир. Отделка и рисовка самая миниатюрная на слоновой кости. Здесь Вы увидите в первый раз мое мастерство в этом роде живописи; (да я признаюсь и сам не знал, умею ли я так рисовать!). Дражайший Папилька, так как эту картину мне надобно подарить имениннице в 22-е Декабря, то сделайте одолжение, прикажите дня за четыре или пораньше навеститься в Василь: не получена ли моя посылка, ибо картинку я не могу раньше выслать, как чрез четыре дни с тяжелой почтой да притом и рамка еще поспеет только завтра. Потом любезный папилька я покорнейши Вас прошу мою посылочку опять уложу послать с нарочным к Елизавете Ивановне в Анастасово, только, чтобы было так, чтоб они получили оною в 22-е Декабря, сделай же милость... Папилька посуди же как мне хочется, чтобы оный был получен своевременно...

Александр Демидов [10, л. 38 об., 39].

Прокомментируем некоторые части письма. Вершок – старая русская мера длины, равная 4,4 см, т. е. размер этой небольшой иконы составлял приблизительно 9,9*7,7 см.

В письме упомянута так называемая «тяжелая почта». Здесь имеется в виду доставка посылки, которая осуществлялась раз в неделю в Петербург и из Петербурга на поводах. Это спустя почти 15 лет, с открытием в

1851 году Николаевской железной дороги по ней станут ходить специальные почтовые вагоны и скорость доставки значительно увеличится [6, с. 246].

Что касается названных здесь населенных пунктов, то они были расположены достаточно далеко друг от друга. Анастасово, где проживала невеста, находилось на юге Нижегородской губернии, а точнее на юго-западе Сергачского уезда в непосредственной близости от Большого Болдина, Апраксина. Родное село жениха – Быковка приблизительно в 100 км от него, а уездный город Васильсурск и того дальше.

Что было потом? В 1839 году они с Анастасией Николаевной поженились. В этом браке родилось четыре сына Платон, Александр, Михаил и Николай и пять дочерей Мария, Евгения, Софья, Екатерина и Александра. Александр Васильевич станет инженер-майором и первым председателем Васильсурской уездной земской управы [3]. И проживут они вместе «ровно тридцать лет и три года», совсем как в большинстве русских сказок.

Похоронят их рядом возле церкви Рождества Христова в селе Быковка. Очень красивая церковь была расписана преподавателями и учениками первой в Поволжье провинциальной Арзамасской школы живописи. О том, что именно ступинцы занимались украшением этого храма, неоднократно упоминал в своих записках ее основатель академик А.В. Ступин. Например, в перечне работ, выполненных по Казанскому тракту, имеется запись «Г. Демидову – Быковку 23 1500». Более подробной информации нет, но в любом случае, и количество икон – 23, и сумма 1500 руб. по тем временам очень значительная [13, с. 476]. Но, вернемся, однако, к теме нашей статьи к именинам.

В качестве примера рассмотрим, как отмечала этот праздник родная сестра Анастасии Николаевны Демидовой (урожд. Сушевой) Александра Николаевна. Об этом удалось узнать также из семейной переписки, неоднократно породнившихся Демидовых–Шипиловых–Ляпуновых.

Эти именины пришлось на более поздний период, а конкретнее на 1863 год. В своем письме, адресованном золовке Софье Александровне Ляпуновой (урожд. Шипиловой), Александра Николаевна живописует этот семейный праздник.

На тот момент именинница жила со своим мужем и двумя детьми в селе Деяново Курмышского уезда Симбирской губернии. Приведем отрывок из ее письма:

«...Благодарю тебя дорогая Софи за поздравление с днем моего Ангела. Мы этот день провели очень приятно, несмотря на то, что погода была ужасная, но все мне милы и были у меня. Анастасия с семейством, Александр Александрович с женой, Сергей с женой, которая очень мила, Зыбины, Ульяновы, Пазухины, Чегодаевы, Жадовские, все были.... Танцевали немного, потому, что кавалеров мало было...»

Прошай шер Софи, поцелуй за меня мужа и детей, дай Бог. Чтоб они росли и утешали вас. Соня тебя целует, она очень мила и тебя очень любит. Душой тебя любящая Александрин.» [11, л. 12, 12об.]. Короткие комментарии: Анастасия с семейством – сестра Анастасия Николаевна Демидова с мужем и с старшими сыновьями Платоном и Алек-

сандром. Александр Александрович и Сергей – ее девери, князь Чегодаев с дочерьми (племянницами именинницы). Остальные перечисленные лица – это ближайшие соседи. Как видим, во второй половине века празднование принимает более светский характер.

Именинник по возможности ходил в храм со своими родными, поскольку именины считались семейным праздником. Не случайно в поздравительных письмах и открытках конца XIX начала XX века, кроме поздравления самого именинника, можно увидеть приписки, подобные этой «...*Поздравляю твоих папу, маму, братьев и сестер с именинницей...*» [12].

Кстати, об открытках, как известно, почтовые открытки в России поступили в обращение только с 1 января 1872 года. Первоначально «открытые письма» представляли собой пустые карточки для письма. Но, уже в конце XIX века, что только на них не изображали [5, с. 3]!

Было выпущено невероятно большое количество открыток, посвященных именно Дню Ангела, и это говорит о том, насколько в Российской империи именины повсеместно отмечались и что было принято непременно поздравлять родных и знакомых с этим праздником. На этих красочных открытках и просто чаще всего ставилась надпись «Поздравляю с Днем Ангела», но были и именные, посвященные «Ольге», «Надежде» и т. п. На одной из старинных открытках мы можем даже увидеть почтальона, вручающего поздравление с Днем Ангела (рис. 1).

Рис. 1. Почтовые открытки с Днем Ангела

В советское время празднование именин, впрочем, как и многие другие религиозные традиции, находилось в забвении, более того, в 20–30-х годах XX века подвергалось официальному гонению [9]. Борьба с «пережитками» иногда доходила до абсурда.

Например, в конце 30-х годов прошлого столетия цензура запретила «Муху-Цокотуху» Корнея Чуковского за «пропаганду именин». «Муха-Цокотуха» впервые была опубликована в 1924 году в издательстве «Радуга». В ближайшие три года это издательство пять раз переиздает сказ-

ку (в первых пяти изданиях под названием «Мухина свадьба»), а в 1929 года ее печатает Госиздат. А потом центральные издательства отворачиваются от книги и автора. В течение почти двух десятилетий книга не переиздается ни разу. Конечно, запрет произошел не только из-за «именин» [1]. Но, практически в каждой из обличительных статей есть упоминания о них, например, такое «*О чем говорят эти стихи? О силе денежки, о значении именин...*» [2, с. 71].

Поколение людей, выросших во второй половине XX века, уже не стало столь радикальных мер. Но, что касается именин, пожалуй, каждый из нас может вспомнить, детскую песенку о том, как на «*именины испекли мы каравай. Каравай, каравай, кого любишь выбирай...*». В XXI веке эта песенка растиражирована на многих сайтах, есть там и текст, и аудиозаписи и видеоролики. Единственно в словах, совсем небольшая поправка вместо слова «*именины*» на очень многих из них звучит «*день рожденья*»...

Впрочем, не все столь печально, определенные шаги в сторону поддержки старых российских обычаев наблюдаются. Например, все чаще и чаще детей называют, если не по святцам, то, во всяком случае, традиционными русскими именами. Появилось в сети множество красивых поздравительных открыток «С Днем Ангела». Большинство из них изготовлены с использованием новейших компьютерных технологий. Они сияют и переливаются и совсем не уступают тем первым открыткам, которыми поздравляли друг друга наши предки более ста лет тому назад.

Автор благодарит Е.Ю. Аникину за предоставление консультаций по генеалогии Шипиловых и Суцзовых.

Список литературы

1. Безродный М. К генеалогии «Мухи-Цокотухи» // Школьный быт и фольклор: учеб. материал по рус. фольклору / сост. А.Ф. Белоусов – Таллин: Таллинский педагогический институт им. Э. Вильде, 1992. – Ч. 1. – С. 207–222.
2. Грудская А. Заметки на полях детских книг // На литературном посту. 1930. – №5/6. – С. 70–71.
3. Демидовы. Родословная роспись / сост. Е.И. Краснова. – Екатеринбург: Демидовский институт, 1992.
4. Именины по-болгарски [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://brat-bg.com/ru/interesting/bg-incognita/typical-balkan/festivals/855-imenini-po-bolgarski> (дата обращения: 03.04.2019).
5. История в открытках (путеводитель по прошлому) / сост. Н.Г. Вдовина. – М.: АС, 2017. – 160 с.
6. Келлер Е.Э. Отечеству полезные дела. Деловая жизнь в старом Петербурге. – СПб.: Невский ракурс, 2011. – 312 с.
7. Пакшина Н.А. Брачные обыски в дореволюционной России / Н.А. Пакшина, В.П. Колесова // Приволжский научный вестник. – 2015. – №12. – Ч. 3 (52). – С. 140–146.
8. Пакшина Н.А. О капитане корвета «Оливуца» Иване Николаевиче Суцзове / Н.А. Пакшина, Е.Ю. Аникина // Социум, общество и государство: история и современное развитие: сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции, Москва, 20 ноября 2017 г. – М.: Профессиональная наука, 2017. – С. 355–370.
9. Петухов М. Именины // Материалы сайта «Русская вера» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruvera.ru/imeniny> (дата обращения: 01.04.2019).

10. Письмо А.В. Демидова В.Л. Демидову от 6 декабря 1837 года / Фонд Ляпунов С.М. // РО РНБ. – Ф. 451. – Оп. 1. – Д. 1314.
11. Письмо А.Н. Шпиловой к Михаилу Васильевичу и Софье Александровне Ляпуновым от 25 ноября 1863 года / Фонд Ляпунов С.М. // ОР РНБ. – Ф. 451. – Оп. 1. – Д. 1219.
12. Письмо Б.М. Ляпунова к К.С. Ляпуновой от 21 января 1913 года / Фонд Ляпунов С.М. // ОР РНБ. – Ф. 451. – Оп. 1. – Д. 1151.
13. Собственноручные записки о жизни академика А.В. Ступина // Щукинский сборник. – Вып. III. – М., 1904. – С. 392–482.

Пономарева Варвара Витальевна

канд. ист. наук, старший научный сотрудник
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова»
г. Москва

DOI 10.31483/r-32534

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ДЛЯ ИСТОРИИ ЗАКРЫТЫХ ЖЕНСКИХ ИНСТИТУТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Аннотация: непривычная для русского патриархального общества второй половины XVIII в. государственная женская школа не просто завоевывала свои позиции. Опираясь на историко-биографический метод, автор рассматривает механизм укоренения закрытых женских институтов в русской культуре начала XIX в. Прослеживается появление целых династий учивших и учившихся, для которых институты стали подлинной *alma mater*, делом жизни и даже родным домом.

Ключевые слова: женское образование; Ведомство учреждений; императрица Мария; Воспитательное общество; общество благородных девиц; инспектриса; институтка.

Начало государственному женскому образованию в России было положено в 1764 г., когда по указу императрицы Екатерины II было основано Воспитательное общество благородных девиц, а спустя год – Мещанское при нем отделение (общее наименование – Смольный институт). Помещая своих дочерей в институты, родители были вынуждены расставаться с ними на долгие годы. Пойти на подобный шаг было нелегко, и часто решались на него лишь потому, что другого способа дать достойной подготовки детям не было. Институтское образование не просто утверждалось в русской культуре, – против непривычного воспитания и образования девочек выступали многие, в том числе и передовые люди той эпохи, от М.М. Щербатова до А.Н. Радищева.

Тем не менее, институтское образование становилось все более привычным для русского общества. Открывались все новые институты

(к середине XIX в. их было уже около трех десятков), постоянно возрастало число обучающихся в них девочек (если в конце XVIII в. их было немногим более 400, то спустя полвека – уже около 5300). Женские институты закладывали основу национальной системы женского образования, служили образцом для других типов женской школы.

Очевидное доказательство востребованности закрытых женских институтов, ставших органичной частью русской культуры, предоставляют биографические данные их воспитанниц (хотя нередко подобные изыскания, и так затрудненные скудостью сведений о женской половине человечества, осложняются сменой фамилий женщин в случае выхода замуж). Можно проследить немало случаев, когда в институтах поколение за поколением обучаются представительницы одной фамилии, причем нередко они поступают в один и тот же, ставший родным для их семьи, институт. Эта традиция начала складываться очень рано. Так, курс Воспитательного общества благородных девиц в начале XIX в. окончили четыре дочери Евфимии Дуниной, смолянки I выпуска (1776 г.), там же училась и ее сестра Фиона, получившая в награду за отличное учение шифр. Известно, что прочно укореняется в культуре то, что воспринимается семьей. Уже с начала XIX в. в русских дворянских семьях входит в обычай посылать на воспитание своих сыновей в кадетские корпуса, а дочерей – в женские институты.

Ярким примером приверженности своему месту воспитания являлись женщины из семьи Обручевых, для которых родным стал Смольный институт. Мария Лукинична Обручева (ур. Колотова), осталась молодой вдовой с семью детьми в тяжелом финансовом положении. Двое сыновей были приняты в Александровский сиротский кадетский корпус, а пятерых дочерей мать подготовила к поступлению в Воспитательное общество, где некогда она училась вместе со своей сестрой Прасковьей (выпуск 1821 г.). Все дочери Марии Лукиничны отлично учились и закончили курс с шифром: Анна Николаевна (выпуск 1848 г., в замуж. Бычкова, жена академика, директора имп. Публичной библиотеки), Екатерина Николаевна (выпуск 1845 г.) [10], Елизавета Николаевна (выпуск 1854 г.) [11], Мария Николаевна (выпуск 1851 г.), Ольга Николаевна (выпуск 1854 г.) [12].

Семейство Обручевых стали заметным явлением в институте. Учившаяся в 1840-х гг. в Смольном М.С. Угличанинова вспоминала: «...я запомнила Обручеву, получившую первый шифр и бывшую впоследствии в Смольном, как я слышала, такой любимой и популярною инспектрисой. Вторая ее сестра шла первою в нашем классе, а третья также была из первых в следующем за нами классе. Это сестры бывшего начальника Штаба Н.Н. Обручева, которого помню хорошо, когда он приезжал к сестрам белокурым кудрявым кадетиком» [9, с. 34]. Известная впоследствии беллетристка, также учившаяся в Смольном в те годы, писала в своих мемуарах: «уже после выпуска третьей дочери императрица обратила внимание на мать такого образцового семейства и пожелала видеть ее во главе вновь поступающего меньшего класса воспитанниц» [8, с. 69]. Мария Лукинична была инспектрисой без малого тридцать лет, в 1851–1879 гг. [13; 15, с. 404, 441, 546, 550, 559, 562], и служба

в институте не только дала ей кров и обеспечила достойный заработок, но позволила обрести поистине родной дом – любовь и уважение окружающих, реализацию своих незаурядных педагогических способностей, благодаря которым она воспитала не одно поколение культурных русских женщин. Дочь профессора, смолянка А.С. Ешевская вспоминала об инспектрисе Марии Лукиничне «с глубокой благодарностью. Это была в высшей степени деликатная, симпатичная и всеми уважаемая особа» [3, с. 215].

По стопам матери пошла ее дочь, Екатерина Николаевна, служившая инспектрисой Воспитательного общества благородных девиц в течение 33 лет. Она отличалась «умом, энергией и добросовестностью, была редкой, выдающейся деятельницей в Смольном институте», знала институт «во всех деталях», «всесторонне образованная, прекрасно владея иностранными языками», учила других, заботилась о больных, помогала неуспевающим, «пользовалась большим влиянием на воспитанниц и всеобщим уважением» [14, с. 377–378]. Императрица Мария Александровна рекомендовала новой начальнице Воспитательного общества, приступавшей к своим непривычным для нее обязанностям без трепета, опытных инспектрис Обручевых: «...они вам помогут. Вы можете вполне на них положиться» [3, с. 214]. Другие сестры, Мария и Ольга, около 30 лет служили в Воспитательном обществе преподавательницами музыки. Уже в 1884 г. курс Смольного с шифром окончила внучка Марии Лукиничны, дочь ее старшего сына.

Специалист по истории российского просвещения Ф.А. Петров не случайно среди отличительных признаков отечественной системы образования называет формирование прочных школьных традиций [6, с. 256]. Устойчивость институтских традиций обеспечивалась той любовью и уважением, которое испытывали институтки к своей *alma mater*, прочно воспитанными культурными навыками, сохранявшейся преемственностью поколений, – ведь одной из задач институтов была подготовка просвещенной матери и наставницы.

Особо ревностными хранительницами традиций становились классные дамы и начальницы – бывшие институтки. Все институты стремились «выращивать» классных дам из своих воспитанниц, что вызывалось не только заботой об устройстве их будущности, но и тем, что институтки лучше прочих знали навыки бытовой культуры и повседневных практик, которые здесь культивировались.

Все четыре сестры Шиповы были институтками: Мария (в замуж. Леонтьева) и Домна закончили с шифром Воспитательное общество благородных девиц [5, с. 106], причем первая из них в течение 36 лет являлась его начальницей. Две другие сестры – Елизавета и Надежда – окончили петербургский Екатерининский институт, и впоследствии стали первыми начальницами женской школы нового типа – женских епархиальных училищ. Намного более демократичные, предназначенные для дочерей духовных лиц, епархиальные училища, тем не менее, воспроизводили немало черт женских институтов. Современники признавали, что «воспитательная жизнь закрытого интерната, какую обычно представ-

ляют собой епархиальные училища, несомненно, имеет своим первообразом институтский порядок» [7, с. 296]. Примечательно, что сестры Шиповы были институтками «во втором поколении»: две младшие сестры их матери также являлись выпускницами тех же Воспитательного общества (1794 г.) и Екатерининского института (1805 г.).

Для немалого числа учителей важное значение имела возможность обучать на льготных условиях своих дочерей в институтах, где они сами преподавали. В таких случаях «в уважение усердной службы» отцов допускался прием детей преподавателей вопреки принятым сословным правилам в привилегированные учебные заведения. Дочь учителя Воспитательного общества и Екатерининского института, преподававшего с 1814 г. до своей смерти в 1853 г., была институтка С.А. Аникиева, служившая по окончании учебного курса классной дамой в своем институте в течение 25 лет. Она оставила любопытные воспоминания [1]. Дочь преподавателя Воспитательного общества Д.Г. Слонецкого, окончив в 1818 г. этот институт с шифром, прослужила в нем до своей смерти в 1855 г., сначала в качестве классной дамы, затем инспектрисы. Как вспоминала ее современница, А.Д. Слонецкая, честная и справедливая, «столь любила Смольный, что отказалась состоять воспитательницей при великих княжнах» [2, с. 177]. Впоследствии курс учения в Воспитательном обществе завершила и племянница Слонецкой.

Очевидно, что столь многолетняя наследственная связь с учебным заведением породила совершенно иное отношение как нему самому, так и к делу женского образования в целом.

Четыре сестры Черепановы, Александра (выпуск 1828 г.), Анна (выпуск 1828 г.), Екатерина (выпуск 1813 г.) и Мария (выпуск 1807 г.), учились в Екатерининском институте, там же, где преподавал их отец, профессор московского университета Н.Е. Черепанов. Одна из профессорских дочерей впоследствии служила в своем институте классной дамой, и одновременно давала уроки рисования в Николаевском Сиротском институте. Примечательно, что спустя годы первая частная женская гимназия в Петербурге была основана внучкой профессора [4, с. 27].

Изучение биографий институток служит наглядной иллюстрацией одного из путей, каким шло укоренение институтской системы образования в русской культуре. Установление прочных наследственных связей русских семей с учебными заведениями, возраставшее к ним доверие содействовали укреплению статуса женского образования в русском обществе.

Список литературы

1. Аникиева С.А. Воспоминания бывшей институтки. – СПб., 1899.
2. Быкова В.П. Записки старой смолянки (императорского В.О.Б.Д.). 1833–1878 гг. – СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1898. Примечания и издание свящ. К. Зн-скаго. – 458 с.
3. Ешевская А.С. Воспоминания о Смольном. 1871–1876 гг. // Смольный институт. Дневники воспитанниц. – М.: Алгоритм, 2017. – 416 с.
4. Женское дело. – 1911. – №3.
5. Лядов В.Н. Исторический очерк 100-летней жизни имп. Воспитательного общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища. – СПб.: Тип. духовного журнала «Странник», 1864. – 120 с.

6. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России: в 4 т. – Т. 4. Ч. 2. – М.: Изд-во Московского университета, 2003.
7. Смирнов-Кутаческий А. Епархиальные женские училища // Духовная школа. – М., 1906.
8. Соколова А. Из воспоминаний смолянки // Вестник всемирной истории. – 1901. – №5.
9. Угличанинова М.С. Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря сороковых годов. М.: Типолитография Т-ва «Владимир Чичерин» в Москве, 1901. – 74 с.
10. ЦГИА. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 4724.
11. ЦГИА. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 4863.
12. ЦГИА. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 5488.
13. ЦГИА. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 5795.
14. Черепнин Н.П. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк: в 3 т. – Т. II. – СПб.: Гос. тип., 1915. – 679 с.
15. Черепнин Н.П. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк: в 3 т. – Т. III. – СПб.: Гос. тип., 1915. – 758 с.

Цзюань Линь

магистрант

Аньхойский университет

г. Хэфэй, Китайская Народная Республика

Краснова Марина Николаевна

канд. филос. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет

им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ СКАЗКАХ

Аннотация: в работе анализируются ценности, проявляющиеся в русских и китайских сказках. На материалах народных сказок, главных героев выделены ценности и ориентиры китайского и русского народа в древности.

Ключевые слова: ценности; черты характера; сказка; дурак; русская культура; китайская культура.

Русская народная сказка занимает важное место в русской литературе. Сказка является формой фольклора, в ней фиксируются бытовые стороны жизни самого простого и умного поколения на земле Руси. Главные ценности в сказке – это искренность, доброта и красота. Эти ценности сильно повлияли на литературное творчество в России.

Сказка – особый литературный жанр, в неё не только отражаются ценности автора, а более – ценности народа. Во-первых, поскольку сказка появилась как жанр народного творчества, которое распространяется на земле из уст в уста, у многих из них вообще отсутствует автор. В процессе их распространения, народ выполнял функцию передачи сюжета и информации. Одновременно, народ, как среда распространения, добав-

лял в сказку то, что он ценит. Так что, когда потомство читает сказку, может почувствовать эти ценности, вкладываемые собственным народом. Во-вторых, если мы сравним сказочные произведения разных стран, мы получаем разное впечатление. Сказки не только отражают национальные особенности фольклорной традиции, но и отчетливо проявляют свойства, характеризующие этнический менталитет [7, с. 67]. Например, в китайских сказках, мы видим героев, которые стараются достичь невозможной задачи ради родственников или народа. Они жертвуют своими интересами ради других. В конце концов, хотя не все, но многие из этих героев погибают, их гибель продолжает приносить пользу другим. В сказке «Куа Фу гонит солнце» Куа-фу часто смотрел на солнце, наслаждался его лучами и восхищался им. Он считал, что мир такой холодный и жестокий потому, что просто нужно больше света, больше радости, миру не хватает Солнца, надо догнать светило и убедить его не уходить, а всегда, и днем и ночью, светить людям. И он пошел за солнцем [3].

В китайских сказках более высокие ценности – самопожертвование, сплочение, обязательность и другие. Китайские сказки нас учат быть полезным человеком ради всего человечества, быть готовым всегда помогать другим. Так в поэме «Песнь о Мулань», «Балладе о Мулань», главная героиня Хуа Мулань вступает в армию ради своего старого отца, который не может уже воевать. Она облачается в мужскую одежду, и никто не знает, что она женщина. Этим проявляет заботу о своих родителях и младшем брате [1]. Но есть и в китайских народных сказках герои по своей семантике похожи на героев русских сказок. Они также помогают государю-императору решать дела государственной важности, за что получают вознаграждение в виде жены-царевны, знатного чина при дворе и даже становятся императором. Примером может служить образ Сяо Хуана из сказки «Сяо Цзюань», бедный юноша из крестьянской семьи, благодаря своему трудолюбию и помощи людей вырвался из нищеты и стал богатым [2].

Русские и китайские сказки отличаются тем, что в русских – подчёркивается инициация у самого человека, а в китайских сказках герой вырос уже с хорошими качествами. Например, Куа-фу, не был злым и беспощадным, а обладал добрым и чутким сердцем [3]. Сказка показывает, как герой использует эти качества, чтобы приносить пользу человечеству.

Ценности народа проявляются в личности и характере героев сказок. В русских существует типичный герой, у них обобщенное имя – «дурак» или «Иван-дурак». Это самый симпатичный, живой, наделенный наиболее яркой индивидуальностью сказочный герой, вобравший в себя характерные черты именно русского национального характера и общественного сознания или, т.е. менталитета [8, с. 219]. Эти дураки обычно ничего не умеют делать, обманутые и обобранные «умными» людьми, случайно встретили какую-то волшебную силу, и, в конце концов, получили богатство или высокий статус в жизни, как награды. Нам показывают, как они глупые – целый день лежат на печи, ничего не хотят делать, ни о чём не думают («По шучьему велению») [4], ленятся на работе, когда все умные работают («Сивка Бурка») [6]. Но эти дураки, в

конец концов, пришли к хорошему результату. Глупость – это самая важная черта характера у дураков, но на самом деле, в глупости – выражается «протест» против окружающей действительности [5, с. 25]. Глупцы верят в социальный порядок, они не ценят богатства, высокий статус в жизни, не гонятся за красавицами в жизни. Высшие ценности в этих сказках, это бескорыстие, доброта, уважение ко всему живому, бесхитрость, искренность.

Таким образом, дурак в русской народной сказке, это представитель простого народа, у которого наивное и доброе отношение к окружающей среде. В русских сказках в лице главного героя отражается протест против существующей действительности, китайская сказка учит служению народу.

Список литературы

1. Балладе о Мулань «木兰诗» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/木兰诗/1307816?fr=aladdin>
2. Владимирова Д. Лингво-культурологический анализ русских и китайских народных волшебных сказок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ifl.dvfu.ru/>
3. Куа Фу гонит солнце «夸父逐日» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/夸父逐日/631520>
4. По шучьему веленью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://narodstory.net/>
5. Пономарёв П.В. Смех «дурака» как преодоление страха в русских народных сказках // Алтайский государственный педагогический университет. – 2011. – №6. – С. 25–27.
6. Сивка-бурка // Волшебные сказки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mishka-knizhka.ru/skazki-dlay-detey/>
7. Цун Япин. Лингвистические особенности русских и китайских народных сказок в национально-культурном аспекте // Вестник Пермского университета. – 2012. – Вып. 1 (17). – С. 67–70.
8. Штемберг А.С. Герои русских народных сказок: кто они и почему ведут себя так, а не иначе? // Пространство и время. – 2011. – №4 (6). – С. 218–229.

ГЕОПОЛИТИКА: РЕТРОСПЕКТИВА, ПЕРСПЕКТИВА, ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ

Коровина Евгения Владимировна

канд. ист. наук, доцент

Трофимова Юлия Владимировна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный
технический университет им. Р.Е. Алексеева»
г. Нижний Новгород, Нижегородская область

DOI 10.31483/r-32519

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АМЕРИКАНСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ

Аннотация: большинство исследователей считают, что усиление роли пространственного фактора в мировой политике на рубеже XIX и XX столетия привело к появлению теоретических концепций геополитики, проявляющейся через различные научные школы и в политической практике государств и правительств. Мониторинг СМИ даже за последние несколько месяцев прошедшего и нынешнего года позволяет выявить преэминентность следованию ряду положений геополитических концепций во внешнеполитической деятельности президента США Д. Трампа и его предшественников.

Ключевые слова: геополитика; внешнеполитическая деятельность; мониторинг; анализ; доктрина; концепция; географическая детерминанта.

В изучении мировой политики и международных отношений в конце XIX и начале XX в. формируется новое направление – геополитическое. Оно является продолжением и развитием идеи географического детерминизма, существовавшей в различных социально-политических концепциях на протяжении многих веков.

Данные идеи получили широкое распространение в политической мысли европейских стран, США и России. На различных этапах развития геополитики доминировала какая-либо из национальных геополитических школ: германская, британская, североамериканская.

Германская геополитика сыграла наиболее важную роль в формировании данного научного направления. Переход от идей географического детерминизма к собственно геополитике обычно связывают с творчеством немецкого политического географа Ф. Ратцеля (1844–1904), который первым сформулировал положение о том, что пространство – это не просто территория, занимаемая государством, а его политическая сила. Отдавая должное распространенному в то время представлению о госу-

дарстве как живом организме, он отождествлял развитие всякого государства с его пространственным расширением. Ф. Ратцель известен как автор семи законов экспансии. Термин «геополитика», введен, в научный оборот другим представителем данной школы шведом Р. Челленом, который считал, что сила – более важный фактор для поддержания существования государства, чем закон [4, с. 35, 104; 5, с. 52–53].

Продолжая развивать общий тезис геополитики о непосредственном влиянии географического положения на политические интересы государства, основатель ее североамериканской школы, А. Мэхэн определил критерии оценки геополитического потенциала государства. Он выделил 6 положений, развитых в новых условиях Н. Спайкменом. В 60-е гг. XX века С. Коэн вводит новые понятия «геостратегический регион» и «геополитический регион», которые позволили скорректировать основные положения предшественников в условиях «разделенного мира» [5, с. 60–65].

Ориентация на силовые методы осуществления политики оказалась весьма распространенной не только в среде теоретиков геополитики.

Обращение к этим методам, как показала практика настоящего времени, проявляется во внешнеполитической стратегии государств в различных формах: военной, экономической, технологической, в борьбе за ресурсы.

Положения геополитических концепций стали реальностью, практикой, тогда как их теоретическое осмысление и анализ запаздывают. Это, на наш взгляд, вполне нормально, так как современные международные отношения, современная политика еще не стали историей, а анализ происходящего в меняющемся мире не может быть всесторонним.

В связи с этим авторов заинтересовало выступление на закрытом заседании в ИМЭМО РАН в Москве Робина Ниблета директора Британского королевского института международных отношений (ЧАТЭМ-ХАУСА), изложившего свои взгляды на мировую политику.

Давая характеристику мировой политике в целом, он подчеркнул, что сегодня требуется не анализ, а «искусство понимания». С позиции британского понимания современный период – это не холодная война, не новый XIX век. Это период глобального геоэкономического противостояния, которое входит в свою полную силу. В зависимости от действий его главных участников оно может закончиться уже противостоянием геополитическим [7, с. 8–9].

Трудно просчитать дальнейшие стратегические шаги президента Трампа, равно как и дать оценку британского видения геополитической картины мира.

Тезисное изложение материала не позволяет более подробно останавливаться на геополитических концепциях, однако, на наш взгляд, отдельные положения теории служат апологетикой внешней политики США на различных этапах ее осуществления. Например, гегемонистской миссии и установки на глобальное лидерство – «обреченная вести за собой», которая проявляется во внешнеполитической линии американского правительства и его президентов от Б. Клинтона до Д. Трампа. Хвастливое заявление Клинтона: «XX век был американским, XXI век тоже будет американским» воплощается в доктрине «РАХ АМЕРИКА-

НА» и «демократизации» Большого Ближнего Востока Дж. Буша мл., Б. Обамы и Трампа.

Исторические условия формирования внешней политики США в конце XX – начале XXI века, также как и доктринальные основы внешней политики США при администрациях Дж. Буша-мл. и Б. Обамы всесторонне рассмотрены в работах исследователей О.А. Колобова, Ю.В. Трофимовой, К.В. Средняк [3; 8]. Поэтому, насколько это возможно в тезисном изложении, остановимся на последних инициативах Д. Трампа.

Авторы статьи затрагивают лишь некоторые аспекты преемственности внешнеполитической линии Трампа. Информационная шумиха, поднятая вокруг заявления о выходе США из ДРСМД, как считает А. Арбатов, вовсе не является блефом непредсказуемого Трампа, так как подтверждено советником президента по национальной безопасности Дж. Болтоном [1, с. 8].

Данный шаг, по мнению авторов, укладывается в его жизненные принципы, в руководящий принцип Д. Трампа: «хорошо лишь то, что укрепляет Америку».

Геополитические амбиции США распространяются не только на свой континент, согласно доктрине Монро, но и на регионы, располагающие полезными ископаемыми или являющиеся конкурентами на рынке экономических амбиций этого государства.

Так еще до начала «торговой войны» с Китаем в 2018 г. Власти США заблокировали ряд попыток китайцев приобрести компании, которые делают чипы. Китай значительно продвинулся в создании искусственного интеллекта. Компания iFlytek из Шэньчжэня, например, специализируется на синхронном переводе с двух языков одновременно. Однако, в стране отсутствует «элементная база», которую китайцы хотели приобрести в США. На создание ее уходит много времени. Поэтому США, таким образом, сдерживают своего конкурента, а «торговая война» между этими странами приобретает технологическую природу.

Трудно предположить, как долго будет длиться противостояние с Китаем, так как Трамп бизнесмен-прагматик. Однако, на наш взгляд, будучи неоконном (неоконсерватором) он четко проводит свойственную им линию борьбы за национальные интересы США в любой точке мирового пространства.

Японский писатель Акио Кавато считает, что уверенность Трампа в безнаказанности действий и лидерства на международной арене кроется в том, что позиция США базируется на двух «ключевых факторах» – подавляющего преимущества американских вооруженных сил и доллару как мировой валюте [2, с. 22].

Политика сорок пятого президента внутри страны также направлена на осуществление национальных интересов, причем она рассчитана на среднего американца, на обычных, работающих людей, которые поддержали его на выборах и продолжают, вопреки льющегося из всех СМИ негатива, поддерживать его в настоящее время.

Геополитические теории, если и не составляли основу идеологических и политических причин разработки внешнеполитической линии

США в последние десятилетия, но они как бы аргументировали и оправдывали экспансию страны, как составляющей экономической, политической и военной стратегии на долгие годы.

Список литературы

1. Арбатов А. Ни на блеф, ни на торг это не похоже. Интервью с академиком РАН А. Арбатовым // Огонек. – 2018. – №42. – С. 8–9.
2. Кавато А. Трамп и конец эпохи модерна // Огонек. – 2018. – №30. – С. 22.
3. Колобов О.А. Доктринальные основы внешней политики США при администрациях Дж. Буша-мл. и Б. Обамы / О.А. Колобов, Ю.В. Тумина // Вестник Нижегородского государственного университета. – 2012. – №1. – С. 277–284.
4. Коровина Е.В. Основы современных международных отношений: учеб. пособ. – Н. Новгород: НГТУ, 2014.
5. Мировая политика и международные отношения: учеб. пособ. /под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. – СПб.: Питер, 2006. – С. 51–65.
6. Мэхэн А. Влияние морской силы на историю. – М.: РАГС, 2002.
7. Ниблет Р. Двойные игры // Р. Ниблет – доклад в записи Ольги Филиной // Огонек. 2018. – №38. – С. 8–9.
8. Средняк К.В. Исторические условия формирования внешней политике США в конце XX–начале XXI в. / К.В. Средняк, Ю.В. Трофимова // Успехи современной науки и образования. Исторический бюллетень. – 2018. – Вып. 1. – Т. 1. – №1. – С. 15–21.

Глов Алексей Александрович
магистр

Адамова Мария Анатольевна
канд. полит. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
г. Пятигорск, Ставропольский край

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС В ГЕРМАНИИ И ПОИСКИ ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация: *статья посвящена анализу причин, возможных последствий и путей преодоления современного миграционного кризиса в Германии. Особое внимание уделено рассмотрению взаимосвязи миграционных процессов и кризисных явлений европейского развития. Проанализированы характерные особенности миграционного кризиса в Германии. На основе изучения было установлено, что на современном этапе это достаточно распространенная региональная проблема и пути ее решения достаточно многообразны.*

Ключевые слова: *глобализация; миграция; миграционный кризис; беженцы; мигрантские гетто; терроризм; политика мультикультурализма; Германия.*

Миграционный кризис в Европе, связанный с многократным увеличением потока беженцев и нелегальных мигрантов из Северной Африки и Ближнего Востока, стал настоящим испытанием для Европы и для ФРГ в частности как ключевого члена Европейского Союза.

Основной поток беженцев направляется в ФРГ из-за целого ряда причин: более мягкие условия предоставления политического убежища; экономические возможности Германии; отказ многих стран ЕС от Дублинского соглашения о регистрации беженцев в первой стране, принявшей беженцев.

Итак, кризис с мигрантами в Европе возник потому, что в вышеперечисленных регионах возникли очень тяжелые условия. Основной поток шел из Сирии и Афганистана, значительную долю составили выходцы из Ирака и Ливии и из африканских стран (Судан, Конго, Сомали, Марокко, Тунис, Камерун и т.д.).

Повышение уровня преступности – эта актуальная проблема в последние годы во многом связана с притоком мигрантов. Особенно проблематичным является образ мусульманских иммигрантов, который, помимо всего прочего, стал ассоциироваться с нетерпимостью и склонностью к экстремизму.

Тот факт, что беженцы часто прибывают в ФРГ в одиночку, является одним из важных аспектов проблемы. Трудности ассимиляции, безработица повышают напряженность в обществе, а статистика преступлений, в частности изнасилований, регулярно включает в себя долю совершенных мигрантами, и с годами эта доля только растет. Компактное размещение беженцев создает условия для образования «мигрантских гетто» [1]. В них правят уголовные «понятия» или же племенные и религиозные обычаи. Так целые кварталы европейских столиц превратились в рассадники джихадизма и наркоторговли.

Еще одна проблема – это нагрузка на экономику, поскольку мигранты требуют должного отношения к своему труду и социальной помощи для себя и своих семей. Большинство мигрантов не говорят по-немецки и обладают слишком низкой квалификацией. Поэтому лишь 10% из них найдут работу в течение ближайших 5 лет, вероятно, львиная доля мигрантов попросту не захочет искать работу, довольствуясь социальной помощью.

Резкое увеличение притока мигрантов привело к нехватке персонала для регистрации и помещений для обустройства и обернулось серьезными проблемами для бюджета, что, в свою очередь, способствовало нарастанию негативных настроений в отношении мигрантов в немецком обществе.

Но, несмотря на то что ужесточение миграционного закона увеличило количество высылаемых мигрантов, оно практически не коснулось беженцев, массово прибывающих из стран Африки и Ближнего Востока. Высылке подлежат в основном выходцы с Балкан, поскольку эти страны считаются безопасными странами происхождения [2].

Пытаясь справиться с кризисом, в ноябре 2015 года Германия обратилась к Дублинскому соглашению, действие которого в отношении беженцев из Сирии она приостановила ранее. Теперь всех беженцев, включая сирийских, прибывших в Германию после 21 октября 2015 года, обязаны отправить в ту страну ЕС, границу которой они пересекли первой, и именно там их должны зарегистрировать и рассмотреть заявление на предоставление убежища. Единственной страной Евросоюза, составля-

ющей исключение, является Греция. Федеральному ведомству по делам миграции предписано тщательно проверять, как мигрант попал на территорию Германии и не находился ли он до этого на территории другой европейской страны. Однако высылка беженцев по Дублинским предписаниям является для Германии почти невыполнимой задачей, поскольку очень малая часть мигрантов была зарегистрирована до этого в какой-либо стране Евросоюза.

В Берлине считают, что основные проблемы миграционного кризиса связаны не столько с масштабами притока беженцев, сколько с отсутствием у Евросоюза единой миграционной политики. Правительство А. Меркель активно выступает за введение в Евросоюзе новых и соблюдение уже имеющихся правил регистрации, размещения и депортации мигрантов, а также за справедливое распределение их по странам в соответствии с квотами. Оно настаивает на острой необходимости активного сотрудничества с Турцией по вопросам беженцев. В частности, предлагается помочь Турции контролировать морские границы, а также размещать больше сирийцев в лагерях для беженцев. Однако эти предложения не воспринимаются как многообещающие из-за опасений, что финансовая помощь Турции может способствовать укреплению авторитарного режима Р. Эрдогана или Турция будет требовать уступок на переговорах о ее вступлении в Евросоюз.

Важно заметить, что «культура гостеприимства» быстро трансформируется в «культуру оценки ситуации», при этом речь идет о политике «выпроваживания». В конце февраля 2016 года бундестаг одобрил законопроект, предусматривающий ограничения возможностей для воссоединения семей. Власти Германии стали значительно чаще отказывать мигрантам во въезде в страну. Сравнительно упорядочилась регистрация беженцев, заметно растет число высылаемых мигрантов. Кроме того, претенденты на предоставление убежища смогут получать социальную помощь, только если они зарегистрированы и проживают в зоне ответственности ведомства, рассматривающего их документы. Ужесточились требования и к медицинским заключениям, препятствующим депортации мигрантов. В миграционной политике Германии отчетливо просматривается линия на выстраивание вертикали управления миграционными потоками, которую она пытается трансплантировать в механизмы ЕС.

Таким образом, миграционный кризис активно способствует нарастанию в немецком обществе ксенофобских настроений. Важно, что речь идет не только об опасности терроризма, но и о таких возможных в будущем изменениях в немецком обществе, как проявления антисемитизма, изменение отношения к женщинам и к однополым бракам. На этом фоне партия евроскептиков постепенно превращается в группировку с лозунгами правого популизма и экстремизма, и ее рейтинг стремительно растет. Терракты в Париже стали поводом для новых дискуссий о проблеме беженцев в Германии и привели к усилению требований изменения курса в отношении их приема [3]. В любом случае в настоящее время предугадать выбор пути решения проблемы невозможно, поскольку каждый из участников политических процессов пытается извлечь из нее свои выгоды.

В современной Европе существует большой клубок внутренних проблем: от межрегиональных противоречий (риск сепаратизма от «эффекта домино», созданного каталонским кризисом) до сложнейшей миграционной ситуации. Уровень угрозы террористических атак в Европе высокий, к тому же радикализация привела к тому, что регион стала крупным источником джихадистов на душу населения в ИГИЛ, которые после возвращения назад могут подорвать европейскую безопасность.

Список литературы

1. Адамова М.А. Сепаратизм как угроза европейской региональной безопасности / М.А. Адамова [и др.] // Вопросы политологии. – 2018. – Т. 8. – №7 (35). – С. 233–240.
2. Адамова М.А. К вопросу измерения деятельности террористической организации ИГИЛ как мировой проблемы / М.А. Адамова, С.И. Сергеев // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2017. – Т. 6. – №1 (18). – С. 267–270.
3. Гаджиева З.М. Терроризм в современном политическом процессе / З.М. Гаджиева, М.А. Адамова // Кавказ в начале XXI века: роль публичной дипломатии в противодействии терроризму: материалы Международного форума. – Пятигорск, 2017. – С. 59–62.
4. Ильин И.В. Тенденции развития глобализационных политических процессов / И.В. Ильин, О.Г. Леонова // Век глобализации. – 2015. – №1. – С. 27–31.
5. Сакунов М.Е. Миграционный кризис в Европе в современных условиях / М.Е. Сакунов, Я.А. Кондауров // Молодой ученый. – 2016. – №1. – С. 556–559.

Идрисов Рустем Анатольевич

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ ПОСТСОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК

Аннотация: статья посвящена анализу этапов формирования основных институтов власти в постсоветских государствах. В результате обобщения собранных данных о действующих в них политических системах автор делает предположение о начале качественно нового этапа, содержанием которого станет усиление парламентского института.

Ключевые слова: политический режим, институт президентской власти, постсоветские государства, парламент.

Политические режимы постсоветских государств в течение относительного небольшого периода времени претерпевали неоднократные изменения. Это происходило вследствие ряда причин. Основной из них можно считать сложный этап становления политических систем новых республик, унаследовавших, с одной стороны, набор качеств от прежнего советского государства, с другой стороны, стремившихся от этих же

качеств явно дистанцироваться. Поиск «своего» политического режима в условиях ускоренной модернизации не мог не иметь изменчивого характера.

Первоначальный вариант типов республик как правило был смешанным, президентско-парламентским или парламентско-президентским, так как окончательный выбор на конституционном уровне в пользу определенных институтов власти еще сделан не был. Но уже к середине 90-х гг. такой выбор в пользу президентских республик, обусловленный прежде всего необходимостью общенациональной консолидации на этапе государственного строительства, произошел. В России этот процесс был сопряжен с событиями 1993 г., в соседнем Казахстане – с переходом от Конституции 1993 г. к новой Конституции 1995 г., в Белоруссии – с переходным моментом от президентских выборов и принятием Конституции в 1994 г. к референдуму 1996 г. и т. д. Те постсоветские государства, которые не сделали подобный выбор в тот период, явились назидательным примером отрицательного опыта политической дестабилизации и деструкции. Это ряд государств Центральной Азии и Кавказа (Азербайджан, Грузия, Таджикистан), где позже так или иначе все же произошло усиление президентской власти.

В итоге следующий этап начала 2000-х гг. стал периодом расцвета института президентства на постсоветском пространстве. Этому способствовал ряд причин и обстоятельств. Улучшение экономической конъюнктуры на энерго-топливном рынке позволило оживить экономическую ситуацию сразу в нескольких постсоветских республиках, специализирующихся в данной сфере (Россия, Казахстан, Азербайджан). В условиях глобального экономического роста это оказало позитивное воздействие и на национальные экономики других соседних государств, находившихся в тесной хозяйственной взаимосвязи. В политическом отношении эти позитивные изменения легли на благоприятную почву патримониальных и персоналистских традиций, присущих всем постсоветским политическим системам. Еще одной явной характеристикой этого этапа стало формирование в большинстве постсоветских стран так называемых «партий власти» («Единая Россия» в Российской Федерации, «Отан» (позже «Нур Отан») в Казахстане, «Новый Азербайджан» в Азербайджане и др.). Подобная попытка наблюдалась даже в Украине в лице Партии регионов, однако региональные и внутринациональные разногласия, а также острая конкуренция внутри украинской элиты не позволили ее осуществить. В итоге эта попытка была разрушена не сколько событиями «майданов», сколько активным формированием патрона-клиентистских партий, деятельность которых мы можем наблюдать вплоть до последних президентских выборов в этой республике.

В итоге описанного этапа у большинства населения республик с сильным институтом президентской власти сформировалось понимание устойчивой взаимосвязи между стабильностью экономической и социальной ситуации и высоким уровнем персонификации и централизации власти. Такое понимание приобрело, казалось бы, постоянный характер и должно было выразиться в окончательном оформлении властных институтов. Однако в момент наступившего осложнения социально-

экономического положения подобная оценка стала подвергаться все большим сомнениям.

Результатом этого процесса следует считать наступление нового этапа институционализации политических режимов указанной группы стран. Начало этого этапа приходится в ряде государств на обстоятельства внутренней политической борьбы и необходимости приспособления действующей политической системы. В Молдавии 2001–2009 гг. стали периодом борьбы между коммунистической партией и националистической оппозицией. Ее результатом стало образование «европейской коалиции» партий, часть лидеров которой составили бывшие коммунисты, и оформление парламентской республики. Особая казуальность сложившейся ситуации здесь проявляется в том, что действующий президент И. Додон был избран по итогам всенародного голосования в соответствии с конституционным законом 2016 г., однако остался «урезанным» в своих полномочиях.

В Грузии переход к парламентской республике был санкционирован действовавшим тогда президентом М. Саакашвили в 2010 г., предполагавшим для себя переход на новую должность премьер-министра по истечении двух президентских сроков. Этого не произошло, но формирование нового вида политического режима республики состоялось.

В России формальных изменений конституционного характера не произошло, однако возник опыт 2008–2012 гг., когда пост главы правительства приобрел дополнительную значимость в силу личностного фактора.

Наиболее интересными стали перипетии вокруг института президентства в Украине. «Столпы демократии» (В. Ющенко, а затем и П. Порошенко) обещали произвести изменения конституционного характера в пользу усиления властных полномочий Рады, однако так этого и не сделали. В. Ющенко отказался от этой мысли из опасений перед сильным «союзником» – Ю. Тимошенко, а П. Порошенко объяснил отказ от изменений чрезвычайностью политической ситуации в республике. При этом тот же В. Ющенко был не против подобных изменений в преддверии победы на выборах В. Януковича, перед которым оппозиция выдвигала неоднократные требования вернуться к конституционной реформе 2004 г., ослаблявшей полномочия института президентства в тот период. Вместо этого В. Янукович добился решения Конституционного Суда Украины по отмене указанной выше реформы. Затем он все-таки дал на нее вынужденное согласие, однако это уже не спасло его от потери власти. В итоге Украина сегодня – президентская республика с сильным парламентом, способным в любой момент оказать противодействие любому из действующих президентов при том, что программные установки главы государства и большинства депутатов Рады могут совпадать. Это обстоятельство и позволяет относить партийную систему Украины к типу патроно-клиентистских систем.

Современный этап институционализации открылся произошедшими изменениями в Армении. Действующий премьер-министр республики Н. Пашинян занял этот пост, одержав победу в результате «бархатной революции» 2018 г. и произведя ряд манипуляций в рамках действующей конституции в течение последовавшей осени. Блок Н. Пашиняна

«Мой шаг» с большим отрывом победил и на досрочных выборах в парламент в декабре 2018 г., получив 70% голосов избирателей. Таким образом, Армения стала классической парламентской республикой.

Определенные черты роста влияния парламентаризма могут возникнуть в связи переходом власти в Казахстане. Уход Н.А. Назарбаева с поста главы республики 19 марта 2019 г. первоначально не означал автоматическое проведение досрочных выборов нового президента. Это ставило мир политологов перед вопросом о преемнике, одним из которых считали старшую дочь бывшего президента Д. Назарбаеву. Однако ее последовавшее назначение на пост председателя верхней палаты парламента – Сената и объявление о проведении досрочных президентских выборов 9 июня 2019 г. сняли вопрос об основном кандидате на этот пост. По всей видимости, им будет исполняющий обязанности президента К. Токаев. Но при этом пост председателя Сената приобретает новую степень значимости. По действующей конституции республики именно занимающий этот пост политик становится президентом в случае досрочного прекращения полномочий действующего главы государства. Учитывая личность нового руководителя Сената и высокую степень возможности воздействия Н.А. Назарбаева, легко предположить формирование дуумвирата двух наиболее влиятельных фигур в руководстве страной. На практике это будет означать усиление значения верхней палаты парламента в политической системе республики. Таким образом, мы наблюдаем ослабление института президентской власти в классической президентской республике.

К этому следует добавить интересные предложения, высказанные спикером Госдумы РФ В. Володиным. 21 января 2019 г. он заявил о необходимости расширить полномочия Федерального Собрания с целью устранения существующего дисбаланса ветвей власти. 6 апреля 2019 г. он продолжил разговор на эту тему, подчеркнув необходимость активного участия депутатов при назначении состава правительства. Причем в обоих случаях В. Володин проявил заинтересованность в соответствующих изменениях в действующей конституции. Если это действительно произойдет, то мы наблюдаем действительно начало нового этапа институционализации политических режимов, затрагивающего все постсоветское пространство.

Список литературы

1. Макаркин А. Постсоветское пространство: авторитаризм и компромиссы // Неприкосновенный запас. – 2011. – №6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nekrikosnovenny-zapas-80-2011/12781>
2. Петров А.В. «Партия власти» на постсоветском пространстве: к постановке вопроса // Известия Иркутского государственного университета. – 2012. – №1. – С. 27–34.
3. Шкель С.Н. Режимная динамика постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа // Вестник Пермского университета. – 2015. – №1. – С. 5–24.

Каконова Мадина Муратовна
бакалавр, преподаватель

Оразалы Темирлан Жаналыұлы
бакалавр, преподаватель

Кокшетауский университет им. А.Мырзахметова
г. Кокшетау, Республика Казахстан

ПЛАН НАЦИИ – ПУТЬ К КАЗАХСТАНСКОЙ МЕЧТЕ

Аннотация: в статье анализируется казахская национальная идея в рамках проекта «Мәңгілік ел», предназначенная для формирования духовно-нравственных качеств и патриотических чувств будущей гражданской личности, казахстанского патриотизма и гражданской ответственности, национального самосознания и толерантности.

Ключевые слова: великая степь; развитие государственности; тюркские племена; казахский этногенез.

Казахстан – это историческая земля казахского народа. Этот факт подтверждают слова Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева: «История казахского народа очень богата. Многие казахские традиции передавались от предков в устной форме. Казахский народ берет свое начало с гуннов. После распада гуннов на историческую арену евразийских степей пришли тюрки. Таким образом, переход в эпоху ханства, затем постепенно переход к независимости. У нас богатая история. Мы не народ, который появился только вчера». Среди 189 стран мира Казахстан занимает девятое место по площади. На территории республики могли бы расположиться такие государства, как Австрия, Германия, Испания, Япония, Нидерланды и Великобритания.

17 января 2014 года Президент Республики Казахстан Нурсултан Абишевич Назарбаев в очередном Послании народу Казахстана сказал: «Год назад я провозгласил новый политический курс развития страны до 2050 года». Главная цель – вхождение Казахстана в число 30-ти *самых развитых государств мира*. «Жизнь народа прирастает с каждым следующим его поколением. Поэтому *нет мечты выше, чем мечта о Вечности Народа*. «Мәңгілік Ел» – это идея, которая открывает завтрашний день, выражает веру в будущее, это символ необратимой и прочной стабильности».

В основе идеи независимости, ставшей исторической ценностью, лежит судьба нации, заслуга великих личностей. Президент страны всегда напоминает современному поколению о том, что независимость пришла с многовековой мечтой наших предков: начало идеи «Мәңгілік Ел» берет свои корни с древних времен. 13 веков назад Тоныкок оставил завещание «Мәңгілік Ел – наследие тюркского народа». Это говорит о том, что наша общенациональная идея берет начало с древней истории, как и корни нашей государственности.

В международном научно-популярном историческом журнале «Mangı El» доктор филологических наук, исследователь тюркской истории, древнетюркского наследия профессор Каржаубай Сарткожаулы

писал: «Мәңгілік ел – это идея, основанная мудростью тюркского народа, известным Тонькоком, который был советником трех каганов. Когда Елтерис Кутлук каган создал второй Тюркский каганат, Тонькок начинает воплощать идею «Мәңгілік ел» [1, с. 108].

Наивысшего расцвета гунны достигли во время правления Аттилы, который сумел объединить западную и восточную части союза гуннских племен и создать мощное государство. Он является историческим деятелем, совершившим великий перелом в мировой истории и цивилизации [2, с. 156]. После гуннов во главе с их первым каганом Бумыном древние тюрки воссоздали страновую идею древних гуннов. Средневековые тюрки добились больших успехов в развитии государственности кочевников. После распада Тюркского каганата на мировую арену выходят тюрко-монголы во главе с Чингизханом. Объединив тюркские народы, он создал Великое государство. Среди этих народов активную роль сыграли конграты, жалайыры, найманы, керейты. Именно эти племена внесли огромный вклад в казахский этногенез и политическую историю [3, с. 258]. После распада Золотой Орды тюркские племена, населявшие казахскую степь, стремились создать единое государство. Эта идея стала главным лозунгом сегодняшнего казахского народа.

Список литературы

1. Сыдыков Е. Manti El. Международный научно-популярный исторический журнал. – Алматы, Pride Print, 2013.
2. Брилл М.О. The Kazakhs / Казахи // Studies of Nationalities. – 1995.
3. Ювалы А. История тюрков / А. Ювалы, Н. Имашова. – Туркистан, 2004.

Научное издание

**ПАРАДИГМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ БИОГРАФИСТИКИ
(К 140-ЛЕТИЮ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА ЯКОВЛЕВА)**

Сборник трудов
Всероссийской научной конференции
с международным участием
Чебоксары, 18 апреля 2019 г.

Ответственные редакторы *О.Н. Широков, Т.Н. Иванова*
Компьютерная верстка и правка *Е.В. Кузнецова*

Подписано в печать 20.05.2019 г.

Дата выхода издания в свет 27.05.2019 г.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Times. Усл. печ. л. 12,555. Заказ К-476. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
<https://phsreda.com>

Отпечатано в Студии печати «Максимум»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75
+7 (8352) 655-047
info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru